

ВЕСТНИК
Брянского
государственного
университета

№ 2 (44)

2020

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ /
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ / ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых
степеней доктора и кандидата наук по научной отрасли: **07.00.00** – Исторические науки и археология

Научные специальности: **07.00.02** - Отечественная история, **07.00.03** - Всеобщая история,
07.00.06 - Археология, **07.00.09** - Историография, источниковедение и методы исторического
исследования, **07.00.15** - История международных отношений и внешней политики.

**The Bryansk
State
University
Herald**

№ 2 (44)
2020

**HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY/
ECONOMICS / LAW**

№2 (44) 2020

Научный рецензируемый журнал

ИЮНЬ

ВЕСТНИК

БРЯНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Учредитель: федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского»

ББК 74.58

В 38

Вестник Брянского государственного
университета. №2 (44) 2020: историче-
ские науки и археология/ экономические
науки / юридические науки. Брянск:
РИСО БГУ, 2020. 156 с.

Председатель редакционной коллегии:
Антюхов Андрей Викторович - ректор,
доктор филологических наук, профессор,
Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского.

Главный редактор журнала:
Степченко Татьяна Александровна -
доктор педагогических наук, профессор,
проректор по научно-исследовательской
работе и международным связям, Брян-
ский государственный университет имени
академика И.Г. Петровского.

Ответственный секретарь:
Мельников Игорь Владимирович - канди-
дат биологических наук, доцент, начальник
редакционно-издательского отдела, Брян-
ский государственный университет имени
академика И.Г. Петровского.

Редакционная коллегия:

Артамошин Сергей Викторович -
доктор исторических наук, профессор, де-
кан факультета истории и международных
отношений, Брянский государственный
университет имени академика И.Г. Петров-
ского, Брянск, Россия;

Белецкий Сергей Васильевич – доктор
исторических наук, ведущий научный со-
трудник Отдела славяно-финской археоло-
гии Института истории материальной
культуры Российской Академии наук,
Санкт-Петербург, Россия;

Блументал Семен Федорович - доктор
исторических наук, профессор, заведую-
щий кафедрой всеобщей истории, между-
народных отношений и международного

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Арещенко А. М. ОТ ГРУППЫ ИНТЕРНАЦИОНАЛ ДО КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ГЕРМАНИИ (КПГ).....	9
Артамошин С. В. ЭРНСТ ЮНГЕР ВО ФРАНЦУЗСКОМ ИНОСТРАННОМ ЛЕГИОНЕ..	16
Зуева А. А. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЛИДЕРСТВО В ГОРОДСКОМ УПРАВЛЕНИИ РОССИИ СЕРЕДИНЫ XIX В. (НА ПРИМЕРЕ МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО ГОЛОВЫ КНЯЗЯ А.А. ЩЕРБАТОВА).....	22
Исмаилова З. А. СВЯТИТЕЛИ-ЧУДОТВОРЦЫ.....	33
Коженков А. В. МОНСТРАЦИЯ В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ СМИ: ДИХОТОМИЯ ВЗГЛЯДОВ И ПРИЧИНЫ ВОВЛЕЧЕННОСТИ.....	39
Кулаков В. И. ПРУССКИЕ ГОРОДИЩА В ИСТОРИИ ЯНТАРНОГО КРАЯ.....	45
Лазаренко Е. И. ПОЛОЖЕНИЕ ВОЕННОПЛЕННЫХ ЧЕТВЕРНОГО СОЮЗА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА ТЕРРИТОРИИ БРЯНСКОГО УЕЗДА.....	54
Малашенко И. В. КРЕСТЬЯНСКИЕ КОМИТЕТЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ВЗАИМО- ПОМОЩИ БРЯНСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ НЭПА.....	64
Мамедов З. И. ЦЕРКОВЬ В СССР В ОЦЕНКАХ ЦРУ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ.....	75
Марченков Р. Р. ОСОБЕННОСТИ СИСТЕМЫ ГРАЖДАНСКО-ВОЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.....	84
Прилуцкий В. В. ПОГРАНИЧНАЯ ВОЙНА (1910-1919 гг.) И АМЕРИКАНСКИЕ МОРМОНСКИЕ КОЛОНИИ В СЕВЕРНОЙ МЕКСИКЕ.....	90
Степанова О. Б. ПРОМЫШЛЕННОЕ РЫБОЛОВСТВО СЕВЕРНЫХ СЕЛЬКУПОВ: К ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ.....	95
Столяров Е. В., Радюш О. А. ГОРИЗОНТ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ГОРОДИЩА НОВОСИЛЬ.....	106
Фельдман А. Д. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АМЕРИКАНСКОГО СТУДЕНЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ХОД ВЬЕТНАМСКОЙ ВОЙНЫ (1964-1973 гг.).....	113

права, Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, Брянск, Россия;

Глушаков Николай Владимирович - доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой таможенного дела и маркетинга Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, Брянск, Россия;

Гриненко Александр Викторович - доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики МГИМО-Университета МИД РФ, Москва, Россия;

Гудименко Галина Валерьевна - доктор экономических наук, профессор Орловского государственного университета экономики и торговли, Орел, Россия;

Донцова Людмила Васильевна - доктор экономических наук, профессор кафедры Финансового контроля, анализа и аудита Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия;

Дорошков Владимир Васильевич - доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики МГИМО-Университета МИД РФ, Москва, Россия;

Дубровский Александр Михайлович - доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск, Россия;

Енуков Владимир Васильевич - доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Курского государственного университета, директор НИИ археологии юго-востока Руси. Курск, Россия;

Иосифуру Цутия - профессор Нихонского университета, кафедра Исторических наук, Токио, Япония;

Кащенко Сергей Григорьевич - доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой источниковедения истории России Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия;

Марковичева Елена Викторовна - доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник отдела проблем уголовного судопроизводства «Российский государственный университет правосудия», Москва, Россия;

Мельников Олег Николаевич - доктор экономических наук, профессор кафедры менеджмента Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана, Москва, Россия.

Михальченко Сергей Иванович - доктор исторических наук, профессор, директор научно-исследовательского института

Чубур А. А., Шафенкова Ю. В.

О СЕВЕРНЫХ ГРАНИЦАХ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПОСТКАТАКОМБНЫХ ДРЕВНОСТЕЙ СРЕДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА В ПОДЕСЕНЬЕ 119

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Александров Д. В. (экономика)

ЭВОЛЮЦИЯ ПОДХОДОВ К МОДЕЛИРОВАНИЮ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ 129

Исаева В. В., Сахарова Ю. В. (юриспруденция)

МЕЖДУНАРОДНЫЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ И ПРАВА НА ЧАСТНУЮ ЖИЗНЬ 136

Устинов А. А. (юриспруденция)

ГЕНЕЗИС ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О СУДЕБНОМ КОНТРОЛЕ ЗА ДОСУДЕБНЫМ ПРОИЗВОДСТВОМ ... 143

фундаментальных и прикладных исследований, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск, Россия;

Патрушева Наталья Генриховна - кандидат исторических наук. заведующая сектором книговедения Отдела редких книг Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург, Россия;

Райнхард Нахтигаль – профессор Фрайбургского университета им. Альберта-Людвига, научный сотрудник, Фрайбург, Германия;

Рогова Елена Моисеевна – доктор экономических наук, профессор департамента финансов Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия;

Шинаков Евгений Александрович - доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского, Брянск, Россия.

В данном выпуске журнала «Вестник Брянского государственного университета» представлены материалы ученых по основным направлениям исследований. Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов. Ответственность за точность фактологического материала, используемого в статьях, несут авторы.

**Подписной индекс «Пресса России»:
40705 годовая**

The Bryansk State University Herald

The founder – Federal State Budget Educational Institutional
of Higher Educational «Bryansk State Academician
I.G. Petrovsky University»

The Bryansk State University Herald.
№ 2(44) 2020: historical sciences and
archaeology/ economics / law. Bryansk:
RISO BSU, 2020. 156 p.

Chairman of editorial board:

Antyukhov Andrey Viktorovich –
Rector, Doctor of Philological Sciences,
Professor, Bryansk State Academician
I.G. Petrovsky University.

Chief editor:

Stepchenko Tatyana Alexandrovna -
Doctor of Pedagogical Sciences,
Professor, Vice rector for research
activity and international relations,
Bryansk State Academician I.G.
Petrovsky University.

Executive secretary:

Melnikov Igor Vladimirovich –
Candidate of Biological Sciences,
Associate Professor, chief of publishing
department, Bryansk State Academician
I.G. Petrovsky University.

Editorial board:

Artamoshin Sergei Viktorovich –
Doctor of historical sciences, Professor,
Dean of the Faculty of History and
International Relations, Petrovsky
Bryansk State University, Bryansk,
Russia;

Beletsky Sergey Vasilyevich - Doctor of
historical sciences, leading researcher of the
Department of Slavic and Finnish
archaeology, Institute for the History of
Material Culture of the Russian Academy of
Sciences, St. Petersburg, Russia;

Blumenau Semen Fedorovich -
Doctor of historical sciences, Professor,
Head of the World History, International
Relations and International Law
Department, Petrovsky Bryansk State
University, Bryansk, Russia;

Chernopetrov Vasily Lvovich - Doctor
of Historical Sciences, Associate
Professor, Head of the World History and
International Relations Department,
Ivanovo State University, Russia;

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

Areshenko A. M. FROM THE INTERNATIONAL GROUP TO THE COMMUNIST PARTY OF GERMANY (CPG)	9
Artamoshin S. V. ERNST JUNGER IN THE FRENCH FOREIGN LEGION	16
Zuieva A. A. THE POLITICAL LEADERSHIP IN THE CITY GOVERNANCE OF RUSSIA IN 19TH CENTURY (TOWARD THE EXAMPLE OF MOSCOW CITY HEAD OF PRINCE A.A. SCHERBATOV)	22
Ismailova Z. A. SAINTS-MIRACLE WORKERS	33
Kozhenkov A. V. THE PHENOMENON OF MONSTRATION IN THE MEDIA: A DICHOTOMY OF VIEWS	39
Kulakov V. I. PRUSSIAN CITIES IN THE HISTORY OF THE AMBER RERION	45
Lazarenko E. I. POSITION OF ENEMY PRISONERS OF WAR ON THE TERRITORY OF THE BRYANSK DISTRICT	54
Malashenko I. V. PEASANT COMMITTEES OF PUBLIC MUTUAL ASSISTANCE OF THE BRYANSK PROVINCE IN THE FIRST YEARS OF THE NEP	64
Mamedov Z. I. oglu CHURCH IN THE USSR IN CIA ASSESSMENTS AT THE INITIAL STAGE OF THE COLD WAR	75
Marchenkov R. R. FEATURES OF THE SYSTEM OF CIVIL-MILITARY RELATIONS IN THE UK DURING THE SECOND WORLD WAR.....	84
Prilutskiy V. V. THE BORDER WAR (1910-1919) AND AMERICAN MORMON COLONIES IN NORTHERN MEXICO	90
Stepanova O. B. INDUSTRIAL FISHERY OF THE NORTHERN SELKUPS: TO THE HISTORY OF FORMATION.	95
Stolarov E. V., Radyush O. A. HORIZON OF THE EARLY IRON AGE OF THE HILLFORT OF NOVOSIL	106
Feldman A. D. THE ACTIVITIES OF THE AMERICAN STUDENT MOVEMENT AND ITS INFLUENCE ON THE COURSE OF THE VIETNAM WAR (1964-1973).....	113
Chubur A. A., Shafenkova J. V. ON THE NORTHERN BOUNDARIES FOR THE DISTRIBUTION OF POSTCATACOMBAL ANTIQUITIES OF THE MIDDLE BRONZE AGE IN DESNA REGION.....	119

Glushak Nikolai Vladimirovich – Doctor of Economics, Associate Professor, Head of the Customs and Marketing Department, Petrovsky Bryansk State University, Bryansk, Russia;

Grinenko Aleksander Viktorovich – Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics, MGIMO-University, Ministry of Foreign Affairs, Russian Federation, Moscow, Russia;

Gudimenko Galina Vasilyevna – Doctor of Economics, Professor of Orel State University of Economics and Trade, Orel, Russia;

Dontsova Ludmila Vasilyevna – Doctor of Economics, Professor of the Department of Financial Control, Analysis and Audit, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia;

Doroshkov Vladimir Vasilyevich – Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics, MGIMO-University, Ministry of Foreign Affairs, Russian Federation, Moscow, Russia;

Dubrovskii Aleksandr Mikhailovich – Doctor of historical sciences, Professor, Professor of the World History, International Relations and International Law, Petrovsky Bryansk State University, Bryansk, Russia;

Enukov Vladimir Vasilyevich – doctor of historical Sciences, Professor of the Russian History Department, Kursk State University, Director of the Institute of archeology of the Southeast of Russia, Kursk, Russia;

Iosifuru Tsutia – Professor of Nihon University, Department of Historic sciences, Tokyo, Japan;

Kashchenko Sergey Grigoryevich – Doctor of historical sciences, Professor, Head of Source Studies of Russian History Department, Institute of History, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia;

Markovicheva Elena Viktorovna – Doctor of Law, Associate Professor, Principal Research Scientist of Criminal Justice Issues Department, Russian State University of Justice, Moscow, Russia;

Melnikov Oleg Nikolaevich – Doctor of Economics, Professor of the Department of management, Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russia;

Mikhalchenko Sergey Ivanovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Research Institute for Fundamental and Applied Research,

ECONOMICS AND LAW

Aleksandrov D. V. (*economics*)

EVOLUTION OF APPROACHES TO MODELING REGIONAL DEVELOPMENT 129

Isaeva V. V., Sakharova J. V. (*law*)

INTERNATIONAL AND NATIONAL ASPECTS OF LEGAL REGULATION OF PRIVATE LIFE AND THE RIGHT TO PRIVACY 136

Ustinov A. A. (*law*)

GENESIS OF DOMESTIC LEGISLATION ON JUDICIAL CONTROL OF PRE-JUDICIAL PROCEEDINGS 143

Petrovsky Bryansk State University,
Bryansk, Russia;

Patrusheva Natalya Genrikhovna -
Candidate of historical Sciences, Head of
the rare books Department of the Russian
national library, St. Petersburg, Russia;

Popov Stoyan Yordanov - Doctor of
Historical Sciences, Associate Professor
of the Department History and
Archeology, Plovdiv University «Paisii
Hilendarski», Bulgaria;

Reinhard Nachtigal - PhD., Freiburg
Albert-Ludwigs University of Freiburg,
Germany;

Rogova Elena Moiseevna – Doctor of
Economics, Professor of the Department
of Finance, National research University
"Higher school of Economics", Saint-
Petersburg, Russia;

Shinakov Evgeniy Aleksandrovich -
Doctor of historical sciences, Professor
of the Russian History Department,
Petrovsky Bryansk State University,
Bryansk, Russia.

In this issue of the journal "The
Bryansk State University Herald"
materials of scientists in the
main directions of researches are
presented, it is intended for
scientists, teachers, graduate
students and students.
Materials of articles are printed
in author's edition.

**Index 40705 of general catalog
«Press of Russia»**

УДК 943.085

Арещенко А.М., аспирант, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия).

ОТ ГРУППЫ ИНТЕРНАЦИОНАЛ ДО КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ГЕРМАНИИ (КПГ)

Статья посвящена неоднозначному процессу формирования из леворадикальной группировки немецких социалистов самостоятельной политической партии. В ходе исследования особое внимание уделяется противоречиям, возникающим в среде немецких социалистов. Также уделено особое внимание влиянию отдельных личностей на данный процесс. Затронуты основные проблемы, мешавшие формированию крепкой партии немецких коммунистов.

Ключевые слова: социал-демократы, леворадикальные социалисты, Коммунистическая партия Германии.

DOI: 10.22281/2413-9912-2020-04-02-9-15

События Первой мировой войны оказали большое воздействие на историю развития социалистического движения. Различное отношение к войне в среде левых послужило причиной к расколу в социал-демократической партии Германии (СДПГ). К началу Ноябрьской революции в Германии на территории империи существовало несколько крайне левых групп, среди которых можно выделить группу «Спартак» под руководством К. Либкнехта и Р. Люксембург. Революционная обстановка в Германии привела к тому, что эти разрозненные организации в конце 1918 года собрались вместе для создания собственной независимой партии.

Основание Коммунистической партии Германии проходило в атмосфере политической путаницы среди революционного авангарда Германии. Подготовка к нему совпала с прибытием в Берлин трех делегатов, отправленных из Москвы для представления Советской России на съезде Советов. Они сумели тайно пересечь границу [9, с. 209].

Ядром новой партии было суждено стать организации «Союз Спартака». Историю этой организации можно начать с 1 января 1916 года, когда на всегерманском съезде левых социал-демократов К. Либкнехт, Р. Люксембург, Ф. Меринг, К. Цеткин, Ю. Мархлевский, Л. Йогихес, официально начали именовать свое объединение группой «Интернационал». В качестве политической платформы члены организации приняли «Тезисы», предложенные Р. Люксембург. Основопологающим принципом данного документа было осуждение войны,

поэтому обращаясь к мировому пролетариату, автор тезисов предлагала лозунг «война войне». Решение социалистических партий в поддержке войны признавалось неверным и по своей сути дискредитирующим Интернационал как международное движение рабочих [6, с. 73-78].

Группа продолжила свою работу как левая организация, но существовала как особая ячейка в составе независимой социал-демократической партии Германии (НСДПГ). Для привлечения последователей в свою ячейку ее создатели выпустили ряд листовок под общим названием «Письма Спартака» (Spartakusbrieфе), они стали поводом к переименованию группы «Интернационал» в группу «Спартак» [2, с. 355]. К 9 ноября 1918 года положение группы «Спартак» радикальным образом не изменилось, она продолжала входить в НСДПГ. В военные годы руководители группы пострадали из-за своих антиправительственных действий, в частности Карл Либкнехт 1 мая 1916 года организовывал демонстрацию на Потсдамской площади в Берлине, за что там же и был арестован. Потеряв мандат Рейхстага, он был приговорен к двум с половиной годам тюремного заключения за государственную измену. В апелляционном суде приговор увеличен до четырех лет и одного месяца. Карл Либкнехт не отбыл свой срок до конца, так как 23 октября 1918 года во время всеобщей амнистии Либкнехт был помилован и с энтузиазмом был принят его последователями. Вместе с Люксембургом он берет на себя руководство группой «Спартак» [17, с. 298-330].

После того как Ф. Шейдеман провозгласил 9 ноября 1918 года «Германскую республику», Карл Либкнехт с балкона Берлинского замка назвал Германию «свободной социалистической республикой» [4, с. 37]. Спартаковцы приняли активное участие в демонстрациях, в результате чего на захваченном оборудовании газеты «Berliner Lokal-Anzeiger», им удалось напечатать два номера газеты «Die Rote Fahne» [5, с. 87]. Редакторами новой газеты стали лидеры группы Спартак – Р. Люксембург и К. Либкнехт [11]. В свою очередь появление у спартаковцев собственного печатного органа способствовало привлечению новых последователей в ряды группы.

Рассчитывая на совместную работу по урегулированию возникшей ситуации в результате революционных событий, лидеры СДПГ выступили с предложением к независимым социал-демократам организовать объединенное правительство на паритетной основе [16, с. 129]. Карл Либкнехт на правах члена НСДПГ в свою очередь выдвинул ряд требований. В первую очередь вся власть в свободной социалистической республике должна принадлежать рабочим и солдатским советам, а все буржуазные представители должны покинуть правительство [5, с. 85-86]. СДПГ на данные заявления ответила отказом, ссылаясь на то, что в таком случае будет установлена диктатура части одного класса, за которой не стоит народное большинство, а это в свою очередь не стыкуется с их демократическими принципами [4, с. 40]. Дело сдвинулось с мертвой точки лишь с возвращением из Киля Гуго Гаазе. Независимые решили отозвать ряд условий, с которыми были не согласны в СДПГ. Эти события продемонстрировали различие во взглядах на политику партии между большинством партии НСДПГ и особой группой «Спартак» в ее составе, а также продемонстрировали организационную слабость леворадикальной группы.

Игнорирование требований К. Либкнехта политическими партиями не остановило спартаковцев, они решили добиваться своих целей с помощью народа, поэтому в утреннем номере «Die Rote Fahne» от 10 ноября 1918 года обрушила волну критики против СДПГ. На предложенный призыв Эберта: «не оставаться на улицах и сохранять

спокойствие и порядок», - редакторы газеты приводили совершенно противоположную по своему содержанию заметку. «Мы предлагаем, напротив, не уходить с улиц, а оставаться на них вооруженными и каждую минуту быть на стороже. Дело революции надёжно только тогда, когда оно в руках народа... Рабочие солдаты, будьте на стороже!» [11] В приведенных строках четко прослеживается радикальное настроение группы по отношению к официальной власти. Для борьбы с обманом рабочим предлагают вооружаться и уже с оружием в руках добиваться справедливости. Важной мерой в достижении целей революции спартаковцы видели избрание по всей Германии рабочих и солдатских советов, в руках которых должны находиться законодательство и управление [11].

В Берлине днем 10 ноября 1918 года для закрепления достигнутых соглашений между СДПГ и НСДПГ в цирке Буше была собрана большая делегация представителей советов рабочих и солдат. Продолжая свою политическую линию борьбы со старыми порядками, перед началом собрания, спартаковцы распространяли листовку, адресованную делегатам собрания. В ней сторонники Либкнехта призывали не голосовать за шейдемановцев и тех, кто сотрудничал и сотрудничает с ними [14, с. 41]. Выступая на собрании, К. Либкнехт обрушился с критикой на Ф. Эберта, обращаясь к собравшимся он объявил, что политика, проводимая нынешним канцлером, лжива и своей целью несет лишь попытку обмануть пролетариат. Призывал бороться с растущей контрреволюцией. Его выступление вызвало бурю возмущений со стороны собравшихся, а со стороны солдат последовали даже угрозы [5, с. 91]. Однако все попытки представителей группы Спартак повлиять на решения совета в цирке Буше не увенчались успехом. Призывы спартаковцев к консолидации всей власти в руках Советов не были исполнены. В ходе Ноябрьской революции в Германии группа Спартак не смогла добиться поставленных целей. С самых первых моментов существования новой политической системы в Германии спартаковцы выступили ярыми ее противниками слева. В их глазах новый социалистический режим пытался сохранить старые порядки. Поэтому

основной целью растущей группы левых социалистов было свержение новой власти. В эти дни отчетливо проявились противоречия между НСДПГ и группой Спартак. Апогеем данного конфликта стало собрание в цирке, где все предложенные инициативы спартаковцев были отклонены, а их лидеры не были избраны в новые органы власти.

Ситуация складывалась для спартаковцев не лучшим образом, так как позиция на которой стояла группа была значительно левее чем у НСДПГ. Поэтому для того чтобы не раствориться в общей массе независимых социал-демократов спартаковцам требовались усилить их организационную самостоятельность. Для поисков путей выхода из сложившейся ситуации 11 ноября 1918 года в отеле «Эксельсиор» собрались все руководители группы. Одним из способов решения возникшей ситуации для леворадикальной группы было формирование самостоятельной группы. Но учитывая тот факт, что 9 и 10 ноября 1918 года их требования не были поддержаны народными массами, продемонстрировали слабость организации спартаковцев среди народа. Поэтому К. Либкнехт и его последователи решили, не выходя из партии НСДПГ, провести организационные изменения, и формально сохраняя партийную принадлежность, создать партию внутри партии. На данном собрании было решено изменить название на «Союз Спартака» [5, с. 95-97]. Создание собственного печатного органа в виде газеты «Die Rote Fahne» позволило выражать свои взгляды на сложившуюся систему, не зависимо от риторики газет НСДПГ. Начиная с 18 ноября 1918 года газета спартаковцев начала издаваться ежедневно, что в условиях бурной обстановки, сложившейся в Германии, способствовала притоку электората в ряды организации. Решение спартаковцев сохранить свое партийное единство с независимыми социал-демократами было временной мерой, а работа по укреплению структурной целостности в определенный момент должна была поставить вопрос о создании самостоятельной партии, стоящей на крайне левых позициях.

Продолжая уходить все сильнее в оппозицию по отношению к сформированному правительству, Р. Люксембург в своей статье «Начало», опубликованной в «Die Rote

Fahne» от 18 ноября 1918 года, обрушивается с критикой на действия СНУ в эти революционные дни. Статья начинается со слов «Революция началась», далее она призывает всех сконцентрироваться и продолжить начатое дело. Продолжая рассуждения, Люксембург делает вывод: «рабоче-солдатское правительство действует, как преемник империалистического правительства, которое обанкротилось» [11]. По ее мнению, все попытки социалистов большинства успокоить народ в призывах соблюдать спокойствие, есть ни что иное, как попытка подмены социалистической революции буржуазной.

Еще более явно существующие разногласия между большинством НСДПГ и «Союзом Спартака» продемонстрировали трагические события 6 декабря 1918 года. В вышедшей 7 декабря 1918 года «Die Rote Fahne» была размещена статья, в которой вся вина за случившееся возлагалась на лидеров СДПГ. «Изгоните из правительства истинных виновников, родоначальников бессовестной травли, развратителей несознательной солдатской массы – Вельса, Эберта, Шейдемана» [11]. В свою очередь газета СДПГ «Vorwärts» выступала с заявлениями, в которых вся вина за трагический исход событий возлагалась на спартаковцев [15].

Не могла не отреагировать на случившееся и пресса НСДПГ, в газете «Freiheit» от 9 декабря 1918 года было сказано о непричастности Эберта и Шейдемана к произошедшим событиям, особенно подчеркивалась их неосведомленность в подготовке путча [12]. Это стало поводом для спартаковцев, чтобы выступить с осуждением политики НСДПГ, поэтому новый номер «Die Rote Fahne» был озаглавлен следующим заявлением: «Газета независимых радуется и торжествует... Гаазе и Эберт подают друг другу руки через 14 трупов на Шассе-штрассе» [11]. Таким образом, после кровавых событий 6 декабря разница в политических взглядах НСДПГ и «Союза Спартака» переросла в открытый конфликт.

Еще ярче разногласия между независимыми и спартаковцами продемонстрировал первый всеобщий съезд советов рабочих и солдатских депутатов Германии, открывшийся 16 декабря 1918 года в Берлине. К. Либкнехт и Р. Люксембург не были избраны

в качестве делегатов, а также не приглашены в качестве гостей, хотя подобная инициатива поступала.

Но «Союз Спартака» не остался в стороне, в эти дни «Die Rote Fahne» обратилась к народу с призывом: «Выходите на улицу!» [11]. По сведениям, которые на следующий день были представлены прессой спартаковцев, количество участников демонстрации составляло 250000 человек [11], по другим данным количество митингующих было в разы меньше в районе 60-70 тыс. человек [1, с. 132]. Выступая перед народом К. Либкнехт сказал о защите революции и борьбы с контрреволюцией [11]. Также перед митингующими звучал и ключевой лозунг спартаковцев: «Вся власть рабочим и солдатским Советам...» [5, с. 156]. Свое мнение и обеспокоенность по возникшей ситуации высказывали и в Советской России: «Социалисты теперь за учредилку, а Либкнехт, который три года провел в тюрьме, он стоит, как и Роза Люксембург, во главе «Красного Знамени» [7, с. 377-378]. Все более разрастающийся конфликт между независимыми социал-демократами и «Союзом Спартака» на открывшемся съезде достиг своего пика. Делегаты собрания отказались допустить лидеров спартаковцев для участия в съезде, даже не взирая на их авторитет, а все инициативы, предложенные ими, были отклонены. Стоит отметить возросшее влияние спартаковцев среди народа. Если в первые дни Ноябрьской революции в Германии группа «Спартак» была маргинальным клубом леворадикальных социалистов, то к концу 1918 года она завоевала поддержку значительной массы народа и была готова занять собственную политическую нишу. Поэтому дальнейшее сосуществование на правах особой ячейки НСДПГ для союза было под большим вопросом.

В условиях явно вскрывшегося конфликта между НСДПГ и «Союзом Спартака» не все его представители выступали за создание собственной независимой партии. Например, Люксембург и Йогихес заявляли о необходимости оставаться частью партии независимых, хотя бы до ближайшего съезда. По их мнению, это позволило бы оторвать от независимого наибольшего числа их последователей [9, с. 211-212]. Однако разрыв с НСДПГ был ключевым условием для

объединения с другими леворадикальными группировками. Прелюдией к основанию КПП стала национальная конференция Интернациональных Коммунистов Германии (ИКД), состоявшаяся 24 декабря 1918 года в Берлине, на которой присутствовали делегаты из северной Германии, Саксонии, Баварии и Рейнской области. На съезде обсуждался вопрос будущей организации, в частности необходимо было решить должны ли они сформировать свою собственную партию или объединиться со спартаковцами. ИКД предупредил «Союз Спартака», что в любом случае в Германии будет создана Коммунистическая партия «с ними или без них» [10]. Важную роль в слиянии леворадикальных организаций сыграл К. Радек, прибывший в столицу Германии с товарищами нелегальным путем [8, с. 15-24]. Именно его авторитет и связи стали важной ниточкой для образования КПП. Хотя по ходу конгресса Радек большой активности не проявлял, лишь единожды выступил с речью о событиях в Советской России, и объяснил какое значение для них имеет революция в Германии [3].

Учредительный съезд Коммунистической Партии Германии начал свою работу 30 декабря 1918 года в Берлине. Предварительно представителям «Союза Спартака» пришлось принять тяжелое решение и окончательно покинуть НСДПГ. Перед делегатами съезда стояли несколько важных задач: определить название партии, выработать тактику по отношению к Национальному собранию, сформулировать основные положения партии. В конгрессе принимали участие 83 делегатов от «Союза Спартака» и 29 делегатов от ИКД.

Первым перед собравшимися с обширной речью выступил К. Либкнехт. В первую очередь он заявил о возникшем кризисе в независимой социал-демократической партии, во-вторых, он говорил о достигнутых соглашениях по строительству новой партии. Рассуждая в жестком тоне о представителях НСДПГ, он указал на их недочеты и заблуждения, оценив на основании этого свою прошлую работу как «парламентский кретинизм». В его речи была дана оценка работы по подготовке к восстанию и его ходе, а также охарактеризована роль народных масс для революции. Затрагивая щекотливый вопрос

совместной работы спартаковцев и независимых, он заявил, что основной целью данного альянса была работа по вовлечению как можно большего числа последователей в свою организацию, эта работа была им охарактеризована как «сизифов труд» [13].

Далее на повестке дня был поднят вопрос о названии, которое должна носить новая партия, делегатом следовало выбрать одно из предложенных названий: «Революционная коммунистическая партия Германии (Союз Спартака)», «Коммунистическая партия Германии (Союз Спартака)» и «Коммунистическая рабочая партия Германии». С критикой по отношению к первому названию выступил Ф. Геккерт, указав на чрезмерность присутствия в названии слова «революционная», объяснив это тем, что присутствие в названии слов «Союз Спартака» достаточно для характеристики новой партии как революционной [13].

После выступления перед делегатами съезда К. Радека слово было предоставлено П. Леви. Ему предстояло представить перед делегатами съезда вопрос об участии партии в выборах в Национальное собрание. Осознавая негативное отношение собравшихся к данному вопросу, Леви попытался убедить делегатов в острой необходимости для партии принять участие в выборах. Этот вопрос разделил делегатов на две неравные части. В качестве основных аргументов за участие в выборах были приведены: участие большевиков в выборах в Учредительное собрание в России; избрание в Национальное собрание означает нахождение в центре политического события, к которому в течение нескольких месяцев будут прикованы все взгляды; не принимать участие в работе собрания - значит остаться снаружи без возможности повлиять на исход; если работа Национального собрания будет организована в провинции, где у коммунистов нет большого влияния, партия окажется полностью изолированной. Кроме этого подрывную деятельность можно вести и внутри собрания [13].

Абсолютно противоположную точку зрения представляло более молодое поколение партийцев, поддерживающих инициативу, внесенную О. Рюле за отказ от участия в выборах в Национальное собрание. В качестве аргументов против участия в выборах

были представлены следующие идеи: участие в выборах будет означать предательство коммунистами идей революции; основной силой, с помощью которой нужно бороться с буржуазией, являются народные массы и улица; участвовать в выборах - все равно что идти на компромисс с оппортунистами; в случае перенесения Национального собрания в провинцию коммунисты организуют свое правительство в Берлине [13].

Дебаты по данному вопросу вызывали и аплодисменты, и недовольные возгласы со стороны собравшихся делегатов, но в конце концов в результате голосования предложение П. Леви и других участников съезда, выступающих за участие в выборах было отклонено 62 голосами против и 23 – за. Таким образом, предложение Рюле, выступающего против участия коммунистов в выборах, стало определяющим для партии [13].

Отказ КПГ от участия в выборах в национальное собрание означал безусловную победу ультралевых крыла социалистов над старой верхушкой «Союза Спартака». К. Либкнехту и Р. Люксембург ничего не оставалось как согласиться с мнением большинства, хотя оно не соответствовало их точке зрения по данному вопросу.

На следующий день с большой речью на съезде выступила Р. Люксембург, где она изложила видение программы для новой партии, взяв за основу статью от 14 декабря 1918 года «Чего хочет Союз Спартака?» [11]. На съезде царили бунтарские настроения, но ее выступление способствовало закреплению в программе следующего принципа: «Союз Спартака возьмет на себя власть только в результате ясной и однозначной воли большинства пролетарских масс Германии и никак иначе, чем на основании сознательного согласия масс со взглядами, целями и методами борьбы союза Спартака» [9, с. 220-221].

Во время обсуждения вопросов, связанных с будущей организацией партийной работы, было предложено предоставить широкую автономию местным организациям, а за центральным руководством закрепить интеллектуальное и политическое лидерство. Возникшие споры по этому вопросу не позволили принять окончательного решения. В то же время старые спартаковцы рассчитывали удержать в своих руках бразды правления [9, с. 221].

Подобная неопределенность большей части делегации в жизненно важных вопросах для партии говорила о слабой сплоченности в новой партии. Неспособность делегатов решить вопрос организации партии демонстрировала ее нестабильность. Своим впечатлением от прошедшего конгресса делился К. Радек: «Съезд демонстрирует очень ярко молодость и неопытность партии» [8, с. 30].

Еще одним исходом конгресса, усугубившем изолированность партии от народных масс, стали неудачные переговоры К. Либкнехта с представителями «Революционных старост». Ряд позиций, занимаемых КППГ, не стыковались с позициями старост, в первую очередь это касалось участия в выборах в Национальное собрание. Также «Революционные старосты» были против любых указаний на преемственность новой партии с «Союзом Спартака». Коммунисты были не согласны и с их требованием участия представителей старост в комиссии по вопросам обсуждения программы и организации партии [9, с. 222-224]. Провалившиеся переговоры привели к тому, что КППГ потеряла значительную часть электората, так

необходимую им для достижения своих целей. Оценивая итог прошедшего конгресса, К. Радек писал: «Связь с массами очень слаба» [8, с. 30].

Таким образом, продолжительная история существования леворадикальных групп в конечном итоге привела в конце 1918 года к образованию самостоятельной политической партии коммунистов. Однако этот путь привел к тому, что близкие по духу организации не имели общего плана в достижении поставленных целей. Эти противоречия не позволяли долгое время им объединиться в единую силу, в итоге лишь авторитет революции в России и личные связи К. Радека позволили левым социал-демократическим организациям Германии снять ряд противоречий и собраться для объединения в единую партию. Но во время съезда вскрылись различные взгляды делегатов на организацию дальнейшей работы партии. А непреклонность большинства делегатов привела к изоляции новой партии от народных масс. Итогом такой политики молодой партии стали трагические события января 1919 года.

Список литературы

1. Бернштейн Э. Германская революция. История ее возникновения и ее первого периода. Восток, 1922. 331 с.
2. Большая Советская Энциклопедия. В 30 томах Т. 24. М.: Советская Энциклопедия, 1970. 575 с.
3. Ватлин А. Карл Радек и германская революция. [Электронный ресурс]. URL: <https://rabkrin.org/vatlin-a-karl-radek-i-germanskaya-revolutsiya-statya/> (дата обращения: 17.11.2019)
4. Винклер Г. А. Веймар 1918-1933: история первой немецкой демократии. М.: РОСПЭН, 2013. 878 с.
5. Драбкин Я. С. Ноябрьская революция в Германии. М.: Наука, 1967. 443 с.
6. Коминтерн и идея мировой революции. Документы. М.: Наука, 1998. 949 с.
7. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 37. М.: 1969. 747 с.
8. Радек К. Немецкий ноябрь. М.: Огонек, 1927. 64 с.
9. Broué P. The German Revolution, 1917—1923. Boston: Brill Leiden, 2006. 991 s.
10. Dauvé Gilles, Authier Denis The Communist Left in Germany 1918-1921. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.marxists.org/subject/germany-1918-23/dauve-authier/index.htm/> (дата обращения: 10.01.2020)
11. Die Rote Fahne.
12. Freiheit.
13. Protokoll des Gründungsparteitages der Kommunistischen Partei Deutschlands. 30 Dezember 1918 — 1 Januar 1919. В.: 1972. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.marxists.org/deutsch/geschichte/deutsch/kpd/1918/tag1am.htm#to1/> (дата обращения: 01.02.2020)
14. Schumann D. Politische Gewalt in der Weimarer Republik, 1918—1933: Kampf um die Strasse und Furcht vor dem Bürgerkrieg. Essen: Klartext, 2001. 400 s.
15. Vorwärts.

16. Winkler H. A. Von der Revolution zur Stabilisierung. Arbeiter und Arbeiterbewegung in der Weimarer Republik 1918–1924. B.: 1985. 786 s.
17. Wohlgenuth H. Karl Liebknecht: Eine Biographie. – B.: Dietz, 1975. 533 s.

FROM THE INTERNATIONAL GROUP TO THE COMMUNIST PARTY OF GERMANY (CPG)

The article is concerned with the ambiguous process of the formation of an independent political party from the left-wing radical group of German socialists. In the course of the study, special attention is paid to the contradictions that arise among German socialists. Special attention is also paid to the influence of individuals on this process. The main problems that hindered the formation of a strong party of German Communists are touched upon.

Keywords: social democrats, left-wing radical socialists, Communist party of Germany.

References

1. Bernstein E. Germanskaya revolyutsiya. Istoriya yeye vozniknoveniya i yeye pervogo perioda [The German Revolution. The history of its occurrence and its first period]. Vostok, 1922. 331 s.
2. Bol'shaya Sovetskaya Entsiklopediya. V 30 tomakh [The Great Soviet Encyclopedia. In 30 volumes]. T. 24. M.: Sovetskaya Entsiklopediya, 1970. 575 s.
3. Vatlin A. Karl Radek i germanskaya revolyutsiya [Karl Radek and the German Revolution]. – URL: <https://rabkrin.org/vatlin-a-karl-radek-i-germanskaya-revolutsiya-statya>.
4. Winkler G. A. Veymar 1918-1933: istoriya pervoy nemetskoy demokratii [Weimar 1918-1933: the history of the first German democracy]. M.: ROSPEN, 2013. 878 s.
5. Drabkin YA. S. Noyabr'skaya revolyutsiya v Germanii [The November Revolution in Germany]. M.: Nauka, 1967. 443 s.
6. Komintern i ideya mirovoy revolyutsii. Dokumenty [The Comintern and the idea of world revolution. Documents]. M.: Nauka, 1998. 949 s.
7. Lenin V. I. Polnoye sobraniye sochineniy [Complete works.]. T. 37. M.: 1969. 747 s.
8. Radek K. Nemetskiy noyabr' [German November]. M.: Ogonek, 1927. 64 s.
9. Broué P. The German Revolution, 1917—1923. Boston: Brill Leiden, 2006. 991 s.
10. Dauvé Gilles, Authier Denis The Communist Left in Germany 1918-1921. – URL: <https://www.marxists.org/subject/germany-1918-23/dauve-authier/index.htm>
11. Die Rote Fahne.
12. Freiheit.
13. Protokoll des Gründungsparteitages der Kommunistischen Partei Deutschlands. 30 Dezember 1918 — 1 Januar 1919. B.: 1972. – URL: <https://www.marxists.org/deutsch/geschichte/deutsch/kpd/1918/tag1am.htm#to1>
14. Schumann D. Politische Gewalt in der Weimarer Republik, 1918–1933: Kampf um die Strasse und Furcht vor dem Bürgerkrieg. Essen: Klartext, 2001. 400 s.
15. Vorwärts.
16. Winkler H. A. Von der Revolution zur Stabilisierung. Arbeiter und Arbeiterbewegung in der Weimarer Republik 1918–1924. B.: 1985. 786 s.
17. Wohlgenuth H. Karl Liebknecht: Eine Biographie. — B.: Dietz, 1975. 533 s.

Об авторе

Арещенко Андрей Михайлович – аспирант, Брянский государственный университет им. акад. И. Г. Петровского (Россия), E-mail: Ampdpgg@gmail.com

Areshenko Andrey Mikhailovich – post-graduate student, Bryansk State University named after Academician I. G. Petrovsky (Russia), E-mail: Ampdpgg@gmail.com

УДК 943.085.2

Артамошин С.В., доктор исторических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

ЭРНСТ ЮНГЕР ВО ФРАНЦУЗСКОМ ИНОСТРАННОМ ЛЕГИОНЕ.

Статья посвящена изучению жизни видного деятеля консервативной революции в годы Веймарской республики Эрнста Юнгера. Рассматривается проблема его службы во французском Иностранном легионе в 1913 г. Данный аспект представляет собой осмысление духовного кризиса вильгельмовской молодежи накануне Первой мировой войны и ее стремления выйти из рамок кайзеровской морали посредством бегства в Иностранный легион. Подчеркиваются точки пересечения биографии Э. Юнгера с его размышления об участии в Иностранном легионе. В статье анализируются идейные позиции немецкого консервативного мыслителя Э. Юнгера.

Ключевые слова: Веймарская республика, консервативная революция, Э. Юнгер, французский Иностранный легион.

DOI: 10.22281/2413-9912-2020-04-02-16-21

Творчество и жизненный путь немецкого мыслителя и писателя Эрнста Юнгера, которому в этом году исполняется 125 лет со дня рождения, был разнообразным и трудным. Его называли сейсмографом XX века, и он отражал в своем творчестве проблемы века и в своей деятельности основные события столетия. В данной статье мы рассмотрим его службу во французском Иностранном легионе в 1913 г.

15 октября 1913 г. Э. Юнгер приехал в Ганновер к бабушке, прогулявшись по знакомым с детства улицам, посетив зоопарк. Спустя две недели он сбежал «во французский Иностранный легион, на что использовал полученные от отца деньги» [7, 89-90]. Спустя двадцать три года он вспомнил свою алжирскую одиссею, написав роман «Африканские игры», в котором поведал о своем опыте службы, пусть и кратковременной, во французском Иностранном легионе. Конечно, «<Африканские игры> были романтически поэтизированным и мифологически основанным рассказом о побеге в Африку» [6, 58]. Эта книга является наиболее полным свидетельством Э. Юнгера о своем африканском опыте, написанной с дистанции двух десятилетий, в 1936 г., когда он также находился пред чертой, жизненным Рубиконом, переступив которую нужно было найти опору для того, чтобы жить. И возвращение к детству, первому решительному поступку, который никто не ожидал от него и который был поступком, проявлением его индивидуальности и личной свободы. Конечно, назвать эту книгу автобиографической можно с обязательной оговоркой о том, что Э. Юнгер никогда не писал

воспоминаний, но воспоминания, его жизненный опыт, его приключения, его боль присутствуют в его книгах, они скрыты под одеждами персонажей, они прослеживаются в череде описываемых событий. Как отмечал Х. Кизель об «Африканских играх», «они отражали не только сознание восемнадцатилетнего искателя приключений, но в большей мере, тридцатипятилетнего автора, который может видеть отчетливее, чем восемнадцатилетний и оценивающий собственно критически и трезво» [6, 58].

В конце октября 1913 г. Э. Юнгер, не сказав ничего родителям, принял решение сбежать из школы и отправиться во Францию, чтобы завербоваться во французский Иностранный легион, о котором он читал в школе, как месте героических подвигов и авантюрных приключений. Наверное, самое притягательное в Легионе было то, что он располагался в Африке, стране таинственной первозданности. Иностранный легион, образованный в 1830 г. Луи Филиппом, к началу XX в. представлял собой воинское подразделение, в котором мужчины, каждый по своим причинам, могли начать новую жизнь под новым именем и никто никогда не поинтересуется, кто он есть. В Германии начала XX в. популяризация деятельности Иностранного легиона и героизация его подвигов была поставлена на хорошее основание. В период с 1909 по 1914 гг. в Германской империи было опубликовано свыше 70 книг, посвященных Иностранному легиону, направленных на привлечение новых легионеров. В рамках франко-германских отношений начала XX в. привлечение в Легион немецких рекрутов

служило и к подрыву годного к воинской службе мужского населения. Обеспокоенность действиями Легиона привела к образованию в Баварии, в г. Мюнхен в январе 1913 г. «Немецкого союза защиты против Иностранного легиона». После принятия в июне 1913 г. закона, параграф 28 которого, запрещал немцам служить в Иностранном легионе. Немецкие легионеры могли быть подвергнуты аресту на срок до 6 месяцев[7, 91].

Основание для побега в Легион был внутренний конфликт между ожидаемым миром и реальностью, который он испытывал в школьные годы. Таким образом, неудовлетворенность жизнью, нежелание делать вынужденный выбор подтолкнули его к уходу от выбора, к бегству. «Так, утратив ощущение родины, мы ищем дальних приключений по всему миру», - писал Э. Юнгер в романе «На мраморных утесах»[2, 163], подчеркивая качество авантюрного сердца, стремящегося к открытию нового. Стремление Э. Юнгера записаться в Иностранный легион представляло собой юношескую форму не только преодоления буржуазности, но и поиска собственного пути. Конечно, несмотря на всю рискованность, он был наивным, не понимающим насколько серьезным могут стать последствия подобных действий. Свой побег в Африку он вспоминал с улыбкой. Он записал в «Рискующем сердце»: «Я люблю вспоминать время перед войной, когда я в один прекрасный день забросил мои учебники за ближайшую стену, чтобы отправиться в Африку. Тридцатилетний не может осудить дерзость шестнадцатилетнего, который пренебрег деятельностью двух дюжин учителей и ни с того ни с сего предписал себе более суровую школу. Теперь его, скорее, восхищает инстинктивный протест против механического времени, и он вспоминает одинокий пакт, который скрепил бутылкой бургундского, опустошив ее и разбив о скалу марсельской гавани»[3, 118].

Собрав вещи, Э. Юнгер покинул школу, взяв с собой деньги, которые выдал ему отец на оплату обучения, купив в лавке поддержанный револьвер. Его идея состояла в том, чтобы пересечь границу и отправиться в Верден с надеждой найти там вербовочный пункт. Он отметил на карте маршрут и отправился пешком в сторону границы, тем самым совершая «первый шаг из сферы порядка в сферу

неупорядоченного»[1, 4]. Тем самым был сделан первый шаг в сторону обещающего быть интересным приключению, «ведь человек, пускающийся в авантюру, должен заключать в себе нечто не менее весомое, чем тот мир, который он хочет завоевать»[1, 16]. Желая испытать чувство риска, Э. Юнгер провел опасный эксперимент с приобретенным револьвером. Взведя курок, он поставил его дуло к груди и медленно стал нажимать на спусковой крючок, остановив себя в последний момент. В этом эпизод он передал стремление молодого человека подойти к рискованной линии, отделяющей жизнь и смерть. Уже в Марселе пришло осознание того, что этот мальчишеский поступок мог поставить точку еще в начале путешествия, так как оружие было в неисправном состоянии и имело слабый спуск, способный привести к неожиданному выстрелу.

Отправившись пешком в сторону французской границы, Э. Юнгер вовремя понял, что, ошибся с прокладыванием маршрута и идет вовсе не во Францию, а в Люксембург, название которого он не прочитал на карте. Осознав свою ошибку, он решил завершить романтическое путешествие пешком и использовать плоды цивилизации: добраться до Меца, а оттуда купить билет до Вердена. Авантюра такого путешествия состояла в том, что у него не было заграничного паспорта для пересечения границы. Купив билет второго класса, Э. Юнгер решил выдать себя за юношу, который едет в Верден для изучения французского языка в семье знакомых. Благодаря благодушия жандармов ему удалось без осложнений пройти пограничный контроль и, прибыв на поезде в Верден, он по надписи на памятнике понял, что достиг конечного пункта своего путешествия. Перед ним открывалась дверь в новый мир, правда он не знал, где она находится в Вердене.

Планируя свое путешествие в Африку, Э. Юнгер рассматривал вербовку в Иностранный легион как трамплин, который перебросит его на африканский континент. «Но в конце концов я решил завербоваться в Иностранный легион, чтобы таким образом хотя бы добраться до границы *земли обетованной*, а уж потом, на собственный страх и риск, продвигаться в ее внутренние районы. <...> Итак, я готов был присягнуть любой телячьей шкуре на свете (т.е. стать наемником – С.А.), только бы эта шкура,

словно волшебный плащ Фауста, доставила меня к экватору. Но Иностраннный легион не относится к тем темным силам, которые, коли надумал заключить с ними договор, можно вызвать заклинанием хоть на ближайшем перекрестке»[1, 3]. Походив по городу и не найдя нигде вывески вербовочного пункта, Э. Юнгер решил подойти к полицейскому и спросить у него, где находится кантора Иностранного легиона. Удивленный полицейский, после нескольких вопросов, согласился проводить его к рекрутской конторе. Офицер посмотрел на юношу, и уточнив, что он хорошо все обдумал и понимает суть своего желания, дал ему бланк заявления о поступлении в Легион, который тот заполнил под собственным именем, прибавив к своему возрасту два года. «Офицер равнодушно взял лист с только что подписанным мною обязательством на пятилетний срок службы и положил его на другую стопку. Сообщив мне, что до отправки на *землю обетованную* нужно еще пройти медицинское освидетельствование, он вызвал к себе одного из солдат и поручил ему заняться мною»[1, 19]. Пройдя медкомиссию, признавшую его годным к воинской службе, получив на руки билет и серебряную монету на дорогу, он с группой таких же как он рекрутов, отправился поездом в Марсель.

Марсель был перевалочным пунктом перед отправкой в Африку. Герой романа Бергер познакомился там с врачом Гупилем, который проводил медицинское освидетельствование. В этой встрече, которая была вполне возможно реальной, Э. Юнгер изображает переходное состояние, черту, которую герой собирается переступить, и что должно круто изменить его жизнь. Доктор Гупиль является последним предупреждением для человека, который слишком увлечен книгами, а не реальностью. Его слова Бергеру являются разъяснением и предостережением. «Дорогой господин Бергер, вы сейчас в том возрасте, когда переоценивают реальность того, о чем говорится в книгах. География чудесна, но поверьте мне: прогулки такого рода удобней всего предпринимать, уютно устроившись на диване и покуривая турецкую сигарету. Вы ожидаете удивительных приключений? Причастности к волшебству, к изобилию экзотической природы? Так вот, там, на юге, вы ничего этого не найдете. <...> Вы еще слишком молоды, чтобы

понять: вы оказались в мире, сбежать из которого невозможно. Вы надеетесь открыть в нем для себя необыкновенные вещи, но не найдете ничего, кроме убийственной тоски. Сегодня в мире нет ничего, кроме эксплуатации, а для человека, который обладает особыми наклонностями, придуманы еще и особые формы эксплуатации. Эксплуатация – вот подлинная форма, великая тема нашего столетия, а тот, кто еще имеет другие идеи, становится ее жертвой легче, чем все прочие. Колонии – это тоже Европа, маленькие европейские провинции, где сделки совершаются чуть более открыто, с меньшими околичностями. И вам, дорогой Бергер, не удастся проломить стену, о которую уже разбился Рембо. Поэтому возвращайтесь к своим книгам и сделайте это поскорее, прямо завтра! <...> Пожалуйста, помните: вы сейчас в опасном положении, и я понимаю это лучше, чем вы сами. Я смотрю на вас как на человека, который вот-вот исчезнет в темных воротах; я окликаю вас, пока не поздно»[1, 33].

В Марселе Бергер встретил два типа легионеров: Леонгарда и Бенуа. Леонгард попал в Легион в силу опрометчивого поступка, совершенного им, и испытывавшего страх от ощущений близости смерти. Бенуа представлял собой тип искателя приключений, обладающего внутренним здоровьем, «сила которого проявляться только в несчастье, только в момент, когда все летит под откос. Собственно, эта тема, которая всегда меня волновала, - как жить, опираясь на собственную силу, выбирая непроторенные дороги»[1, 47]. Переправляясь морем в Африку, Э. Юнгер сравнивал жизнь с кораблем: «Нужно жить, как корабль: иметь на борту все, что нужно, и всегда находится в боевой готовности»[1, 35]. Бергер надеялся, только ступив на африканский берег, сбежать из Легиона и отправиться путешествовать. Это было авантюрное восприятие мира и в Африке Бергер-Юнгер столкнулся с реальностью. «Я был склонен рассматривать жизнь вообще и каждое из ее обстоятельств как путешествие, которое можно прервать в любой точке, где захочешь. Я не видел причин, чтобы оставаться там, где тебя что-то угнетает или вызывает ощущение неудовлетворенности, - ведь мир столь велик и разнообразен... Но я не знал, что этот простой принцип так трудно осуществить. Тут вмешиваются факторы, о которых не

прочитаешь в книгах: страх, усталость... или твое сердце, в самый неподходящий момент начинающее колотиться в груди»[1, 49].

Э. Юнгер прибыл в Сиди-Белл-Аббес недалеко от Орана. Вспоминая 1913 г., он позднее записал: «Тогда я был легионером в форте Сен-Трез близ Орана»[5, 266]. Время, проведенное Э. Юнгером в форте, было кратким. Оказавшись в 26 учебной роте, он провел там несколько недель. Следует отметить, что А.В. Михайловский в комментариях к дневникам Э. Юнгера неточен во времени нахождения его в рядах Легиона, считая, что он провел в нем полгода[4, 38]. Сам Э. Юнгер в «Африканских играх» отмечает, что «если память не изменяет мне, я пробыл в Бель-Аббесе ровно три недели. В первую я скучал, вторую провел очень приятно, а третью просидел за дверью, запертой на замок и засов»[1, 57]. Это совпадает с хронологией событий, ведь 3 ноября он завербовался в Легион, совершив поездку Верден-Марсель-Оран, занявшую где-то 10 дней, и уже в середине декабря уволенный из Легиона и отправленный домой, где он оказался на Рождество. Таким образом, африканская одиссея Э. Юнгера занимала не более 2 месяцев.

Герой романа Бергер, проведя три недели в учебной роте, попытался выполнить свою мечту и бежать. Однако этот побег, совершенный совместно с Бенуа, закончился очень быстро, так как, попавшись патрулю, они были доставлены в лагерь. Их побег сочли самоволкой и посадили под арест. Романтические иллюзии о приключениях в Африке не выдержали испытания суровой реальностью, подтвердив слова врача Гупиля, сказанные Бергеру в Марселе. Биограф Э. Юнгера Х. Кизель так определил тип французского легионера, оказавшегося в Сиди-Белл-Аббесе: «Там оказались легионеры, избравшие профессию солдата и исполнявшие ее с серьезностью и пылом, но были, конечно, такие, кто отправился в Иностраннный легион вследствие затруднительного положения или отчаяния и теперь должен был выслуживать свое время: одни уединенные и скупые в надежде, отложить пару грошей на последующую жизнь, другие кампанейские и сохранявшие еще авантюризм. В итоге все оказались в Легионе как собрании всех различных характеров и темпераментов из всех возможных слоев

общества. Что их объединяло, так это опыт разрыва, побудивший их к побегу, а также испытанное в различной интенсивности стремление к авантюрной жизни»[6, 60]. Однако именно в Иностранном легионе Э. Юнгер оказался в среде, в которой не следовало ничего доказывать и поддерживать определенный общественный статус. Конечно, набор приключенческих авантур существенно сократился.

Выпущенный из-под ареста Бергер был вызван в штаб к полковнику, который раздраженным тоном сообщил ему о том, что поступило распоряжение об его увольнении, и на следующий день он должен был покинуть Сиди-Белл-Аббес, гарнизонный город, центр, или как говорят легионеры «мать» Иностранного легиона и отправиться в Оран под сопровождением. Переданное ему письмо от отца прояснило всю ситуацию, которая происходила вокруг него, в тот момент, когда он был в Африке.

Э. Юнгер описывает в романе состояние, которое он испытал сам, и которое его герой Бергер чувствовал, держа в руках письмо отца. «Капрал Давид вручил мне пришедшее на мое имя срочное письмо: там отец подробно сообщал, как ему, не без больших хлопот и денежных затрат, удалось благополучно завершить мое щекотливое дело. Письмо было выдержано в доброжелательном тоне, не принуждало меня испытывать острое чувство стыда. Но я и так уже отчасти утратил былую самоуверенность, чему немало способствовали десять дней, проведенные в камере. Старик писал, что после побега из гимназии, этого удивительного доказательства моей самостоятельности, я, как он считает, должен сам определить, где и чему учиться дальше; он лишь настоятельно просит, чтобы я отправился в Нанси и там на почте получил переведенную на мое имя сумму, которой хватит на приобретение новой одежды. Такая мера показывала, что отец хотел бы как модно скорее вновь увидеть меня в северных краях. <...> Старика, похоже, волновал не столько авантюрный, сколько юридический аспект происшедшего: поскольку он сразу, как только получил письмо Гупиля, пустился в дорогу и подал жалобу в отдел министерства иностранных дел, занимающийся такими делами. Отца, похоже, не очень волновало, что я тем времен могу набить себе шишек, ибо он руководствовался принципом:

если молодой человек вообще чего-то хочет, это уже хорошо. <...> Отец выражал надежду, что сразу после рождественских каникул я вернусь за школьную скамью. А чтобы я не терял время попусту, он набросал небольшой план, состоящий в том, что здесь я должен говорить только по-французски, должен учиться стрелять и маршировать и, наконец, в любом случае должен добиться, чтобы мое имя внесли в список претендентов на капральское звание»[1, 70,60].

Изложенная в роман история вызволения отцом Бергера из Иностранного легиона совпадает с данными об усилия Эрнста Георга Юнгера в отношении Эрнста, что лишний раз демонстрирует автобиографичность книги «Африканские игры», где факты, реальные переживания Э. Юнгера вписаны в ткань художественного произведения. Когда Эрнст Юнгер сбежал в Иностранный легион, 16 ноября 1913 г. в местной газете было опубликовано маленькое сообщение: «Старшеклассник Юнгер, сын владельца местной шахты д-ра Юнгера, завербовался во французский Иностранный легион и уже находится на пути из Марселя в Африку. Отец несчастного обратился за помощью в Министерство иностранных дел в Берлине. Немецкое посольство уверено, что свяжется с французским правительством из-за освобождения Юнгера»[7, 90]. Отец ухватился за юридическую тонкость в законе. Во французский Иностранный легион принимали мужчин с 20 лет, лиц, не достигших этого возраста, с обязательного одобрения родителей, хотя в отношении иностранной молодежи командование Легионом закрывало на это глаза. Эрнст Георг добился беседы германского посла Вильгельма барона фон Шоена с Морисом Палеологом по этому вопросу, аргументируя свою позицию малолетством Эрнста и отсутствием согласия родителей. Эти аргументы, обеспокоенность родителей и стремление их вернуть сына домой возымели действие и привели к положительному результату. Отец выслал Эрнсту 100 марок, и в телеграмме от 13 декабря 1913 г. уведомил его: «Французское правительство распорядилось тебя уволить. Сфотографируйся». 23 декабря 1913 г. Э. Юнгер отправился в Лотарингию[7, 91,93].

Вмешательство отца оказалось

определяющим в завершении африканской одиссеи. Спустя годы он по достоинству оценил это, написав, что «дух противоречия заставляет меня доставлять страдания именно тем людям, которые стараются сделать мой жизненный путь более гладким. Не исключено, что такого рода содействия я воспринимал как нарушение тех правил игры, которые только и делают жизнь волнующе-увлекательной: вероятно, непрощенных помощников я относил к *царству проторенных дорог*, из которого хотел убежать»[1, 43].

Сменив форму на синий костюм, Э. Юнгер покинул Иностранный легион и держал путь домой. Подводя итог своему путешествию, он написал: «Я сам загнал себя в тупик, из которого меня вызволило здравомыслие Гупиля и моего Старика. Эксперимент не удался; я только прибавил к длинной череде *сентиментальных путешествий* еще одно. Теперь я должен вернуться, должен буду жить, как все прочие...»[1, 73]. Африканская одиссея Эрнста Юнгера завершилась по-гомеровски, когда в ночлежке Марселя он отдал свои медяки хозяевам, как «меланхолический Харон мог бы взять причитающийся ему обол»[1, 74]. Как подчеркивал Х. Кизель, в этом фиксируется символичность события. «Возвращение в сферу цивилизации кажется как вступление в царство смерти, или только призрачного бытия»[6, 62]. «Сами боги распорядились так, что ради успеха всегда приходится попотеть, а чтобы приобрести жизненный опыт – испытать боль»[1, 60].

Подводя итог пребыванию Э. Юнгера в Иностранном легионе, Х. Кизель отмечал, что «вступление в Иностранный легион было ложным путем, стремлением ускользнуть из удобного, но девитализированного футляра современной цивилизации. Этот взгляд, как всегда у Юнгера, имеет символическое значение»[6, 63]. Подмеченный Фолькером Мергенталером, символическое значение ярко-зеленой ящерицы с красной полосой на спине, которую поймал Бергер в форте Сен-Жан в Марселе, ведь красный и зеленый – это цвета Легиона. «В первом издании <Африканских игр> на это указывает то, что ярко-зеленая ящерица с красной полоской на спине изображена на обложке. Красный и зеленый – это цвета Легиона; они украшают герб полка, куда отправляют Бергера, и появляются на

эполетах униформы»[6, 63]. Его легионерский опыт позволял отцу с чувством гордости и цинизма говорить: «мой сын, африканец»[7, 93].

Э. Юнгер оценивал свое бегство в Иностранный легион как важный жизненный опыт. «Проникновение в сферу беззакония не менее поучительно, чем первое любовное приключение или первый бой; общим для этих ранних форм жизненного опыта является то, что поражение, которое терпит человек, пробуждает в нем новые и более мощные силы. Мы рождаемся чересчур дикими, а исцелить такое лихорадочное брожение в наших

душах можно лишь горьким напитком. Тем не менее еще долго чувствовал я, что ощущение собственной свободы во мне повреждено, и предпочитал не касаться темы побега из дома, будто она была медленно заживающей раной. <Жить, как ему хочется, может каждый>, гласит известное изречение, правильной было бы сказать: жить, как ему хочется, не может никто»[1, 76]. Его африканский опыт уже в 1914г. получил свое новое выражение, когда с началом Первой мировой войны Эрнст Юнгер добровольцем в августе ушел на фронт.

Список литературы

1. Юнгер Э. Африканские игры/Пер. с нем./Иностранная литература. – 2014. - №1.
2. Юнгер Э. На мраморных утесах/ Пер. с нем. – М., 2009.
3. Юнгер Э. Рискующее сердце. Версия первая. Записки днем и ночью// Юнгер Э. Рискующее сердце/ Пер. с нем. – СПб., 2010.
4. Юнгер Э. Семьдесят минуло: дневники 1965-1970. / Пер. с нем. – М., 2011
5. Юнгер Э. Семьдесят лет минуло: дневники 1971-1980. / Пер. с нем. – М., 2015.
6. Kiesel H. Ernst Jünger. Die Biographie. – München, 2007
7. Schwilk H. Ernst Jünger. Ein Jahrhundertleben. Die Biographie. – Stuttgart, 2014.

ERNST JUNGER IN THE FRENCH FOREIGN LEGION.

The article is devoted to the study of the life of a prominent figure in the conservative revolution during the years of the Weimar Republic Ernst Junger. The problem of his service in the French Foreign Legion in 1913 is examined. This aspect is an understanding of the spiritual crisis of the Wilhelm youth on the eve of the First World War and its desire to get out of the Kaiser morality by fleeing to the Foreign Legion. The points of intersection of the biography of E. Junger with his thoughts on participation in the Foreign Legion are emphasized. The article analyzes the ideological position of the German conservative thinker E. Junger.

Keywords: Weimar Republic, Conservative Revolution, E. Junger, French Foreign Legion.

References

1. Yunger E. Afrikanskie igryi/Per. s nem.[African games]/Inostrannaya literatura. – 2014. - #1.
2. Yunger E. Na mramornyih utesah/ Per. s nem.[On the marble cliffs] – M., 2009.
3. Yunger E. Riskuyuschee serdtse. Versiya pervaya. Zapiski dnem i nochyu [Risky heart. The first version. Notes day and night]// Yunger E. Riskuyuschee serdtse/ Per. s nem [Risky heart].– SPb., 2010.
4. Yunger E. Semdesyat minulo: dnevniki 1965-1970. / Per. s nem. [Seventy Passed: Diaries 1965-1970.] – M., 2011.
5. Yunger E. Semdesyat let minulo: dnevniki 1971-1980. / Per. s nem. [Seventy Passed: Diaries 1971-1980.] – M., 2015.
6. Kiesel H. Ernst Jünger. Die Biographie. [Ernst Yunger. The biography]– München, 2007
7. Schwilk H. Ernst Jünger. Ein Jahrhundertleben. Die Biographie. [Ernst Yunger. A life of the century. The biography]– Stuttgart, 2014.

Об авторе

Артамошин Сергей Викторович – доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского, artamoshinsv@mail.ru

Artamoshin Sergey Viktorovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of the Department of History and International Relations of Bryansk State University named after Acad. I.G. Petrovsky, artamoshinsv@mail.ru

Зуева А.А., аспирант, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия)

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЛИДЕРСТВО В ГОРОДСКОМ УПРАВЛЕНИИ РОССИИ СЕРЕДИНЫ XIX В. (НА ПРИМЕРЕ МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО ГОЛОВЫ КНЯЗЯ А.А. ЩЕРБАТОВА)

В статье раскрывается проблема лидерства как одна из ключевых, при изучении проблематики государственного и местного управления в истории России. Особую важность качества политического лидера и лидера-управленца приобретают в переломные эпохи, бурной реформаторской деятельности, трансформации общества, перехода от старых устоявшихся форм социальных связей к новым, не вполне отработанным и не до конца сложившимся. Именно такой эпохой было время «Великих реформ», составной частью которых было создание системы городского самоуправления. Успешность действий первых органов управления нового типа, во многом, определялась тем набором качеств, которыми обладали их руководители. Глава Московского городского управления, князь А.А. Щербатов стал примером общественного служения на посту Московского городского головы. В данной статье предпринята попытка выявить набор качеств, позволивших ему занять место лидера в московском городском обществе, а также условия и факторы, под воздействием которых они появились. Результатом анализа стал вывод о том, что тот набор черт (как личных, так и профессиональных), который выработал в себе князь А.А. Щербатов, позволил ему выступать, и в качестве демократического лидера и, в качестве лидера харизматического. Именно этим и может быть объяснен успех его деятельности на посту Московского городского головы.

Ключевые слова: история России, А.А. Щербатов, Московская городская Дума, история местного самоуправления, качества лидера, политическое лидерство.

DOI: 10.22281/2413-9912-2020-04-02-22-32

В современной России вопрос о тех качествах, которые необходимы успешному политическому лидеру и управленцу становится все более актуальным. В своей работе государственные и муниципальные служащие сталкиваются с большим спектром сложных проблем, которые невозможно решить «без повышения эффективности государственного управления»¹, что, применительно к тем, кто принимает управленческие решения, ведь для них особое значение имеет способность расширять собственный уровень компетентности в самых разных сферах жизни. Нам необходимо четко очертить тот набор качеств, которые в первую очередь важно иметь руководителям подразделений государственной и муниципальной службы, поскольку «становится сложно управлять в мире, где креативность стала цениться больше усердности»². Здесь мы обнаруживаем еще одну проблему, ведь в современной практике российского государственного и

муниципального управления нет единой утвержденной модели «профессиональных качеств». Поэтому стоит ли отрываться от лучшего опыта прошлого или лучше трансформировать его под современные реалии. Отсюда интерес к деятельности Московского городского головы князя А.А. Щербатова (1863-1869 гг.), который являлся в свое время образцом главы местного самоуправления.

Изучением деятельности А.А. Щербатова в качестве Московского городского головы занимался ряд отечественных исследователей. Первые публикации по этой теме появились в начале XX в., и были приурочены полувековому юбилею начала работы Московской городской Думы³. Крупный вклад в разработку проблем московского городского самоуправления 1860-х гг., в контексте «великих реформ» Александра II, внесла Л.Ф. Писарькова. Она подчеркивает роль А.А. Щербатова в становлении выборного самоуправления и успешности внедрения

¹ Васильева Е.В. Компетентностный подход в государственной службе: какие знания и навыки выбирают госслужащие? // Вопросы государственного и муниципального управления. М., 2018. № 4. С. 121.

² Офицеров М.А. Современное лидерство в государственном управлении: методологические аспекты формирования знаний, умений и навыков // Азимут

научных исследований: экономика и управление. М., 2018. Т. 7, № 4(25). С. 383.

³ К-ой Е. Князь Александр Алексеевич Щербатов // Известия Московской городской думы. М., 1913 (Апрель). №4. С. 31-46; Сперанский С. Развитие городского общественного учреждения в Москве // Русские ведомости. М., 1913 (10 апреля). № 83. С. 6.

проводимых реформ: «... сословная Дума по своему характеру была бессословной. Этому способствовало не только Положение 1862 г., предусматривавшее равное представительство всех сословий, но и деятельность городского головы кн. А.А. Щербатова, сумевшего сплотить в одно целое представителей разнородного городского общества. Благодаря деятельности Думы Москва получила газовое освещение, первые городские училища и городскую больницу. В 1860-х был заложен фундамент самостоятельной хозяйственной деятельности города»⁴. В коллективной работе «Почетные граждане города Москвы (1866–1917)» представлен обзор достижений А.А. Щербатова на посту московского городского головы⁵. Продолжают эту работу с внесением дополнений и авторских выводов Жукова Л.А., Романов А.А., Тарасова С.В.⁶ Однако вопрос о лидерских качествах А.А. Щербатова и его компетентности, как главы московского городского управления, до сих пор поставлен не был.

Существует множество интерпретаций термина «лидерство». Мы же будем исходить из того, что лидерство – это управленческие взаимоотношения между руководителем и подчиненными, основанные на эффективном сочетании различных источников власти и направленные на побуждение людей к достижению общих целей⁷.

Обозначим ключевые навыки руководителя в государственном управлении. Так, в результате социологического опроса государственных и гражданских служащих, Е.В. Васильева выделила следующие профессиональные качества лидера: «авторитет в коллективе, профессиональные знания и умения, хорошие результаты в работе, умение брать инициативу и ответственность на себя...

наличие полезных связей (хотя здесь мнения были не так однозначны)»⁸. К ним хотелось бы также добавить личностные качества руководителя, обозначенные в статье Г.И. Шутовой: уверенность в себе, стрессоустойчивость, креативность, гибкость и общительность⁹.

Итак, качества лидера в управлении можно разделить на профессиональные и личностные, совокупность которых определяет успех его деятельности. Что касается стилей управления, то они также представлены в значительном разнообразии. Среди них следует выделить: теорию личностных черт, бихевиористский и ситуационный подходы, научную организацию труда, а также современные синергетические теории – транзакционную, мотивационно-гигиеническую, атрибутивную, кросс-культурную¹⁰. Для нашего исследования будет наиболее интересным а) характеристика личных и профессионально-управленческих качеств А.А. Щербатова, а также стиля его руководства, б) выявление тех факторов, которые повлияли на формирование этих качеств; в) установление связи между теми или иными качествами и результатами деятельности А.А. Щербатова на посту Московского городского головы.

Для изучения компетенций политического лидера использовались сравнительно-исторический, историко-типологический и историко-генетический методы. Сравнительно-исторический метод позволил рассмотреть лидерские качества князя А.А. Щербатова через призму современных качеств лидера. Историко-типологический метод дал возможность классифицировать качества политического лидера и доказать важность наличия, как профессиональных,

⁴ Писарькова Л.Ф. Городские гласные и головы Москвы. 1863–1917 гг. // Московская городская Дума. 1862–1917 гг. М., 2019. С. 45.

⁵ Комиссарова С.А., Кошкидько В.Г., Соловьев К.А. Почетные граждане города Москвы (1866–1917). Историко-биографическое издание. М.: «Московские учебники и картолитография», 2009. 311 с.

⁶ Жукова Л.А., Романов А.А. Князь Александр Алексеевич Щербатов (1829–1902). Очерк жизни и деятельности // Московский журнал. История государства Российского: Литературно-художественный, историко-краеведческий ежемесячный журнал. Приложение. Почетные граждане города Москвы. М., 2014.

С. 2–32; Тарасова С.В. Щербатов Александр Алексеевич — Московский городской голова эпохи «Великих реформ» Александра II: исторический портрет. // Московская городская Дума. 1862–1917 гг. М., 2019. С. 57–64.

⁷ Офицеров М.А. Указ. соч. С. 384.

⁸ Васильева Е.В. Указ. соч. С. 125–126.

⁹ Шутова Г.И. Современные модели и стили лидерства (руководства) в управлении // Образование и наука в России и за рубежом. М., 2018. № 9(44). С. 161.

¹⁰ Тощенко Ж.Т. Социология управления. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2011. С. 192–218.

так и личных качеств для успешного управления. Благодаря историко-генетическому методу удалось установить влияние ранней социализации на становление успешного государственного и муниципального служащего.

Изучив имеющуюся историографическую базу, автор пришел к выводу, что исследователи сходятся в положительной оценке А.А. Щербатова как политического лидера: «... Москва нашла в нем именно такого человека, который способен был соединить во круг себя все сословия, русского барина в самом лучше смысле, без аристократических предрассудков, с либеральным взглядом, с высокими понятиями о чести, неуклонного прямодушия, способность понять и направить практическое дело, обходительного и ласкового со всеми, но такого понимающего людей и умевшего с ними обращаться»¹¹. За «существенно полезную для столицы деятельность»¹², он был удостоен звания – первый Почетный гражданин города Москвы (1866 г.).

В середине XIX в. определяющим фактором причастности к государственной службе в России была принадлежность к привилегированному сословию, как обозначила его Екатерина II, к «благородному дворянству». Род Щербатовых «принадлежал к старинному русскому княжескому роду, ведущему свою родословную от Рюрика, а именно от князей Черниговских»¹³. Примерами для маленького Александра Щербатова были не только всем известные герои, но и члены его семьи: «Князья Щербатовы, помимо придворной жизни, храбро сражались с ордынцами и шведами, турками и поляками, участвовали в Отечественной войне 1812 года и Крымской войне 1853-1856 годов. История Российской империи показывает, что многие из князей Щербатовых, как в древнем, так и в новейшем времени за службу Отечеству от Государя награждаемы были поместьями, орденами и другими знаками почестей и монарших милостей»¹⁴. Понятие «родовой традиции» – как образа жизни, в котором ключевую роль играет мотив

«служения» – стране, государству, народу – было широко распространено в дворянских семьях. Но для Щербатова оно не было только лишь поводом к гордости. Его воспитывали в убеждении, что каждое следующее поколение должно приносить свой вклад в общее достояние рода, его чести и славы.

В своих воспоминаниях А.А. Щербатов указывает на значительное влияние в его становление членов его семьи (прабабушки, бабушки, отца, матери, братьев). «Из воспоминаний, детства – писал он, – Сохранилось и воспоминание о моей прабабушке, княгине Наталье Петровне Голицыной... Портрет ее отчасти воссоздал Пушкин в своей Пиковой даме. Она поистине была представительницею высшего аристократического общества, не только петербургского, но, можно сказать, европейского, ибо и за границей она сумела завоевать себе высокое светское положение... Прабабушка довела знание света, его законов (которые она отчасти издавала) до систематического совершенства – это была *grande dame* 18 века... Не богатству своему прабабушка обязана была своим высоким положением и авторитетом в обществе – состояние у нее было небольшое: но она, при всей своей светскости, вела свои дела сама, внимательно управляла своими имениями, много жила в деревне и значительно увеличила свое состояние»¹⁵.

Такой пример ориентировал маленького князя на овладение этикой и культурой поведения в высоком обществе; формировал представление о жизни, как высоком служении; делал принадлежность к аристократии честью, а не обычным делом. С другой стороны, он понимал, что материальный достаток – дело рук каждого, что нужно постоянно работать над его увеличением и, что немало важно, трудится честно и собственными силами. Весь этот опыт будет применяться им в политической карьере в качестве Московского городского головы.

Другим важным примером для А.А. Щербатова являлся отец, который по воспоминаниям, «был олицетворенным протестом против всего искусственного,

¹¹ Комиссарова С.А., Кошкидько В.Г., Соловьев К.А. Указ. соч. С. 13.

¹² Жукова Л.А., Романов А.А. Указ. соч. С. 25.

¹³ К-ой Е. Указ. соч. С. 31.

¹⁴ Жукова Л.А., Романов А.А. Указ. соч. С. 3.

¹⁵ Щербатов А.А. На службе Москве и Отечеству / Составитель: Т.А. Медовичева. М.: Русский мир, 2009. С. 63-64.

условного и ложного в складе ума»¹⁶. Честность, справедливость и открытость были одними из главных качеств его отца, которые Александр Щербатов успешно перенял у него. Это при одних обстоятельствах мешало ему, а при других – помогало достигать желаемых целей. Так, на Московском губернском дворянском собрании в 1862 г. князь честно заявил о возможности сохранения «руководящей роли дворян в обществе и государстве только при условии «неотделения» от остального народа, т.е. отсутствия сословного эгоизма»¹⁷. Это было смелым и по-настоящему революционным заявлением, что, однако вызвало больше симпатию у большинства участников собрания. Он был честен перед собой и другими и следовал своим убеждениям в течение всей жизни.

В российском обществе середины XIX в. также ценилась высокая репутация семьи. Как пишет исследователь проблем городского самоуправления, Л.Ф. Писарькова: «Победой на выборах кн. Щербатов, во многом обязан не только личным качествам, но и авторитету родителей, много сделавших для города»¹⁸.

Семья Щербатовых стремилась всеми своими членами удивлять новыми успехами. Так, отец сделал блестящую военную и гражданскую карьеру: «Отец кн. Александра Алексеевича, генерал-от-инфантерии кн. Алексей Григорьевич Щербатов, участвовал в войне 1812-1814 гг., при чем в 1813 г. одержал блестящую победу над французами под Левенбергом, в 1831 г. принимал участие в подавлении польского восстания и штурме Варшавы, а с 1844 г. занимал пост московского военного генерал-губернатора, - который оставил по болезни лишь за несколько месяцев до своей смерти в 1848 г.»¹⁹.

В свою очередь, мать Александра Алексеевича большую часть жизни занималась благотворительной деятельностью, учредив в Москве Совет Дамского попечительства о бедных. Для самого Щербатова честь семьи имела огромное значение. Оценивая жизнь и поступки родителей, он принимал важные решения в своей жизни: «Память об отце имела влияние на всю мою жизнь и

неоднократно я обращался к ней для проверки своей жизни и для поучения, как жить; желаю и себе такой кончины, какова была его – в мире с Богом, с присными, со всеми людьми, с собою»²⁰.

Становление личностных качеств Александра Щербатова в ранние годы определило высокие позиции князя среди московской элиты и горожан. Дело в том, что в его детстве и отрочестве уживались светская и деревенская жизни. Он любил и понимал светскую жизнь, являясь образцом аристократа своего времени, и, в то же время, всегда выделялся гуманистическими ценностями, что не для многих из дворян было характерно. Еще в детстве он приобрел навык взаимодействия с представителями разных сословий, что во многом определит выбор его кандидатуры на пост главы московского городского управления в будущем. В своих воспоминаниях он признается: «Любил литвиновскую жизнь и за то сближение с людьми, которое только в Литвиново я имел (в городе товарищей у меня не было); люди эти были различной иерархии, начиная с берейтора Дорофея, кучеров Арефья и Ивана и кончая конторщиком Владимиром Орловым и управляющим Штолем... Эти сношения с людьми низших сословий, кроме удовольствия, которое они мне доставляли, были мне очень полезны, по-моему мнению, для всей жизни, приучив меня не замыкаться исключительно в моей семье и ее социальной среде, вникать и понимать интересы и кругозор людей других слое общества, начиная с низших, - одним словом, они положили во мне начало демократическому направлению, которое, правильно понимаемое, составляет, по моему убеждению, необходимую принадлежность настоящего дворянства, в особенности русского»²¹. Таким образом, уже в детстве и отрочестве князь приобрел такие навыки, как коммуникативность и адаптивность, что в годы руководства Московской городской Думой позволят успешно внедрять новые реформы и трансформировать идею местного самоуправления путем объединения интересов различных сословий.

За свое качественное воспитание он

¹⁶ Щербатов А.А. Указ. соч. С. 65.

¹⁷ Жукова Л.А., Романов А.А. Указ. соч. С. 13.

¹⁸ Писарькова Л.Ф. Указ. соч. С. 44.

¹⁹ К-ой Е. Указ. соч. С. 31.

²⁰ Щербатов А.А. Указ. соч. С. 70.

²¹ Щербатов А.А. Указ. соч. С. 70.

выражает благодарность своим родителям, что говорит о наличии у него важных, согласно концепции личностных черт, таких врожденных качеств, как доброта и порядочность. «По милости Божией, благодаря отцу и матери, оно [мое младенчество и детство] было так счастливо, что вовсе не упоминать о нем было бы своего рода неблагодарностью относительно как родителей, так и некоторых личностей, опекавших его»²².

Родители воспитали в нем человека, с точным представлением о целях в жизни и ярким чувством эмпатии. Так, «отец привил молодому князю Александру Щербатову понятия родовой чести и долга перед царем и Отечеством, а мать воспитала в нем чувства милосердия и сострадания»²³. Огромное влияние оказала на его воспитание бабушка, которая, являясь помещицей, любила деревенский уклад жизни и приобщала внука к равному общению с крестьянами.

Многие современники будут отмечать в качестве одного из главных его качеств, способность спланировать в работе представителей разных сословий, а здесь уже речь идет о сформированных социальных качествах лидера. В подтверждение хочется привести мысль гласного Московской городской Думы (1863-1869 гг.) М.П. Погодина: «В продолжение шестилетнего управления кн. Щербатова Общая Дума, несмотря на разнородный состав свой, была одним, как бы родственным обществом ... без малейшей сословной розни, ревности или какого-нибудь неприятного чувства»²⁴. Это же предопределило победу князя в первых выборах в органы местного самоуправления: «Выборщики оценили его природную скромность, некичливость, эрудицию, интеллект, манеру общения, иными словами – все, что выделяло А.А. Щербатова в системе кандидатов. Во многом, это был интуитивный выбор. Однако он оказался абсолютно верным. Годы управленческой деятельности А.А. Щербатова стали для Москвы очень плодотворными во всех смыслах и вошли в историю города со знаком «плюс»²⁵.

Немаловажным для управленца второй половины XIX в. было наличие хорошего, желательно, юридического образования. Не исключением был и А.А. Щербатов, окончивший юридический факультет Московского императорского университета. Слава и известность университета еще не говорят о качестве образованности его воспитанников, ведь это во многом зависит от самих студентов. Будущий московский голова по откровенному признанию был «студентом – средним, но к экзаменам всегда подготовленный»²⁶. Однако следует отметить, что университет сыграл для него другую важную роль – он окончательно сформировал умение находить общий язык с разными людьми: «... университетская жизнь, независимо от образования, имеет значение и воспитательное. В университете впервые выучиваешься быть хорошим товарищем, а быть таковым я считаю необходимым...»²⁷.

В университете он обзавелся хорошими связями: «Здесь он тесно сблизился с товарищами, с которыми впоследствии ему пришлось вместе работать на общественном поприще – с кн. Черкасским, братьями Чичериными, Мейндорфом и другими»²⁸. Уже в это время А.А. Щербатов понимал необходимость выстраивать деловые и дружеские отношения с будущими передовыми людьми государства, при этом он четко понимал, что тактичным нужно быть со всеми, а открытым только для друзей.

Как и надлежало представителю аристократии того периода, А.А. Щербатов сделал карьеру военнослужащего, окончив ее в составе Кавалергардского полка, который был наиболее приближенным к императору²⁹. Это своего рода подтверждение таких личных компетенций, как дисциплинированность, стрессоустойчивость и решительность. Доказательством этому являются его первые годы гражданской службы, когда он собственным примером настаивал на необходимости отмены крепостного права: «В момент освобождения крестьян он был верейским уездным предводителем дворянства и

²² Там же. С. 63.

²³ Комиссарова С.А., Кошкидько В.Г., Соловьев К.А. Указ. соч. С. 13.

²⁴ К-ой Е. Указ. соч. С. 42.

²⁵ Тарасова С.В. Указ. соч. С. 59.

²⁶ Щербатов А.А. Указ. соч. С. 89.

²⁷ Там же.

²⁸ К-ой Е. Указ. соч. С. 32.

²⁹ Комиссарова С.А., Кошкидько В.Г., Соловьев К.А. Указ. соч. С. 18.

ревностно принялся за дело проведения реформы в Верейском уезде»³⁰.

Стоит уточнить, что в годы крестьянской реформы, ему приходилось сталкиваться, и с выражением недовольства, и даже с угрозой бунта. В этих случаях ему помогали коммуникативные навыки, уверенность в себе и эмпатия, приобретенные им за время военной и гражданской службы: «Моя помещичья деятельность и некоторая, уже приобретенная опытность, в сношениях с крестьянами очень мне пригодились говорить с недовольною толпою, чувствующей свои новые права. Пришлось говорить авторитетно и громко, взвешивая при том каждое слово – практика была очень полезная и для последующей моей общественной деятельности; она научила меня обращаться с массою, придавать вес своим словам и чувствовать за них ответственность»³¹. Этот опыт позитивно скажется на его дальнейшей политической карьере, ведь, с одной стороны, это повысило во много раз его авторитет среди московской общественности: «Когда дело дошло до выборов городского головы, купцы нашли общий язык с дворянами, и дума избрала «городским головою» гласного из дворянской группы князя А.А. Щербатова»³². С другой стороны, это дополнительно укрепило коммуникативный навык взаимодействия с представителями разных сословий.

Особая решительность князя проявилась в его официальной речи относительно необходимости освобождения крестьян, произнесенная в 1856 году: «Невозможно, опасно стало оставлять 10 миллионов крестьян в крепостной зависимости, когда эти 10 миллионов за время Севастопольской войны показали такой высокий подъем патриотического духа»³³. Это обратило на него внимание общественности, а также определило выдвижение его кандидатуры в выборах первого головы Московской городской Думы. Как писал один из исследователей этой темы: «...

кандидатура Щербатова оказалась в этот переходной период наиболее подходящей для примирения и дальнейшего сближения представителей двух крупных классов: удерживавшего еще за собой власть дворянства и растущей в условиях развивающегося капитализма и сильной экономически торгово-промышленной буржуазии»³⁴.

Отдельное внимание следует уделить организаторским способностям А.А. Щербатова как главы московской городской Думы (1863-1869 гг.). Перед ним стояло две сложные задачи: преодолеть сословность, характерную для России этого периода (ведь в Думе гласными были избраны представители не только от аристократии, но и от купцов, мещан и прочих), и объединить усилия всех в работе над общим делом – улучшению жизни города и ее жителей. И А. Щербатов успешно выполнил каждую из них: «Строй был строго сословный, но, благодаря деятельности первого городского головы кн. А.А. Щербатова и лиц, его выдвинувших и окружавших, благодаря общему настроению, сословность не была заметна и шло быстрое слияние сословий»³⁵. В этом деле помогли развитые социальные компетенции князя, среди которых: «общительный и приветливый нрав, сердечность, соединенная с большим здравым смыслом, благородство характера...»³⁶.

Что касается успешной организации совместной деятельности гласных разных сословий, то будет уместно обратиться к воспоминаниям гласного Московской городской думы Н.А. Найденова: «Партий не было – было общее стремление принести пользу новому делу; о той болтовне, какая стала встречаться впоследствии, и о тех резких, даже дерзких выходах... не было и помина; гласные из мещан и ремесленников высказывали свои мнения кратко, не пускаясь в рассуждения по вопросам им чуждым, и не прибегая к нелепым ораторским приемам, как это стало... с 1872 года»³⁷.

³⁰ К-ой Е. Указ. соч. С. 34.

³¹ Щербатов А.А. Указ. соч. С. 182-183.

³² Каржанский Н.С. Как избиралась и работала Московская городская дума. М.: «Московский рабочий», 1950. С. 10.

³³ Жукова Л.А., Романов А.А. Указ. соч. С. 5.

³⁴ Златоустовский Б.В. Городское самоуправление 60-х гг. // История Москвы. М.: Издательство Академии наук СССР, 1954. Т.4. С. 476.

³⁵ Лебедев И.А. К 50-летию Московского городского общественного управления // Известия Московской городской думы. М., 1913 (Апрель). №4. С. 10.

³⁶ Тарасова С.В. Указ. соч. С. 60.

³⁷ Московское городское самоуправление, 1785–1917 гг. / автор-составитель: В.Н. Быков. М.: Планета, 2018. С. 149.

Александр Алексеевич Щербатов не позволял в работе Думы возникать сословным розням, он пресекал даже малейший намек на их возникновение: «Этому объединению или слиянию много способствовала личность того, кто был избран первым городским головой по новому положению, князя Щербатова»³⁸. Конечно, необходимо сказать, что это стало возможным вследствие его высокого авторитета: «Князь пользовался заслуженным авторитетом в Московской городской думе и в земстве; к его суждениям прислушивались, а мнением дорожили...»³⁹.

При Щербатове в Думе действовало правило, позволяющее уравнивать все сословия: «... ссылаясь на мнение какого-нибудь гласного, было принято упоминать только его фамилию, даже если он был титулованным»⁴⁰. Не стоит также недооценивать такое лидерское качество Московского городского головы, как популярность или, можно сказать по-другому, умение нравиться. Харизма ему была дана от природы, а хорошее воспитание и образование лишь усилили ее: «Добрый от природы, с высоким понятием о чести, прямодушный и доброжелательный в общении, Александр Алексеевич уметь привлекать к себе людей»⁴¹. Благодаря организаторскому таланту, авторитету и умению нравиться, ему удалось в короткие сроки реализовать множество важных проектов для города.

Преодоление сословности в Московской городской Думе в 1863-1869 гг. привело к возможности затронуть широкий спектр проблем по благоустройству города, которые были обозначены гласными, избранными из разных слоев городского общества. В их решении важную роль сыграло то, что А.А. Щербатов был хозяйственным по своей натуре, а это показатель таких качеств, как добросовестность и упорство: «...только со времен Щербатова можно считать начало правильной постановки городского хозяйства в Москве»⁴².

Московский городской голова лично участвовал в реализации многих проектов.

Одним из ярких подтверждений этому – строительство Второй городской больницы: «Все строительные работы по приспособлению для больницы зданий полуразрушенных Титовских казарм производились под личным его наблюдением; все внутреннее устройство больницы и ее оборудование велись под его указанием и под его непосредственным надзором»⁴³. Это позволило начать решать многие вопросы, которые до этого даже не ставились на повестку дня (пересмотр фискальной политики и пополнение доходов города, строительство мостов, внедрение уличного освещения и др.). В свою очередь, личное участие и постоянный контроль – ускорили строительство и заинтересованность участников проекта в его успехе. Л.Ф. Писарькова также добавляет, что основу успеха управленческой деятельности А.А. Щербатова составили – «личный пример князя, его постоянное самосовершенствование и коллективный дух управленческой команды»⁴⁴.

Среди важных качеств *политических качеств* князя Щербатова следует подчеркнуть инициативность, справедливость, позитивное отношение к жизни и открытость. Так, современники отмечали его инициативность в качестве главного двигателя проектов Думы: «Во всех городских начинаниях и работах за время с 1863 по 1869 гг. кн. А.А. Щербатов принимал живейшее участие. Будучи головой, он участвовал во многих комиссиях, занимавшихся разработкой наиболее сложных вопросов, лично осматривал переходившее в ведение города имущество, прилагал все усилия к скорейшему разрешению в установленном порядке различных городских ходатайств, вызванных изменением городской жизни в связи с преобразованием Городского Управления»⁴⁵.

Многие реформы первых двух Московских городских Дум были личными проектами их главы, которые он реализовывал без лишних сомнений и обращения внимания на внешние факторы. Он верил, что Москве

³⁸ Жукова Л.А., Романов А.А. Указ. соч. С. 16.

³⁹ Там же. С. 10.

⁴⁰ Писарькова Л.Ф. Московская городская дума в 1863-1872 годах. М.: Издательство Объединения «Мосгосархив», 1998. С. 118.

⁴¹ Жукова Л.А., Романов А.А. Указ. соч. С. 2.

⁴² Быков В.Н. Указ. соч. С. 144.

⁴³ К-ой Е. Указ. соч. С. 39.

⁴⁴ Писарькова Л.Ф. Городские реформы в России и Московская дума. М.: Новый хронограф: АИРО-XXI, 2010. С. 60.

⁴⁵ К-ой Е. Указ. соч. С. 38.

нужны данные реформы, поэтому всеми усилиями доказывал это правительству России и гласным Думы: «... целый ряд преобразований, в которых давно ощущалась насущная потребность, то этим она главным образом обязана своим головам, князю Щербатову и Черкасскому, сумевшим сплотить в одно целое разнородное городское общество, сделать думу безсословною и, не смотря на невыгодные условия ее состава, заставить ее стремиться единодушно к одной общей цели и положить начало самостоятельному городскому самоуправлению и правильному городскому хозяйству»⁴⁶.

Его природный позитив способствовал выполнению многих, казалось бы нереальных для того времени планов: «Совместное участие в совместной работе, хотя и основанное на сословном разделении, но без всякой розни и без малейшего преимущества одних сословий над другими, породило интерес к таким вопросам и задачам, о коих в былое время никто не думал и заботиться о коих предоставляли другим, по обязанности призванным на то...»⁴⁷. Лучшим доказательством позитивного настроения А.А. Щербатова были его слова, сказанные, при завершении работы в качестве Московского городского головы: «На мою долю выпало счастье быть первым городским головою со времени преобразования в Москве городского управления на этих новых, более прочных разумных началах»⁴⁸. Далеко не каждый может в зрелом возрасте благодарить судьбу за все прожитые сложности. Но именно оптимисты способны менять мир.

Князь А.А. Щербатов был открытым для новых идей, он следил за ходом развития реформ и усердно трудился над их внедрением в жизнь Москвы: «... многие москвичи помнят его ... приветливость, его искреннее увлечение всеми «вопросами дня»⁴⁹.

Справедливость лидера дает возможность его подчиненным быть более инициативными и ответственными в своей деятельности. А.А. Щербатов отличался этим с ранних лет, и это привлекало к нему

окружающих. Так, при вторичном избрании главой Думы он решил предупредить заранее избирателей, что вряд ли сможет довести дело до конца, однако они дали ему второй срок.

Одной из важных характерных черт успешного политического лидера является высокая оценка его профессионализма коллегами. Именно таким был А.А. Щербатов во главе Московской городской Думы. На торжественном заседании, посвященном окончанию первого срока работы Думы, гласные подготовили для него благодарственную речь, из которой видно, что они действительно высоко ценили его профессионализм: «Князь Щербатов оправдал нашу доверенность и явил себя достойным членом семейства, для нас москвичей, дорогого... Засвидетельствуем же всеми нашими пятью сороками, нашу искреннюю, совершенную признательность первому, по новому уставу, городскому голове, князю Александру Алексеевичу Щербатову»⁵⁰.

В завершении отметим, что для истории любого города успешность развития определяется лидерскими качествами его главы. Москва в эпоху реформ нашла нужного лидера в А.А. Щербатове: «Избрание в городские головы князя А.А. Щербатова оказалось удачным и, по-видимому, способствовало укреплению возможной по условиям того времени самостоятельности Думы в делах городского хозяйства»⁵¹. Он не только смог реализовать большое количество реформ по благоустройству города, начать отделение местного самоуправления от государственной политики; но и смог преодолеть, казалось бы, тогда сословную неприязнь под эгидой важности дела над условностями.

Таким образом, политические качества лидерства князя А.А. Щербатова можно разделить на профессиональные и личные. Среди профессиональных качеств А.А. Щербатова как главы Московской городской Думы следует выделить: авторитет, уверенность в себе, организаторские способности и талант, популярность, умение работать с

⁴⁶ Даниель. Очерк деятельности Московской думы с 1863 г. до настоящего времени // Гражданин. М., 1873. № 5. С. 145.

⁴⁷ Жукова Л.А., Романов А.А. Указ. соч. С. 16.

⁴⁸ Там же, с. 3.

⁴⁹ Комиссарова С.А., Кошкидько В.Г., Соловьев К.А. Указ. соч. С. 27.

⁵⁰ К-ой Е. Указ. соч. С. 41.

⁵¹ Сперанский С. Указ. соч. С. 6.

разными людьми, знание манер, инициативность, ответственность, эрудиция, упорство, обязательность. К *личным качествам* князя: эмпатия, тактичность, коммуникабельность, дисциплинарность, адаптивность, решительность, стрессоустойчивость.

Данные качества сложились под воздействием ряда факторов, среди которых: качественное воспитание, традиции и личные примеры членов семьи; разносословное социальное окружение; хорошее образование; военная служба и жизненный опыт князя.

Политическое лидерство А.А. Щербатова можно отнести к демократическому типу с элементами харизматического. Демократический стиль политического лидерства

мы наблюдаем в его ориентации на гласных Думы при четкой регуляции и координации их работы. Кроме того, он придавал определенную свободу подчиненным в высказывании идей реформ и выборе метода их реализации. В то же время, элементы харизматического лидерства проявляются в построении работы Московских городских Дум (1863–1869 гг.) на «личной энергетике, обаянии, умении вдохновлять и вести за собой»⁵². Сочетании двух типов лидерства позволило реализовать успешно много сложных и важных реформ за короткое время в комфортных для всего коллектива условиях, что отчасти и способствовало успешности деятельности Дум изучаемого периода.

Список литературы

1. Васильева Е.В. Компетентностный подход в государственной службе: какие знания и навыки выбирают госслужащие? // Вопросы государственного и муниципального управления. М., 2018. № 4. С. 120–144.
2. Даниель. Очерк деятельности Московской думы с 1863 г. до настоящего времени // Гражданин. М., 1873. № 5. С. 143–145.
3. Жукова Л.А., Романов А.А. Князь Александр Алексеевич Щербатов (1829–1902). Очерк жизни и деятельности // Московский журнал. История государства Российского: Литературно-художественный, историко-краеведческий ежемесячный журнал. Приложение. Почетные граждане города Москвы. М., 2014. С. 2–32.
4. Златоустовский Б.В. Городское самоуправление 60-х гг. // История Москвы. М.: Издательство Академии наук СССР, 1954. Т.4. С. 461–491.
5. Каржанский Н.С. Как избиралась и работала Московская городская дума. М.: «Московский рабочий», 1950. 64 с.
6. К-ой Е. Князь Александр Алексеевич Щербатов // Известия Московской городской думы. М., 1913 (Апрель). №4. С. 31–46.
7. Комиссарова С.А., Кошкидько В.Г., Соловьев К.А. Почетные граждане города Москвы (1866–1917). Историко-биографическое издание. М.: «Московские учебники и картолитография», 2009. 311 с.
8. Лебедев И.А. К 50-летию Московского городского общественного управления // Известия Московской городской думы. М., 1913 (Апрель). №4. С. 1–29.
9. Московское городское самоуправление, 1785–1917 гг. / автор-составитель: В.Н. Быков. М.: Планета, 2018. 255 с.
10. Офицеров М.А. Современное лидерство в государственном управлении: методологические аспекты формирования знаний, умений и навыков // Азимут научных исследований: экономика и управление. М., 2018. Т. 7, № 4(25). С. 383–386.
11. Писарькова Л.Ф. Городские гласные и головы Москвы. 1863–1917 гг. // Московская городская Дума. 1862–1917 гг. М., 2019. С. 40–56.
12. Писарькова Л.Ф. Городские реформы в России и Московская дума. М.: Новый хронограф: АИРО-XXI, 2010. 735 с.
13. Писарькова Л.Ф. Московская городская дума в 1863–1872 годах. М.: Издательство Объединения «Мосгосархив», 1998. 568 с.
14. Сперанский С. Развитие городского общественного учреждения в Москве // Русские

⁵² Шутова А.А. Указ. соч. С. 162.

ведомости. М., 1913 (10 апреля). № 83. С. 6.

15. Тарасова С.В. Щербатов Александр Алексеевич — Московский городской голова эпохи «Великих реформ» Александра II: исторический портрет. // Московская городская Дума. 1862–1917 гг. М., 2019. С. 57–64.

16. Тощенко Ж.Т. Социология управления. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2011. 300 с.

17. Шутова Г.И. Современные модели и стили лидерства (руководства) в управлении // Образование и наука в России и за рубежом. М., 2018. № 9(44). С. 159–164.

18. Щербатов А.А. На службе Москве и Отечеству / Составитель: Т.А. Медовичева. М.: Русский мир, 2009. 526 с.

THE POLITICAL LEADERSHIP IN THE CITY GOVERNANCE OF RUSSIA IN 19TH CENTURY (TOWARD THE EXAMPLE OF MOSCOW CITY HEAD OF PRINCE A.A. SCHERBATOV)

The problem of leadership is one of the key when studying the problems of state and local governance in the history of Russia. Of particular importance are the qualities of a political leader and a managerial leader in critical periods of rapid reform activity, the transformation of society, the transition from old established forms of social ties to new, not fully developed and not fully developed. Such an era was the time of the "Great Reforms", an integral part of which was the creation of a system of urban self-government. The success of the actions of the first governing bodies of a new type, in many respects, was determined by the set of qualities that their leaders possessed. Head of Moscow City Administration, Prince A.A. Shcherbatov became an example of public ministry at the post of Moscow Mayor. This article attempts to identify a set of qualities that enabled him to take a leader in the Moscow city community, as well as the conditions and factors under the influence of which they appeared. The result of the analysis was the conclusion that the set of traits (both personal and professional) that Prince A.A. developed in himself Shcherbatov, allowed him to speak, both as a democratic leader and, as a charismatic leader. This is precisely what can explain the success of his activities at the post of Moscow Mayor.

Keywords: the History of Russia, A.A. Shcherbatov, The Moscow City Duma, the history of local government, the qualities of a leader, the political leadership.

References

1. Daniel'. Ocherk deyatel'nosti Moskovskoy dumy s 1863 do nastoyashchego vremeni [Essay on the activities of the Moscow Duma from 1863 to the present] // Grazhdanin [The Citizen]. Moscow, 1873. № 5. P. 143–145.

2. Karzhansky N.S. Kak izbiralas' i kak rabotala Moskovskaya gorodskaya дума [How the Moscow City Duma was elected and how it worked]. Moscow: «Moskovskiy rabochiy» [The Moscow worker], 1950. 64 p.

3. Komissarova S.A., Koshkidko V.G., Soloviev K.A. Pochetnyye grazhdane goroda Moskvy (1866–1917). Istoriko-biograficheskoye izdaniye [Honored citizens of Moscow, 1866–1917. Historical and biographical publication]. Moscow: «Moskovskiy uchebniki i kartolitografiya», 2009. 311 p.

4. K-oy E. Knyaz' Aleksandr Alekseevich Shcherbatov [Prince Alexander Alekseevich Shcherbatov] // Izvestiya Moskovskoy gorodskoy dumy [The News of the Moscow City Council] Moscow, 1913 (Aprel') [April]. № 4. P. 31–46.

5. Lebedev I.A. K 50-letiyu Moskovskogo gorodskogo obshchestvennogo upravleniya [On the occasion of the 50th anniversary of the Moscow City Public Administration] // Izvestiya Moskovskoy gorodskoy dumy [The Proceedings of the Moscow City Council]. Moscow, 1913 (Aprel') [April]. № 4. P. 1–29.

6. Moskovskoye gorodskoye samoupravleniye, 1785–1917 [The Moscow City Government, 1785–1917] / Bykov V.N. (ed.). Moscow: Planeta, 2018. 255 p.

7. Ofitserov M.A. Modern leadership public administration: Methodological aspects of formation of knowledge, skills and skills // Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration. Moscow, 2018. Vol. 7, № 4(25). P. 383–386.

8. Pisarkova L.F. Gorodskoye glasnyye i golovy Moskvy, 1863–1917 gg [Moscow Mayors and City Council Members: 1863–1917] // Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Moskovskaya gorodskaya Duma. 1862–1917». Moscow: Moskovskaya Gorodskaya Duma, 2019. P. 40–56.

9. Pisarkova L.F. Gorodskoye reformy v Rossii i Moskovskaya дума [Urban Reforms in Russia

and the Moscow Duma]. Moscow Novyy Khronograf: AIRO-XXI, 2010. 735 p.

10. Pisarkova L.F. Moskovskaya gorodskaya дума в 1863-1872 godakh [The Moscow City Council in 1863-1872]. Moscow: Izdatel'stvo Ob'edineniya «Mosgosarhiv» [The Publishing Association «Mosgorarkhiv»], 1998. 568 p.

11. Shcherbatov A.A., Na sluzhbe Moskve I Otechestvy [In the service of Moscow and the Fatherland] / Medovicheva T.A. (ed.). Moscow: Russkiy mir [The Russian World], 2009. 526 p.

12. Shutova G.I. Modern models and styles of leadership in management // Obrazovaniye I nauka v Rossii I za rubezhom [Education and science in Russia and abroad]. Moscow, 2018. № 9 (44). P. 159-164.

13. Speranskiy S. Razvitie gorodskogo obshchestvennogo uchrezhdeniya v Moskve [Development of a city public institution in Moscow] // Russkie vedomosti [The Russian sheets]. Moscow, 1913 (10 Aprelya) [April 10]. № 83. P. 6.

14. Tarasova S.V. Shcherbatov Aleksandr Alekseyevich — Moskovskiy gorodskoy golova epokhi «Velikikh reform» Aleksandra II: istoricheskiy portret [Shcherbatov Aleksandr Alekseyevich — Moscow mayor of the epoch of «Great reforms» of Alexander II: A historical portrait] // Moskovskaya gorodskaya Duma. 1862–1917 [The Moscow City Council. 1862-1917]. Moscow, 2019. P. 57–64.

15. Toshchenko Zh.T. Sociology of Governance and Administration. Moscow: Centr social'nogo prognozirovaniya I marketinga, 2011. 300 p.

16. Vasilieva E.V. Competence approach in public service: What knowledge and skills do civil servants choose? // Public Administration Issues. Moscow, 2018. № 4. P. 120-144.

17. Zhukova L.A., Romanov A.A. Prince Alexander Alekseyevich Shcherbatov (1829–1902). Essay on life and activity // Moskovskiy zhurnal. Istoriya gosudarstva Rossiyskogo: Literaturno-khudozhestvennyy, istoriko-krayevedcheskiy ezhemesyachnyy zhurnal. Prilozheniye. Pochetnyye grazhdane goroda Moskvy [Moscow magazine. History of the Russian State: Literary, Art, History and Local History Monthly Magazine. Application. Honorary Citizens of Moscow]. Moscow, 2014. P. 2–32.

18. Zlatoustovsky B.V. Gorodskoye samoupravleniye 60-kh gg. [The City government of the 60-s.] // Istoriya Moskvy [The History of Moscow]. Moscow, 1954. № 4. P. 461–491.

Об авторе

Зуева Анастасия Александровна – аспирант, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия), E-mail: AnastaciaZueva@yandex.ru

Zuieva Anastasiia Aleksandrovna – PhD student, Lomonosov Moscow State University (Russia), E-mail: AnastaciaZueva@yandex.ru

УДК 930.1

Исмаилова З.А., аспирантка Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

СВЯТИТЕЛИ-ЧУДОТВОРЦЫ

В данной статье рассматриваются чудесные исцеления, которые случались у гробниц московских митрополитов св. Петра и Алексея с 1348 по 1520 гг. С медицинской точки зрения объясняется природа заболеваний исцелившихся и методы лечения таких заболеваний. Обращается внимание на церковную обстановку, в которой происходили исцеления и которая оказывала большое психологическое влияние на прихожан и больных. Вывод исследования заключается в том, что *чудесные* исцеления, упоминаемые летописью, были вполне возможны с медицинской точки зрения. Чудеса имели большое значение и для московских великих князей и митрополитов, утверждая за их стольным городом – Москвою – статус церковной столицы всех русских земель. Когда этот статус стал неоспоримым, тогда и прекратились упоминания чудес в летописи. Случилось это в 1520 г. В середине же XVI в. культ московских святых Петра и Алексея сменился культом общероссийского святого – Николы чудотворца, у образа которого также стали происходить чудесные исцеления. Таким образом, для средневекового человека религиозные *чудеса* имели вполне практическое значение, связывая воедино веру и политику.

Ключевые слова: чудеса, св. Петр и Алексей, мощи святых, слепота, глухота, парез, неврология, исцеление, «Черная смерть», Василий III.

DOI: 10.22281/2413-9912-2020-04-02-33-38

Начиная с 1348 г. в летописи встречаются известия об исцелениях, которые происходили у гробниц русских митрополитов – Петра, а с 1462 г. и Алексея. Исцелялись слепые, глухие и немые, расслабленные и парализованные. Летописец называл это чудом и объяснял молитвами Богородицы и святых Петра и Алексея. За чудесные исцеления этих святителей стали называть чудотворцами. Но были ли исцеления в действительности, и, если были, то имели ли к ним отношение мощи святых? Ответы на эти вопросы можно найти в самой летописи, а также в медицинской литературе.

В 1326 г. митрополит Петр скончался. Тогда же он был захоронен в Москве, в церкви, которую сам построил и освятил. Еще при жизни своими собственными руками Петр заложил в одной из стен церкви, близ алтаря, себе гробницу. По преданию, увещавая Ивана Калиту построить в Москве каменную церковь Богоматери, Петр говорил: «Если меня, сын, послушаешься, храм Пречистой Богородицы построишь, и меня упокоишь в своем городе, то и сам прославишься больше других князей, и сыновья и внуки твои и город этот славен будет, святители станут в нем жить, и подчинит он себе все остальные города». Калита исполнил завет святителя с тем большим усердием, что сам хорошо понимал его значение для судьбы Москвы и московского княжества. «Гроб святого мужа, - писал С.М. Соловьев, - был для Москвы также

драгоценен, как и пребывание живого святителя: выбор Петра казался внушением Божиим, и новый митрополит Феогност уже не хотел оставить гроба и дома чудотворцева» [1, с. 222-223]. Таким образом, обретя вечный покой в Москве, Петр навсегда закрепил за этим городом статус русской духовной и церковной столицы. Еще больше тому способствовали исцеления, которые стали происходить у гроба святителя спустя 22 года.

Первое исцеление произошло в 1348 г. 26 мая «прощена была некая девица у гроба великого чудотворца Петра, имела руку, к персям прикорчеванную, и тогда придя, исцеление получила», - гласит летопись [2, с. 215]. В Никоновской летописи говорится, что исцелилась «некая вдовица, в болезни была великой, руки имея прикорчеванными к персям» [3, с. 219]. В Тверской летописи руки девицы были скорченными, а после исцеления – здоровыми [4, с. 58].

Спустя три года, в 1351 г., случилось второе исцеление. «Было чудо на Москве у гроба чудотворца Петра: некая жена лежала два года без ног, и принесли ее к целебному гробу святителя Христова Петра, и вскоре исцеление получила» [2, с. 215]. В Никоновской летописи обстоятельства исцеления немного другие: «Исцелилась некая жена, в болезни будучи великой, без ног и без рук лежала два года; и когда принесли ее в церковь пречистой Богородицы к гробу святого чудотворца Петра, в тот же час исцелилась и отошла

здрав в дом свой» [3, с. 222].

15 августа 1372 г. «на праздник успения Пресвятой Богородицы, - особо отметил летописец, - было чудо в граде Москве: у гроба святого Петра митрополита прощен был некий отрок, семи лет, имел руку, прикорчеванную к груди, и нем был и не мог проглаголать; когда же митрополит Алексей окончил божественную литургию, тогда проглаголил отрок и простерлась ему рука и была цела, как и другая» [5, с. 112]. 18 мая 1393 г. «прощена была некая жена у гроба чудотворца Петра, именем Евфимия» [6, с. 65]. 11 марта 1408 г. «прощен был некий человек у гроба Петра чудотворца, будучи в великой болезни и недуге» [6, с. 81]. 9 марта 1416 г. «прощен был некий человек от гроба святого чудотворца Петра на Москве, была у него нога прикорчевана и в тот день простерлась, и отошел здрав в дом свой; и того же месяца в 15 день у некой черноризицы руки сухи и прикорчеваны были, и в тот день от целбоносного гроба святого Петра исцеление получила» [6, с. 88].

Затем исцеления у гроба св. Петра прекратились и возобновились только спустя 54 года. 21 декабря 1470 г. «исцелилась у гроба святого Петра на память его отроковица, шести лет, слепая – прозрела. В ту же зиму исцелился у гроба святого Петра митрополита человек некий из Рязани странный, имея руку прикорченную и к ребрам приросшую, и во время обедни исцелился, простерлась рука его и была, как и другая» [7, с. 281].

Таким образом, всего за 122 года – с 1348 по 1470 г. – у гроба митрополита Петра исцелились девять человек, пять женщин и четверо мужчин. Среди них – одна монахиня, один странник из Рязани. Социальное положение остальных исцелившихся летопись обозначает неясно – «некий человек», «некая жена». Только в одном случае летописец сохранил для нас имя «некоей жены» - Евфимии. Это говорит о том, что большинство исцелившихся принадлежали к простому небогатому люду.

С 1462 г. стали происходить исцеления и у гроба митрополита Алексея, спустя 84 года после его кончины. 1 января 1462 г. «в монастыре Архангела Михаила, у гроба чудотворца Алексея прощен был чернец того же монастыря, именем Наум, который от младенчества имел усохшую ногу и на деревянной ходил, служа в том же монастыре, в

поварни и пекарне. Тогда же пришел в ночи к образу святого, который написан у гроба святого и начал молить святого, глаголя: «Многие чудеса и исцеления многим дает тобою Бог, я же многие лета от младенчества своего работаю в обители твоей братии, меня не помилуешь». И в тот час простерлась нога его, и скинул деревяницу, на ней же ходил, и отошел здрав в келью свою» [6, с. 149].

Следующее исцеление произошло спустя 57 лет, в 1519 г. «22 ноября в граде Москве, в монастыре святого Архангела Михаила, у гроба святого Алексея чудотворца молитвами его Бог, прославляя своего угодника, помиловал и исцелил человека расслабленного, который не владел руками и ногами, и в тот же момент здрав был» [6, с. 265]. Имя тому человеку Василий [7, с. 397].

В следующем 1520 г. исцелилось 7 человек. 12 февраля в новопоставленном храме за торгом, который создал Василий III, исцелилась «Иванова жена Ширяева, именем Елена, руку имевшая скорченную и ногою не владевшая, и в тот же момент была здорова, в один час дня» [6, с. 265-266]. В тот же день, перед обеднею, у гроба святого Алексея митрополита «Бог помиловал, просветил странного нищего человека, слепого, именем Ивана, даровав ему светло все видеть, и в тот момент здрав был очами». 24 февраля исцелился «человек глухой, именем Афанасий» [6, с. 266].

«1 июня принесли некоторую девицу, именем Анну, безножну, которая пребывала в том недуге, лежа семь лет, и приложили ее к чудотворной раке, где лежит тело святителя Алексея, и молитвами святого исцелилась и здорова была, и отошла». 3 июля «привезли к гробу чудотворца от села Булатникова Злобина человека старого, именем Семион, очами не видящего и всего болящего зело, и с верою припав к телу чудотворца Алексея и молебен сотворив, в тот же момент здрав был». 8 июля «привели к святому чудотворцу Алексею жену некую слепую, именем Соломония, и молебен совершив, приложили ее к чудотворной раке с мощами святителя Алексея, и молитвами его была здорова очами. И в тот же день помиловал и исцелил святой Алексей чудотворец девицу слепую, именем Анну, дал ей одним оком левым прозреть и видеть всё светло. Многие же с верою приходили и исцеления принимали

неисчислимы» [6, с. 267].

За 58 лет, с 1462 по 1520 г., у гробницы митрополита Алексея исцелились девять человек, пятеро мужчин и четыре женщины. О других «неисчислимых» исцелениях, о которых упомянул летописец, мы в точности не знаем. Можно заметить, что летопись сохранила имена всех исцелившихся: чернеца Наума, нищего слепого странника Ивана, «некоей жены» слепой Соломонии и др., в одном случае даже полное имя – «Ивановой жены Ширяева» Елены. Всего же за период с 1348 по 1520 г., т.е. за 172 года, исцеление получили 18 человек, половина из которых мужчины, другая половина – женщины.

Рассмотрим, от каких же недугов излечились эти люди. Самый распространенный из них – скорченные руки и ноги, т.е. частичный паралич, на медицинском языке – парез. При этом заболевании, имеющем неврологическую природу, «оказывается временно выключенной та или иная группа мышц». Различают четыре его вида: монопарез – паралич одной конечности, верхней или нижней; парапарез – паралич обеих верхних или нижних конечностей; гемипарез – паралич одной части тела – левой или правой; крайне редко встречается тетрапарез – паралич всех конечностей [8, с. 158]. Летопись знает все четыре вида этого заболевания (и более не знает никакого): у больных, приходивших к гробницам святителей, были парализованы рука или нога, или же обе руки или обе ноги. В 1520 г. исцелилась «Иванова жена Ширяева, именем Елена, руку имевшая скорченную и ногою не владевшая» - случай гемипареза. Годом ранее исцелился «человек расслабленный, который не владел руками и ногами» - случай тетрапареза. О другом случае тетрапареза скажем подробнее. В 1351 г. исцелилась «некая жена... без ног и без рук лежала два года». Т.е. больная была полностью парализована только два года. Это подтверждает диагноз – парез, при котором мышцы оказываются выключенными временно. Точно также «некоторая девица именем Анна», бывшая «безножна» и исцелившаяся в 1520 г., «пребывала в том недуге семь лет».

Помимо параличных больных были и такие больные, которые страдали слепотой или глухотой. В одном случае «отрок семи лет» имел парализованную руку «и нем был, не мог проглаголить». Эти расстройства

также можно отнести к неврологическим. Известно, что парез – за исключением правостороннего гемипареза – может сопровождаться расстройством речи [8, с. 158]. На медицинском языке это называется мутизмом – заболеванием, при котором больной не разговаривает, но при этом у него сохраняется вполне здоровым речевой аппарат. Причина такого заболевания – нервное потрясение или расстройство.

В 1520 г. исцелился «странный (т.е. странствующий, странник) нищий человек, слепой, именем Иван» - обрел зрение, смог «светло все видеть, здрав был очами». При этом можно спросить – как слепой человек может странствовать? Оказывается, может, если его заболевание – слепота – имеет психоневрологический характер. При этом заболевании, страдая полной слепотой, больные не натываются на окружающие предметы, а при объективном исследовании реакция на свет у них сохраняется. Другими словами, больной хорошо ориентируется в пространстве и может передвигаться самостоятельно, без помощи других [8, с. 176]. Таким больным и был странствующий слепой Иван.

24 февраля 1520 г. исцелился «человек глухой, именем Афанасий». Это единственный случай исцеления от глухоты. Глухота также может иметь неврологический характер. При этом заболевании больной жалуется на полную глухоту, но в то же время он всегда реагирует на неречевые слуховые раздражители: бытовые и природные шумы, звуки музыки и др. Больной даже может выполнять предложенные ему врачом в устной форме действия, но на вопрос «Вы меня слышите» дает отрицательный ответ [8, с. 176].

Таким образом, все или же большинство заболеваний, от которых исцелились люди, приходившие к гробницам московских святителей в XIV – XVI вв., скорее всего, имели психоневрологический характер. Они были вызваны нервными расстройствами и потрясениями, не были хроническими, не имели соматической (телесной) природы: органы чувств у больных были вполне здоровыми. Поэтому такие заболевания могли быть вылечены методом психотерапии. Именно этот метод является основным при двигательных и чувствительных расстройствах неврологического характера [8, с. 467]. К этим расстройствам относятся все без

исключения недуги, от которых исцелились приходившие к святым гробницам больные.

Психотерапия включает разные методы, основными из которых являются внушение и самовнушение [8, с. 423, 433]. Определяющую роль в выздоровлении больного в этом случае играет его *уверенность и убежденность* в лечебном эффекте [8, с. 429]. Имеет значение и *эстетическое воздействие* среды [8, с. 453].

Вернемся в русское средневековье и представим себе обстановку, при которой происходили исцеления. Больные – слепые, немые, глухие и парализованные – приходили в церковь или же их приносили туда. Они слушали церковное пение – вспомним, что при неврологической глухоте больной слышит музыку. Вокруг была богатая церковная роспись: фрески и мозаики, облачения священников также были богато украшены «узорочьем». Иконы в драгоценных окладах искрились и сияли. Струились пахучие куренья – ладан и миро. Торжественно, не спеша проходила церковная служба. Средневековый человек испытывал разные чувства – восхищение, изумление, эстетическое наслаждение. Церковная обстановка, сияющая благолепием и звенящая торжественностью, вводила его в состояние особой душевной настроенности. В этот момент больной подходил к святыне – гробнице митрополита-чудотворца, прикасался к ней – тактильный контакт! Еще одно чувство было задействовано. Больной не просто прикасался – он свято верил в чудодейственность и лечебный эффект своего прикосновения, ждал и жаждал исцеления. Вера больного являлась в тот момент той самой уверенностью в действенности лечебного эффекта, которая и является наиважнейшим условием выздоровления при неврологических расстройствах двигательного и чувствительного характера. Чем сильнее была вера (уверенность) у больного – тем больше шансов было у него выздороветь, исцелиться.

Вспомним, что за 172 года произошло всего 18 таких исцелений. Это говорит о том, что *большинство* больных, приходящих к гробницам московских святителей в XIV – XVI вв., не получали исцеления. Те же, кто получил его, возможно, приходили к святым гробницам не раз и не два. Вспомним, что о первом случае исцеления, случившимся в 1348 г., говорится, что некая девица «тогда придя, исцеление

получила», т.е. в тот раз, в тот день, «тогда» она приходила к мощам святого не впервые. О неоднократном приходе больных к святым гробам говорит и то, что средневековый человек – больной в том числе, тем более больной, могущий ходить, – приходил в церковь часто, каждое воскресенье, в дни больших церковных и семейных праздников.

Исцеления были редкими, и объясняется это самой природой неврологических заболеваний. От двигательных и чувствительных расстройств неврологического характера можно избавиться также одномоментно, как и занедужить ими. Определяющим при этом является сила убежденности больного – самовнушения, в средневековом понимании – вера. Сами же мощи святых, в которых, по представлению средневекового человека, и заключалась чудодейственная целительная сила, на самом деле играли роль плацебо – были притягательны, но бессильны. Вспомним, что был случай, когда больная исцелилась, не прикасаясь к гробнице со святыми мощами, будучи далека от них – «в ново-построенном храме за торгом», а не в монастыре архангела Михаила, где хранились мощи святого Алексея.

При большом стечении народа, в храме, во время или же после литургии вдруг исцелялись больные – слепые прозревали, глухие обретали слух, немые – голос, расслабленные – силу мышц и возможность движения. В представлении средневекового человека это было *чудом*, в современном же понимании – исцелением методами психотерапии.

Чтобы еще раз убедиться в *реальности* этих исцелений, вспомним, что в середине XIV в. в Европе разразилась самая массовая за всю ее историю эпидемия – «черная смерть» или бубонная чума. В 50-е гг. XIV в. она докатилась и до Руси. Тогда «многое множество людей и бояр и священнического чину померло» во всех княжествах и землях [4, с. 79]. Эпидемия настигла и великокняжеский московский двор – в один только 1353 г. скончались сыновья Калиты Симеон Гордый и Андрей, а также сыновья Симеона княжичи Семен и Иван, и митрополичье подворье – скончался митрополит Феогност [7, с. 187]. При этом мы не знаем ни одного случая исцеления от бубонной чумы. Не знаем потому, что таких исцелений не было и не могло быть – природа заболевания была совсем другой и

методы психотерапии здесь были бессильны.

После 1520 г. летопись более не содержит упоминаний о новых исцелениях у гробницы св. Алексея. В этом году у гробницы, узнав о чудесах святого, молился Василий III. Припав к мощам святого и «вздыхнув из глубины сердца», он говорил: «Хвалю и славлю тебя, Боже мой, и пречистую всенепорочную твою Матерь, и угодника твоего и чудотворца святителя Алексея... ибо сподобил меня, раба своего, в мои лета видеть таковые чудеса, в области державы моей явленные, и дал нам второй источник благодатный в граде нашем Москве» [2, с. 267]. Для государя, как и для патриарха, *чудеса* святого имели то значение, что происходили в Московской державе, в граде Москве, утверждая за ней значение светской и духовной столицы. Два «источника благодатных» - мощи св. Петра и Алексея – для средневекового правителя служили важным доказательством особой роли Москвы. Когда же эта роль стала неоспоримой, то отпала и необходимость в новых доказательствах для ее подтверждения. Случилось это как раз в то время, когда и произошло последнее, известное нам, исцеление у гробницы святителя Алексея. К 1520 г. Москва объединила вокруг себя большинство русских земель, последней в 1521 г. была присоединена Рязань. Никто из русских городов уже не оспаривал роль Москвы как *единственной* русской столицы. Летописцу более незачем было новыми чудесами святых угодников утверждать за ней эту роль.

Теперь, когда Русь стала единой, московские святители должны были уступить свою роль чудотворцев другим святым – общероссийского значения. И произошло это в царствование первого русского царя – Ивана IV. В 1554 г. из Вятки в Москву был принесен образ святого Николая чудотворца. Митрополит со священниками 29 июня «понесли образ в град и поставили в соборной церкви Успенской». Далее начались чудеса: «Многие исцеления были с верою приходящим, всякими болезнями одержимым, верным и неверным. И на посадке царствующего града Москвы и в церкви бесчисленные исцеления принимали от образа святого чудотворца Николы больные, слепые и хромые и всякими болезнями одержимые». В этот момент, когда образ нового святого только появился в Москве, его чудотворная сила была освящена

местной традицией: на следующий день, «в неделю, в церкви Пречистой были неоскудные чудеса от образа великого чудотворца Николы и от Петра чудотворца всяя Руси митрополита» [9, с. 236-237].

Вскоре новый святой заступил место прежнего. «По вся дни, - продолжал летописец, - были исцеления от образа великого чудотворца Николы». Сам митрополит Макарий обновил образ, «так как иконному писанию навывчен» был. Иконописцы «много образов» списали с Николы чудотворца, и «ото всех чудотворение было многим верным» [9, с. 237]. Итак, мы видим, что в середине XVI в. местные московские святые уступили свою роль чудотворцев новому святому. Традиция была продолжена, и Москва окончательно закрепила за собой роль *единственной* русской столицы. Эта роль освящалась теперь как древними гробницами святых, так и новым чудотворным образом.

Можно отметить еще одно наблюдение. Большинство исцелившихся у гробниц святителей – это рядовой московский люд. Однако, были среди исцелившихся и нищие, и странники. Имена этих людей *впервые* были занесены на страницы летописи. При этом имена исцелившихся у гробницы св. Петра с 1348 г. по 1416 г., за исключением одного, нам *неизвестны*. Наоборот, имена исцелившихся у гробницы св. Алексея с 1462 по 1520 г., *все* известны. О чем это говорит? *Может быть* о том значении, которое стало приобретать имя *простолюдина*, причастного к чудесам святых, в сознании церковного книжника.

Подведем итог. Летописные известия XIV-XVI вв. о чудесных исцелениях у гробниц московских митрополитов – святых Петра и Алексея являются достоверными. Об этом говорит природа заболеваний исцелившихся – исключительно двигательные и чувствительные расстройства неврологического характера, и методы их лечения, рекомендуемые врачами. Для исцеления необходимы были особенные условия: средневековое представление о божественном – вера, обстановка в храме во время литургии, вводящая больного в легкий транс, а также особенности личности самого больного, его способность к глубоким внутренним переживаниям и само внушению. Для средневекового же правителя – светского, либо духовного – чудесные исцеления служили подтверждением особой роли

его стольного города. В период раздробленности Москва имела своих местных святых, после же, когда она стала во главе русских земель, - обрела и святого общероссийского

значения. Такова была ментальность средневекового общества, для которого чудеса имели вполне *практическое* значение.

Список литературы

1. Соловьев С.М. Сочинения. Кн. II. История России с древнейших времен. Т. 3-4. М., «Мысль», 1988.
2. ПСРЛ. Т. 7. Летопись по Воскресенскому списку. СПб., 1856.
3. ПСРЛ. Т. 10. Никоновская летопись (Продолжение). СПб., 1885.
4. ПСРЛ. Т. 15. Рогожский летописец. Тверской сборник. М., 2000.
5. ПСРЛ. Т. 18. Симеоновская летопись. М., 2007.
6. ПСРЛ. Т. 8. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. СПб., 1859.
7. ПСРЛ. Т. 20. Ч. 1. Львовская летопись. СПб., 1910.
8. Карвасарский Б.Д. Неврозы. М., 1990.
9. ПСРЛ. Т. 29. Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. М., 2009.

SAINTS-MIRACLE WORKERS

This article discusses the miraculous healings that occurred at the tombs of the Moscow metropolitans St. Peter and Alexey from 1348 to 1520. From a medical point of view, the nature of the diseases of the healed and the methods of treatment of such diseases are explained. Attention is drawn to the Church environment in which healings took place and which had a great psychological impact on parishioners and sick people. The conclusion of the study is that the miraculous cures mentioned in the chronicle were quite possible from a medical point of view. Miracles were of great importance for the Moscow Grand Dukes and metropolitans, asserting their capital city-Moscow-the status of the Church capital of all Russian lands. When this status became indisputable, then the mention of miracles in the chronicle stopped. This happened in 1520. In the middle of the XVI century, the cult of Moscow saints Peter and Alexei was replaced by the cult of the all – Russian Saint-Nikola the Wonderworker, whose image also began to undergo miraculous healings. Thus, for medieval man, religious miracles had a very practical significance, linking faith and politics together.

Keywords: miracles, St. Peter and Alexey, relics of saints, blindness, deafness, paresis, neurology, healing, "Black death", Vasily III.

References

1. Solov'ev S.M. (1988) Sochineniya. Istoriya Rossii s drevnejshih vremen. T. 3-4. [Essays. History of Russia since ancient times. Vol. 3-4.]. Moscow.
2. PSRL. T. 7. Letopis' po Voskresenskomu spisku [PSRL. Vol. 7. Chronicle of the Resurrection list]. SPb., 1856.
3. PSRL. T. 10. Nikonovskaya letopis' (Prodolzhenie) [PSRL. Vol. 10. The Nikon chronicle (Continued)]. SPb., 1885.
4. PSRL. T. 15. Rogozhskij letopisec. Tverskoj sbornik [PSRL. Vol. 15. Rogozhsky chronicler. Tver collection]. Moscow, 2000.
5. PSRL. T. 18. Simeonovskaya letopis' [PSRL. Vol. 18. Simeon's chronicle]. Moscow, 2007.
6. PSRL. T. 8. Prodolzhenie letopisi po Voskresenskomu spisku [PSRL. Vol. 8. Continuation of the chronicle according to the resurrection list]. SPb., 1859.
7. PSRL. T. 20. Ch. 1. L'vovskaya letopis' [PSRL. Vol. 20. Part 1. Lviv chronicle]. SPb., 1910.
8. Karvasarskij B.D. (1990) Nevrozy [Neuroses]. Moscow.
9. PSRL. T. 29. Letopisec nachala carstva carya i velikogo knyazya Ivana Vasil'evicha [PSRL. Vol. 29. Chronicler of the beginning of the reign of Tsar and Grand Duke Ivan Vasilyevich]. Moscow, 2009.

Об авторе

Исмаилова Зулейха – аспирантка Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского, E-mail: pokrovskaya-lada@bk.ru

Ismailova Zuleyha Adil-kyzy – post-graduate student of Bryansk State University named after academician Petrovsky. E-mail: pokrovskaya-lada@bk.ru

Коженков А.В., магистрант 2 курса, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Россия)

МОНСТРАЦИЯ В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ СМИ: ДИХОТОМИЯ ВЗГЛЯДОВ И ПРИЧИНЫ ВОВЛЕЧЕННОСТИ

В статье исследуется феномен Монстрации, а также интерпретация данного феномена в современных российских СМИ и причины участия обывателей в шествии. Эмпирическая база исследования основана на материалах различных современных российских СМИ. Ставится вопрос относительно интерпретации феномена Монстрации в различных СМИ, об истоках дихотомии взглядов в современном российском политическом поле, отношении Монстрации к формулярным празднованиям в контексте идеологического пространства, примером которого является Первомай. Основным теоретическим принципом является предложенное Алексеем Юрчаком пространство внеаходимости, на основании которого строится дихотомия взглядов на Монстрацию в среде современных российских СМИ, а также концепция Михаила Бахтина относительно «двуединства» смещенных позиций «автора» и «героя», на основе которой раскрываются причины вовлеченности субъекта в действие. Актуализация исследования основана на вовлеченности субъектов российского политического поля и их интерпретация самого феномена Монстрации. Основные исследовательские выводы связаны с понятиями пространства внеаходимости, дихотомия, двуединство.

Ключевые слова: Монстрация, пространство внеаходимости, СМИ, дихотомия, интерпретация, двуединство
DOI: 10.22281/2413-9912-2020-04-02-39-44

Монстрация впервые прошла в Новосибирске 1 мая 2004 года, в ней участвовало около 80 человек, они двигались вслед за демонстрацией, посвященной празднованию 1 мая. Участники Монстрации несли самодельные плакаты с абсурдными и аполитичными лозунгами, что и стало главным отличием подобного мероприятия от официальных демонстраций. В 2009 году Монстрация стала настолько массовой, что им пришлось отойти от хвоста первомайской колонны и идти собственным маршем, несмотря на отсутствие разрешения со стороны властей. В 2010 году, по заявлениям очевидцев участников Монстрации было больше, чем участников Первомайского шествия [1]. Проведение Монстрации стало традицией для многих российских городов: Томск, Красноярск, Москва, Санкт-Петербург и другие. По состоянию на 2019 год, Монстрация прошла в 30 городах. Однако, несмотря на растущую популярность Монстрации, нам до конца неясно, как мы можем проинтерпретировать данный феномен, и какое место он занимает в структуре проявления активности в современном российском обществе и по отношению к Первомайскому шествию, какие причины роста интереса к шествию среди обывателей.

Целью данной статьи является анализ глубинных причин различных интерпретаций феномена Монстрации в российских

СМИ, а также изучение причин участия обывателя в Монстрации. Для выполнения поставленной цели нам необходимо выполнить следующие задачи: 1) проинтерпретировать специфику публикации различных изданий, посвященных Монстрации и причину их отношения к шествию, 2) проанализировать феномен Монстрации в контексте Первомайского шествия, 3) выделить основные причины участия в Монстрации используя принцип «двуединства» Михаила Бахтина.

Настоящая статья имеет историко-антропологический характер, в ней применяются научные методы как из области исторических исследований, так и из антропологии. Общим методологическим базисом данной работы является концепция Алексея Юрчака о «пространстве внеаходимости», описанная им в работе «Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение». Основополагающим принципом статьи является принцип холизма для выяснения особенностей внутренних связей в системе взаимодействия и коммуникации в контексте современной российской политической и общественной жизни. Определенный инструментарий такого исследовательского подхода как критический дискурс-анализ используется в качестве методологического принципа выяснения роли Монстрации в формировании современного российского общественного дискурса, а также для интерпретации отношения

к шествию в СМИ, поскольку дискурс конституирует социальный мир и является конституируемым в иных социальных практиках. Ввиду того, что Монстрация зародилась как «стёб» над Первомайским шествием, то необходимо применить сравнительно-исторический анализ, для объяснения сходств и различий двух шествий.

В работе Алексея Надежкина, посвященной специфике языковых и визуальных средств в Монстрации, отдельно указывается, что демонстрация 1 мая особо часто используется как объект переосмысления, указывая, что причиной подобных лозунгов является снижение восторженного пафоса официальной демонстрации [2. С. 273]. Дарья Ковальчук описывает в своей работе Монстрацию как сугубо политическую демонстрацию и творческий конкурс одновременно [3. С. 101], что вступает в противоречие с идеей Монстрации как противопоставления Первомайской демонстрации. В работе Елены Карповой и Татьяны Непряхиной исследуются взгляды на Монстрацию с позиций различных СМИ, на основе анализа многочисленных публикаций авторы приходят к выводу, что отношение к Монстрации в СМИ в целом положительное, что также вступает в противоречие с идеей Монстрации как объекта в пространстве вненаходимости, который СМИ, находящиеся в едином политическом поле, не могут однозначно интерпретировать [4. С.348]. Статья Анастасии Матюсовой посвящена истории возникновения Монстрации как явления. В ней отдельно говорится об отношении к Монстрации с позиции официальной власти и общества. Указывается, что власть и общество скорее негативно относятся к шествию, по причине непонимания цели Монстрации, что коррелирует с местом, а точнее с отсутствием Монстрации в современном политическом поле [5. С. 92]. Работа Анастасии Матюсовой и Елены Ефановой посвящена анализу Монстрации как протестному явлению в современных российских реалиях. Действительно, участники Монстрации зачастую создают и приносят плакаты ярко выраженной политической тематики, однако невозможно охарактеризовать шествие как чисто политическое или социальное явление, ввиду того, что Монстрация лишь отражает эти явления, не будучи их частью [6. С. 83].

Ввиду того, что плакаты участников Монстрации зачастую основаны на абсурдных текстах, отношение к шествию отдельно взятыми СМИ интерпретируется по-разному. Так, например, РБК прямо указывает на политическую направленность Монстрации, несмотря на то, что данное шествие задумывалось как аполитичное [7]: «В центре Новосибирска состоялась традиционная «Монстрация» - Первомайское шествие с абсурдными лозунгами на политическую и общественную тематику», о задержаниях участников сообщается лишь общее количество задержанных. Интерфакс сравнивает Монстрацию с карнавалом [8]: «Около 1,2 тыс. человек приняли участие в согласованной с властями Новосибирска Первомайской "Монстрации-2019" - молодежном шествии с элементами абсурдистского карнавала». Радио Свобода акцентирует внимание на задержание участников полицией в Махачкале [9]: «По данным организаторов Монстрации полиция задержала четверых активистов...». Медуза также активно указывает на задержания участников шествия [10]: «Всего в городах России 1 мая были задержано более 100 человек». Настоящее время указывает, что Монстрация – театрализованное шествие с абсурдными лозунгами [11]: «В российских городах проходит "Монстрация" – Первомайское театрализованное шествие с абсурдными лозунгами». V1 утверждает, что изначальный смысл Монстрации был политическим [12]: «Первомайские демонстрации давно уже стали беззубыми и невинными, но в этом году пришлось вспомнить, что их смысл изначально был всё-таки политический», что не вполне корректно отображает суть данного мероприятия. Новая газета пишет о Первомайской демонстрации, параллельно указывая на проведение Монстрации [13]: «"Монстрация" – это художественная акция в форме демонстрации с намеренно абсурдными лозунгами и транспарантами».

Данные СМИ по-разному интерпретируют Монстрацию, исходя из своего понимания смысла данного мероприятия. Согласно А. Юрчаку, эти СМИ можно разделить на две группы: «non-state-controlled» и «state-controlled» [14, С. 101-102], причем мы подчеркиваем, что под данными терминами не подразумеваются негативные и устойчивые

коннотации. РБК и Интерфакс крайне мало указывают на задержания, ограничиваясь лишь описанием самого шествия. В противоположность им, Медуза и Радио Свобода говорят, по большей части, о задержаниях и политических лозунгах. Таким образом, имеет смысл говорить о двух противоположных взглядах на Монстрацию, обусловленных особенностями самого феномена. Алексей Юрчак вводит понятие «пространство вненаходимости» [15. С. 255-262], с этого понятия мы проследим эволюцию отношения обывателя к формам и смыслам официальных ритуалов. Обыватель, сознательно не вовлекая себя в буквальный смысл ритуалов, проводимых государством, принимает лишь формы этих действий, но не их буквальный смысл. Отсюда и возникает характерный для позднего советского общества «стёб» относительно официальных мероприятий, лозунгами партии и ее лидерами. Юрчак применял понятие «пространство вненаходимости» к позднему советскому обществу до Перестройки, однако, мы можем наблюдать преемственность и в современном российском обществе. Принятие лишь внешней формы ритуала приводит к формированию новых, неожиданных для власти смыслов, которые она не может увидеть и контролировать. Первомайское шествие можно проинтерпретировать как специфическую форму проведения праздника, задающую тон и правила, по которым необходимо проводить мероприятие. Поскольку Монстрация зародилась как «стёб» над советским ритуалом – первомайским шествием, то можно утверждать, что феномен Монстрации заключается в нахождении в «пространстве вненаходимости» внутри современного политического поля. Однако мы не можем утверждать, что Монстрация напрямую отрицает или противоречит Первомай, скорее речь идет о сознательном использовании имеющейся формы, для использования в собственных интересах. Монстрацию как явление невозможно отнести к одобряемым или неодобряемым «non-state-controlled» и «state-controlled» СМИ. Каждое из них интерпретирует Монстрацию исходя из своей позиции в политическом поле, несмотря на то, что данное явление находится за его пределами, что и является

причиной дихотомии взглядов на Монстрацию. Формирование феномена Монстрации можно возвести как реакцию на авторитетный дискурс, в качестве которого будет выступать Первомайская демонстрация, что указывалось Артемом Лоскутовым, идейным вдохновителем первой Монстрации 2004 года [16]. Мы можем определить следующие сходства Монстрации и Первомай: оба мероприятия проводятся 1 мая каждого года, оба имеют схожую форму проведения в виде шествия. Различия между мероприятиями имеют гораздо более глубокий характер: само слово «монстрация» представляет собой искаженное «демонстрация» без приставки «де», которая, по замыслу создателей альтернативного шествия, имеет негативные коннотации [16]. Принимая участие в действиях Первомай, субъект принимает идеологию праздника, становится ретранслятором изначально заложенных в событие смыслов, чего нельзя сказать о Монстрации. Каждый её участник задает свой смысл с помощью собственного плаката, в Первомайском шествии такой возможности нет. Отметим также, что субъект внутри политической системы, участник Монстрации, не является сторонником или противником какой-либо стороны политического поля. Невовлеченность в систему не является уходом от нее, напротив, субъект полностью принимает систему, действует и существует в ее рамках, но принимая лишь на уровне формы.

Принятие на уровне формы ярко выражается в форме проведения Монстрации. По сути, для участников Монстрации, она является миметической копией Первомайской демонстрации, они принимают её внешнюю форму, но придавая внутреннему содержанию свой, уникальный для каждого участника, смысл нахождения на Монстрации. Субъект существует и внутри и за пределами системы, за пределами буквальных смыслов, которыми наделялись эти действия. Констатирующий смысл Первомай потерял важность, но форма проведения давала возможность наделять свое существование новыми, зачастую весьма неожиданными, как для субъекта, так и для власти смыслами. Воспроизводство формы самой структуры празднования Первомай дает возможность участникам Монстрации, находясь в политическом

поле, игнорировать его. Таким образом, форма шествия не вызывает отторжения среди общества, подобная форма является устоявшейся для многих потенциальных и настоящих участников. Субъекты самого действия, несмотря на общепринятую структуру шествия, в логике вневходимости (о которой более подробно речь пойдет дальше) создают потенциально новые смыслы и новые формы их выражения. Отдельно отметим позицию Ольги Глушковой и Ирины Соич [17. С. 116-124], которые указывают, что Монстрация являет собой симулякр четвертого порядка, с чем не вполне согласен автор данной статьи: непонятно, почему Первомайская демонстрация указывается как акт сопротивления власти, если изначальным смыслом данного мероприятия было празднование дня труда, весны и свободы от угнетения, но не свободы от государственной власти. Мы можем утверждать, что форма проведения Первомай важна для проведения Монстрации, поскольку перформативное воспроизводство формы дает возможность наделения существования новыми, неожиданными смыслами.

Для дальнейшего анализа причин, приводящих к участию субъекта в Монстрации нам необходимо обратиться к работе Михаила Бахтина «Автор и герой в эстетической деятельности». Автор вводит понятие «вневходимости», чтобы определить отношения между героем произведения и автором [18. С. 6-7]. Автор и герой не являются двумя независимыми друг от друга субъектами, их голоса не имеют абсолютного приоритета: без автора герой не имел бы голоса, аналогично автор не смог бы выразить свой голос

без посредничества героя. Применимо к Монстрации и ее участникам данная схема работает следующим образом: субъект, участник шествия, создавая плакат, создает своего «героя», т.е. форму выражения собственных мыслей путем демонстрации содержания плаката. «Герой» без автора бесполезен, поскольку плакат выражает те мысли и отношения, которые созданы автором, т.е. участником Монстрации. Таким образом, мы можем утверждать, что субъект, участвуя в шествии, находится в состоянии вневходимости: как «герой» он говорит навязанным языком (воспроизведение структуры проведения мероприятия), но в то же время субъект выступает как автор, создавая новые смыслы внутри современной реальности путем создания собственного плаката. Таким образом, участник Монстрации является и героем и автором одновременно, дополняя и отождествляя себя с плакатом.

Таким образом, мы можем утверждать, что Монстрация воспроизводит структуру действия первомайского праздника, но конструирует весьма неожиданный смысл посредством новой логики политического самовыражения. Дихотомия в интерпретации СМИ связана с тем, что Монстрация находится в «пространстве вневходимости» для современного политического поля поэтому различные издания интерпретируют смысл Монстрации исходя из собственной идеологической позиции. Участие обывателя в Монстрации можно объяснить формой самовыражения через создание оригинального плаката, который, несмотря на нахождение внутри устоявшейся формы создает свой, неожиданный смысл.

Список литературы

1. История «Монстрации» от группы художников до нескольких тысяч человек. URL: <https://salt.zone/news/10948> (дата обращения: 20.02.2020)
2. Надежкин А.М. Средства языковой выразительности в лозунгах фестиваля “Монстрация” / Надежкин А.М. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2014. – № 2(3). С. 271-274
3. Ковальчук Д.А., Мигунов А.С. Эстетический анализ Монстрации. Монстрация как основание для формирования “перформансной коммуникации” / Ковальчук Д.А., Мигунов А.С. // АПРОБАЦИЯ. – 2013. - № 12(15). С. 100-103.
4. Карпова Е.А., Непряхина Т.В. Отражение арт-акций “Монстрация” в медийном пространстве / Карпова Е.А., Непряхина Т.В. // Россия в мире: проблемы и перспективы развития международного сотрудничества в гуманитарной и социальной сфере. – 2017. С. 341-349
5. Матюсова А.И. История возникновения российских монстраций / Матюсова А.И. //

Русская политология. – 2017. – № 2. С. 87-93

6. Ефанова Е.В., Матюсова А.И. Монстрация как форма общественно-политической активности современной молодежи. / Ефанова Е.В., Матюсова А.И. // Вестник Московского государственного областного университета. – 2018. – № 2. С. 69-92

7. В Новосибирске под снегопадом прошла Первомайская «Монстрация». URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5cc9b2219a79470f721f4fc1> (дата обращения: 20.02.2020)

8. В Новосибирске прошла Первомайская «Монстрация». URL: <https://www.interfax.ru/russia/659945> (дата обращения: 20.02.2020)

9. Задержания, лозунги, спойлеры. Как прошла Монстрация в России. URL: <https://www.svoboda.org/a/29914482.html> (дата обращения: 20.02.2020)

10. «Городу нужны мы, а не эта тряпка». URL: <https://meduza.io/feature/2019/05/01/gorodu-nuzhny-my-a-ne-eta-tryapka> (дата обращения: 20.02.2020)

11. "В нас тупление". Собираем главные лозунги 16-й "Монстрации". URL: <https://www.currenttime.tv/a/monstracia/29914053.html> (дата обращения: 15.03.20)

12. «Нам хана»: как в Первомай страна гуляла с дурацкими плакатами под прицелом полиции. URL: <https://v1.ru/text/world/66075865/> (дата обращения: 15.03.20)

13. В Москве параллельно проходят Первомайский митинг коммунистов и «Монстрация». URL: <https://novayagazeta.ru/news/2019/05/01/151352-v-moskve-parallelno-prohodyat-pervomayskiy-miting-kommunistov-i-monstratsiya> (дата обращения: 15.03.20)

14. Yurchak A. Fake, unreal and absurd// Fake. Anthropological keywords. – Chicago: Hau Books, 2018. – P. 91–108

15. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение / Алексей Юрчак; предисл. А. Беляева; пер. с англ. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 664 с.

16. Что такое “монстрация” и нужно ли на нее идти. URL: <https://www.amic.ru/voprosdnya/439132/> (дата обращения: 15.03.20)

17. Глушенкова О.А., Сонич И.В. «Монстрация» как семиозис политического симулякра демонстрации: феномен возвращения к реальному / О.А. Глушенкова, И.В. Сонич // Сибирский филологический форум. – 2018. - № 3. С. 116-124

18. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / Сост. С. Г. Бочаров, примеч. С. С. Аверинцев и С. Г. Бочаров. М.: Искусство, 1979. 423 с.

THE PHENOMENON OF MONSTRATION IN THE MEDIA: A DICHOTOMY OF VIEWS

The article explores the phenomenon of Monstration, as well as the interpretation of this phenomenon in modern Russian media and the reasons for the participation of ordinary people in the procession. The empirical base of the study is based on materials from various modern Russian media. The question is raised regarding the interpretation of the Monstration phenomenon in various media, about the origins of the dichotomy of views in the modern Russian political field, Monstration's attitude to formal celebrations in the context of the ideological space, an example of which is May Day. The main theoretical principle is the space of extra-terrestriality proposed by Alexei Yurchak, on the basis of which the dichotomy of views on the Monstration in the modern Russian media is built, as well as the concept of Mikhail Bakhtin regarding the “dual unity” of the displaced positions of the “author” and “hero”, on the basis of which the reasons for the subject's involvement are revealed into action. The actualization of the study is based on the involvement of subjects of the Russian political field and their interpretation of the phenomenon of Monstration itself. The main research findings are related to the concepts of extra-naval space, dichotomy, dual unity.

Keywords: monstration, outward space, mass media, dichotomy, interpretation, dual unity, authoritative discourse

References

1. Istorija «Monstracii» ot gruppy hudozhnikov do neskol'kih tysjach chelovek. [The history of "Monstration" from a group of artists to several thousand people]. URL: <https://salt.zone/news/10948> (accessed date: 20.02.2020)

2. Nadezhkin A.M. Sredstva jazykovej vyrazitel'nosti v lozungah festivalja “Monstracija” [Means of language expressiveness in the slogans of the festival "Monstration"] / Vestezh Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky. – 2014. – No. 2-3. P. 271–274.

3. Kovalchuk D.A., Migunov A.S. Jesteticheskij analiz Monstracii. Monstracija kak osnovanie dlja formirovanija “performansnoj kommunikacii” [Aesthetic analysis of Monstration. Monstration

as the basis for the formation of “performance communication”] / Kovalchuk D.A., Migunov A.S. // APPROBATION. – 2013. – No. 12 (15). P. 100-103.

4. Karpova E.A., Nepryakhina T.V. Otrazhenie art-akcij “Monstracija” v medijnom prostranstve [Reflection of the art actions “Monstration” in the media space] / Karpova E.A., Nepryakhina T.V. // Russia in the world: problems and prospects for the development of international cooperation in the humanitarian and social sphere. – 2017. P. 341-349

5. Matyusova A.I. Istorija vzniknovenija rossijskih monstracij [The history of the emergence of Russian monstrations] / Matyusova A.I. // Russian Political Science. – 2017. P. 87-93.

6. Efanova E.V., Matyusova A.I. Monstration as a form of socio-political activity of modern youth. / Efanova E.V., Matyusova A.I. // Bulletin of Moscow State Regional University. - 2018. S. 69-92.

7. V Novosibirsk pod snegopadom proshla pervomajskaja «Monstracija». [In May, under the snowfall, May Day “Monstration” took place]. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfree-news/5cc9b2219a79470f721f4fc1> (accessed date: 20.02.2020)

8. V Novosibirsk proshla pervomajskaja «Monstracija». [May Day “Monstration” was held in Novosibirsk]. URL: <https://www.interfax.ru/russia/659945> (accessed: 20.02.20)

9. Zaderzhaniya, lozungi, spojery. Kak proshla Monstracija v Rossii. [Detention, slogans, spoilers. How was the Monstration in Russia]. URL: <https://www.svoboda.org/a/29914482.html> (accessed date: 20.02.20)

10. «Gorodu nuzhny my, a ne jeta trjapka». [“The city needs us, not this rag.”]. URL: <https://meduza.io/feature/2019/05/01/gorodu-nuzhny-my-a-ne-eta-tryapka> (accessed: 20.02.20)

11. “V nas tuplenie”. Sobiraem glavnye lozungi 16-j “Monstracii”. [“W nas tuplenie.” We collect the main slogans of the 16th “Monstration”] URL: <https://www.currenttime.tv/a/monstracija/29914053.html> (accessed 15.03.20)

12. «Nam hana»: kak v Pervomaj strana guljala s durackimi plakatami pod pricelom policii. [“Nam Khana”: as on May Day, the country walked with stupid posters at the sight of the police.] URL: <https://v1.ru/text/world/66075865/> (accessed: 15.03.20)

13. V Moskve parallel'no prohodjat pervomajskij miting kommunistov i «Monstracija». [In Moscow, the May Day rally of the Communists and the “Monstration” are held simultaneously.] URL: <https://novayagazeta.ru/news/2019/05/01/151352-v-moskve-parallelno-prohodyat-pervomayskiy-miting-kommunistov-i-monstratsiya> (accessed: 15.03.20)

14. Yurchak A. Fake, unreal and absurd // Fake. Anthropological keywords – Chicago: Hau Books, 2018. P. 91–108

15. Yurchak A. Jeto bylo navsegda, poka ne konchilos'. Poslednee sovetskoe pokolenie [It was forever until it ended. The Last Soviet Generation] / Alexey Yurchak; foreword A. Belyaev; trans. from English – M.: New Literary Review, 2014. – 664 p .

16. Chto takoe “monstracija” i nuzhno li na nee idti. [What is “monstration” and whether it is necessary to go] URL: <https://www.amic.ru/voprosdnya/439132/> (accessed: 15.03.20)

17. Glushenkova O.A., Sonic I.V. «Monstracija» kak semiozis politicheskogo simuljakra demonstracii: fenomen vozvrashhenija k real'nomu [“Monstration” as a semiosis of a political simulacrum of a demonstration: the phenomenon of a return to the real] / OA Glushenkova, I.V. Sonic // Siberian Philological Forum. - 2018. - No. 3. P. 116–124.

18. Bakhtin M. M. Jestetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of verbal creativity] / Sost. S. G. Bocharov, note. S. S. Averintsev and S. G. Bocharov. M.: Art, 1979. 423 p.

Об авторе

Коженков Антон Владимирович – магистрант 2 курса кафедры общей и педагогической психологии, Национальный исследовательский Томский Государственный университет (Россия), E-mail: kozhenkov_a_v@mail.ru

Kozhenkov Anton Vladimirovich – Master’s degree student of 2nd course of Department of General and Educational Psychology, National Research Tomsk State University (Russia), E-mail: kozhenkov_a_v@mail.ru

Кулаков В.И., доктор исторических наук, Институт археологии РАН (Россия)

ПРУССКИЕ ГОРОДИЩА В ИСТОРИИ ЯНТАРНОГО КРАЯ¹

В эпоху раннего средневековья в Янтарном крае, на западной окраине балтского мира пруссы создали четыре типа укрепленных поселений – городищ, имевших в соответствии с особенностями своей фортификации различное предназначение. Тем не менее многообразие типов прусских раннесредневековых городищ не оказало положительного для пруссов влияния на ход военных действий в процессе орденовой агрессии на западную окраину земли балтов. Городища типа А, являвшиеся, судя по их расположению, центрами прусских волостей (polka) в доорденское время, в первую очередь подвергались ударам орденовых войск. Таким образом Тевтонский Орден надеялся, разрушив прусскую территориально-административную систему и покорить Самбию. Его планы, к сожалению, реализовались.

Ключевые слова: юго-восточная Балтия, городища, Тевтонский Орден

DOI: 10.22281/2413-9912-2020-04-02-45-53

Прусские укрепленные поселения эпохи раннего средневековья долгое время не привлекали внимание европейских археологов. Лишь лейтенант 33 Торнского пехотного полка топограф Иоганн Михаэль Гизе в 1826 г. составил краткий перечень прусских укрепленных поселений и создал альбом их схематических изображений [11, S. 69], ныне хранящийся в Гердер-Институте (Марбург). В предвоенное время основной массив этих памятников археологии, лишь в малой степени охваченных раскопками (точнее – шурфовками – 11, S. 74, 75), был подвергнут археологическим разведкам, результаты которых были опубликованы в виде краткой сводки Гансом Кромме (рис. 1). В 1947-1951 гг. Ф.Д. Гуревич провела небольшие раскопки малой площадки городища Сгаам/Грачёвка [1, с. 419-432]. С тех пор укрепленные поселения раннесредневековых пруссов не привлекали внимание отечественных исследователей.

В начале XX в. для территории Эстонии А.М. Тальгрэн выделил четыре типа городищ, обозначив в виде типобразующих признаков величину и форму возвышенности, занятой городищем [13, S. 160-163]. Очевидно, принимая типологию А.М. Тальгрена, Ф.Д. Гуревич отметила, что по масштабу своих фортификационных сооружений прусские городища выделяются среди укрепленных поселений раннесредневековой Балтии [1, с. 362].

В 1994 г. автор этих строк предложил типологию прусских раннесредневековых городищ, сведя их в 4 типа: А – мысовые

городища, Б – городища-святилища кольцевой планиграфии (по Эд. Штурмсу – Alkhügel), В – городища с множественными валами, Г – городища с двумя площадками (рис. 2). Размеры городищ для их типологии значения не имели. Большая часть этих городищ существовала в XIII в., и, используя пруссами в ходе войны с крестоносцами, оказалась фрагментарно упомянута в «Прусской хронике» Петра из Дусбурга. Польский коллега Мирослав Хоффманн недавно опубликовал работу посвященную истории изучения прусских городищ. К сожалению, польский коллега не избежал фактологических ошибок: он представил план городища Schloßberg/Бочаги как план городища Tam-mowischken/Тимофеевка [12, рис. 5].

Послевоенная германская археология практически не затрагивала проблему изучения прусских городищ. Лишь в 2009 г. Антье Вендт опубликовала дипломную (?) работу, посвященную городищам Самбии. В ней автор бездоказательно связала сооружение укрепленных поселений в центре прусского племенного ареала среднего и позднего железного века с эпохами бронзы и римского влияния [14, S. 156-162]. Тем не менее молодая исследовательница впервые сопоставила археологические данные о прусских городищах с информацией письменных источников [14, S. 160].

Далеко не все городища, как, например, Balga-2 (рис. 3), Girmov (рис. 4), Conovedit (рис. 5) (все – тип А), были взяты

¹ Краткая версия статьи была опубликована в: Кулаков В.И., 2019. Прусские городища по данным письменных и фольклорных источников // Восточная Европа в древности и средневековье. Ранние этапы урбанизации. М.: Институт всеобщей истории РАН, с. 156, 157.

крестоносцами после надлежащей осады. Городище Lenzenberg (тип А, сдан без боя ?) стало местом предательского сожжения прусских нобилей крестоносцами [7, с. 91]. Об обороне прусского городища Twangste (тип А), рядом с которым в 1255 г. был заложен замок Konuigsberg [7, с. 85], нам ничего неизвестно. Городища Partegal и Schneckenberg (тип А) были сооружены после 1239 г. пруссами (первое) и крестоносцами (второе) в ходе осады замка Balga [7, с. 60, 61]. Некоторые городища (например – Taplacken/Талпаки) вообще оказались недостроенными, особенно – в восточной части совр. Калининградской области.

Таким образом, опорными пунктами прусского сопротивления крестоносной агрессии были исключительно городища типа А, количественно преобладающие в массиве укрепленных поселений юго-восточной Балтии. Уже на первом этапе завоевания Орденом земли пруссов (1233-1249 гг.) орденские войска успешно и достаточно оперативно штурмовали и захватывали прусские городища [6, с. 70], оборонительные сооружения которых в лучшем случае состояли из вала и рва. На площадках этих городищ, не превышавших своей площадью 10000 кв. м, не могло поместиться количество воинов, возможное для победоносной для пруссов обороны городища. Более того, как известно, оборонительная тактика (характерная для пруссов в борьбе с крестоносцами) никогда не приводила к победе.

Как уже упоминалось, городища типа А сооружались пруссами в XIII в. для осады орденских укреплений. При этом действия пруссов, не предпринимавших полное окружение (т.е. блокаду) орденских замков, тем самым были обречены на неудачу. Примечательно то, что и в позднейших прусских легендах упоминаются лишь городища указанного типа. Как правило, к герою легенды на площадке городища являлось некое инфернальное существо, пытавшееся вступить с человеком в контакт [3, с. 152]. К городищам типа А относится и центральное святилище пруссов (совр. Schloßberg/Бочаги – 5, с. 23, 24), укрепления

которого носили не фортификационный, а сакральный характер (рис. 6, 7). В описании событий сер. XIII в. упоминается городище типа В (место сбора прусского ополчения) Girmov [7, с. 293] (рис. 8), ставшее, очевидно, местом первой битвы между крестоносцами и пруссами в ходе второго похода орденских войск на Самбию. Второе городище типа В – Ekritten/Ветрово, бездоказательно обозначенное А. Вендт как Herrschersitz (нем. «Место-пребывание властителя» - 14, S. 164), упоминается Петром из Дусбурга в сюжете о сражениях вокруг Rudau в конце 1254 г. как прусский «лагерь» [8, S. 103]. Собственно, временным лагерем для собравшегося здесь прусского ополчения и было городище Nogympte близ Ekritten/Ветрово, обладающее сохранившимися по сей день мощными валами и значительным культурным слоем, заполненным остатками горения – свидетельством уничтожения располагавшихся на площадке городища построек в результате поражения пруссов в битве с орденскими войсками. В прусских легендах это городище считалось местом проведения языческих жертвоприношений [8, S. 103]. Также городище типа В, известное по данным фольклора под именем Galtgarben (близ Kumehnen/Кумачёво), в прусских легендах считалось местом расположения храма бога Лиго, на самом деле не входившего в прусский пантеон. С этим городищем связана романтическая история о несчастной любви, завершившейся вполне трагически [3, с. 201].

Таким образом, можно заключить, что многообразие типов прусских раннесредневековых городищ не оказало положительного для пруссов влияния на ход военных действий в процессе орденской агрессии на западную окраину земли балтов. Городища типа А, являвшиеся, судя по их расположению (рис. 8), центрами прусских волостей (polka) в доорденское время, в первую очередь подвергались ударам орденских войск. Таким образом Тевтонский Орден надеялся, разрушив прусскую территориально-административную систему и покорить Самбию. Его планы, к сожалению, реализовались.

Список литературы

1. Гуревич Ф.Д. Из истории юго-восточной Прибалтики в I тысячелетии н.э. (по материалам Калининградской области) // Древности северо-западных областей РСФСР в I

тысячелетии н.э., МИА-76, М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1960. - С. 328-451.

2. Кулаков В.И. Прусы (V-XIII вв.), М.: «Геоэко», 1994 - 214 С.

3. Кулаков В.И. От Восточной Пруссии до Калининградской области, Калининград: «Бизнес-Контакт», 2002 - 287 С.

4. Кулаков В.И. История Пруссии до 1283 г., М.: «Индрик», 2003 - 364 С.

5. Кулаков В.И. Памятники археологии // Каталог объектов культурного наследия Калининградской области. Т. IV. Памятники археологии. Памятники искусства. Город Калининград, Калининградская области, М.: АНО «Научно-информационный издательский центр», 2005 – С. 9-98.

6. Пашуто В.Т. Борьба прусского народа за независимость (до конца XIII в.) // История СССР, № 6, М., 1958 - С. 54-81.

7. Петр из Дусбурга. Хроника земли Прусской, М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 1997 - 383 С.

8. Crome H. Der "Hünenberg" bei Ekriten, die alte Preußenburg Nogympte // Altpreußen. Jg. 1, H. 2, Königsberg, 1935 - S. 101-103.

9. Crome H. Führer zu den frühgeschichtlichen Burgwällen im Samlande // Prussia, Bd. 34, Königsberg, 1940 - S. 5-82.

10. Crome H., Grunert W. Verzeichnis vor- und frühgeschichtlicher Wehranlagen in westlichen Nadrauen // Zeitschrift der Altertumsgesellschaft Insterburg, H. 21, Insterburg: Altertumsgesellschaft, 1937 - S. 1-11.

11. Gaerte W. Burgwallforschung in Ostpreußen // Altpreußen, Jg. 1, H. 1, 1935 - S. 69-76.

12. Hoffmann M. Inwentaryzacje złożeń obronnych na ziemiach pruskich w pierwszej połowie XIX w. // Opusculum Archaeologica opera dedicate in professorem Thaddeum Malinowski, Zielona Góra: Uniwersytet Zielonogórski, 2007 - S. 149-169.

13. Tallgren A.M. Zur Archäologie Eestis, Bd. II, Von 500 bis zum etwa 1250. Dorpat/Tartu: Mattiesen C., 1925 - 204 S.

14. Wendt A. Die Burgwälle des Samlandes // The Reception of Medieval Europe in the Baltic Sea Region. Visby: Gotland University Press, 2009 - S. 143-167.

Архивные материалы

15. Архив ИА РАН, Ф.1, Кулаков В.И., Отчет о работе Балтийской экспедиции в 1983 г., № 9919.

Подписи к рисункам

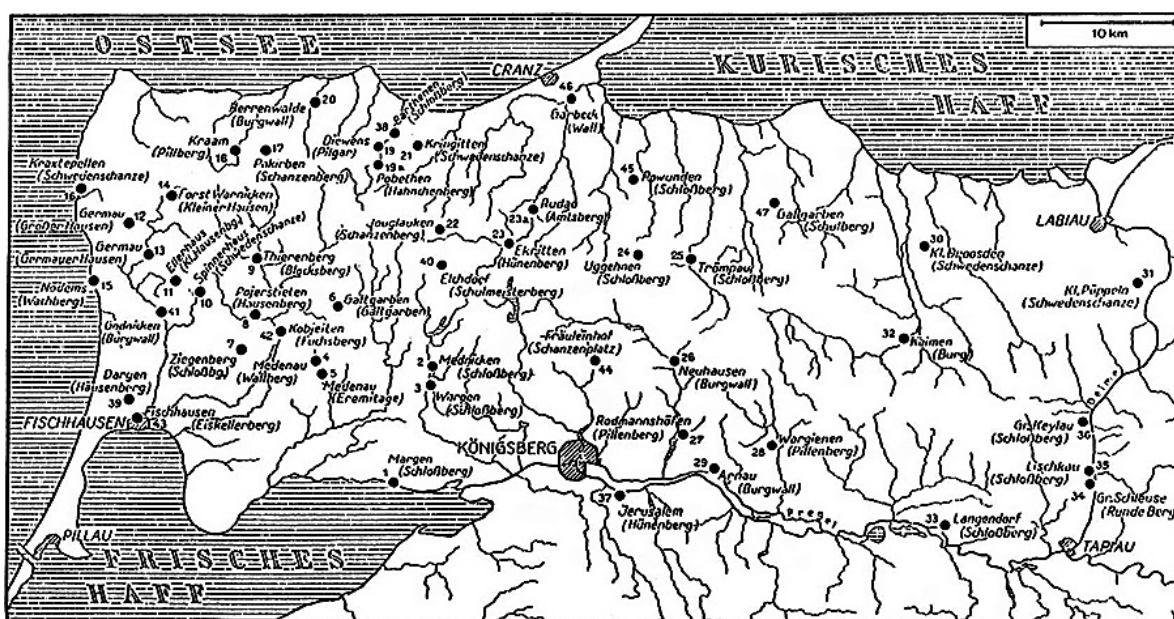

Рис. 1. Раннесредневековые прусские городища Самбии, обследованные Г. Кроме [9, S. 82].

Рисунок Г. Кроме, обработка В. Хорн.

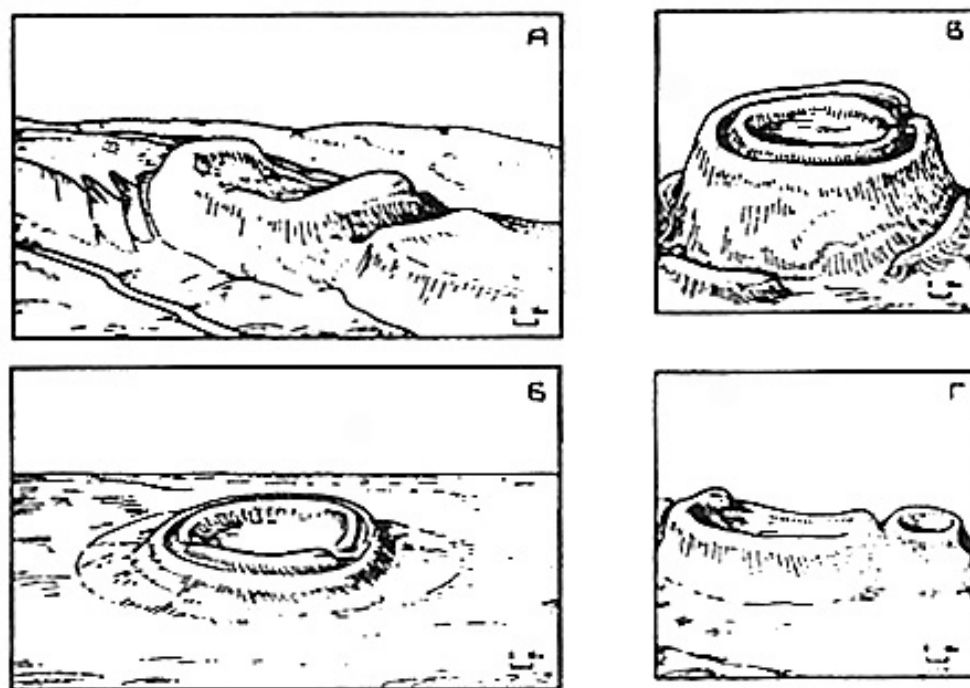

Рис. 2. Типы прусских городищ (Кулаков В.И., 1994, рис. 37).

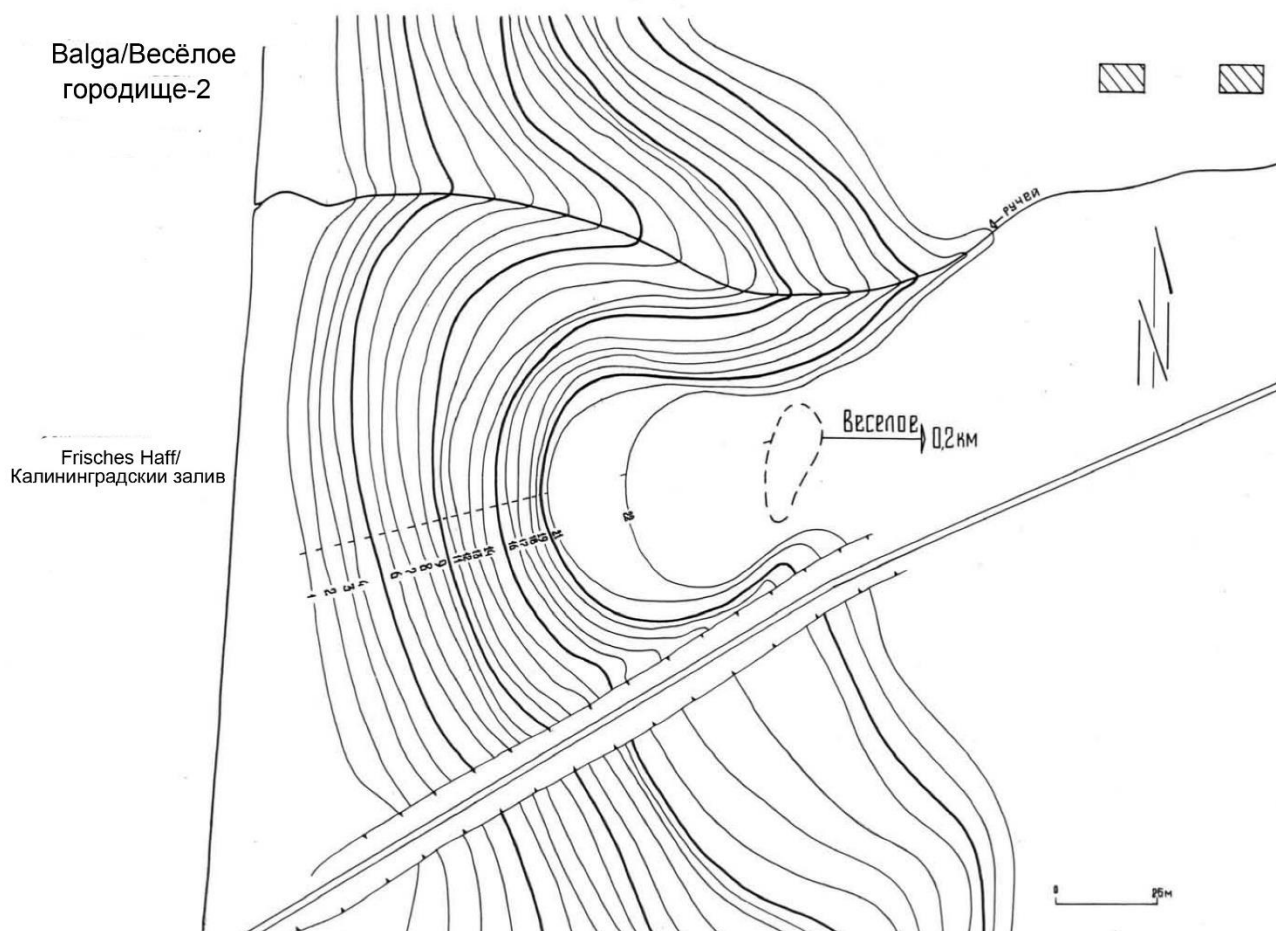

Рис. 3. Balga/Весёлое, городище-2 Balga/Весёлое [15, № 9919].

Germau/Русское
городище-2 Grosse Hausen

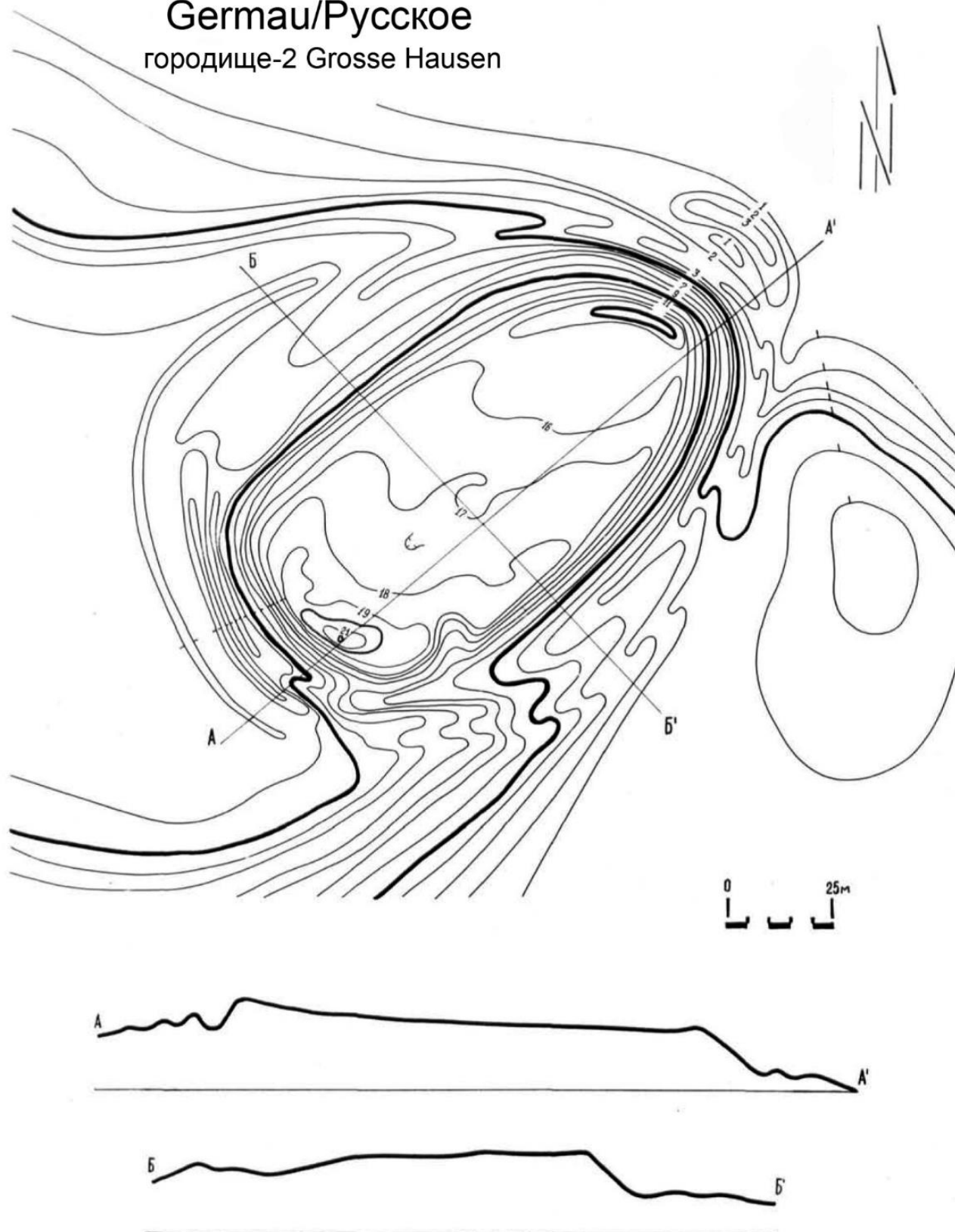

Рис. 4. Екриттен/Ветрово (Сиренево), городище Noqumpte [5, с. 46].

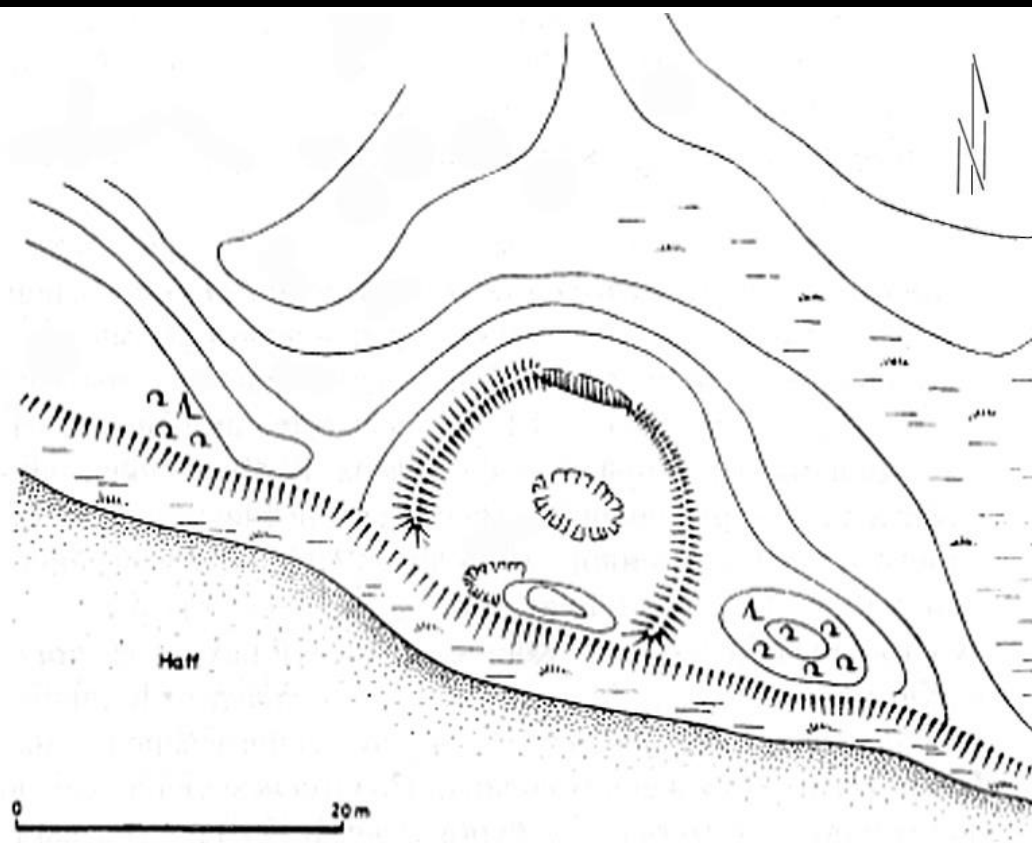

Рис. 5. Margen/Жуковское, городище Conovedit [3, с. 126].

Рис. 6. Вид святилища Romove (гравюра К. Харткнох, 1684 г.) [4, рис. 68].

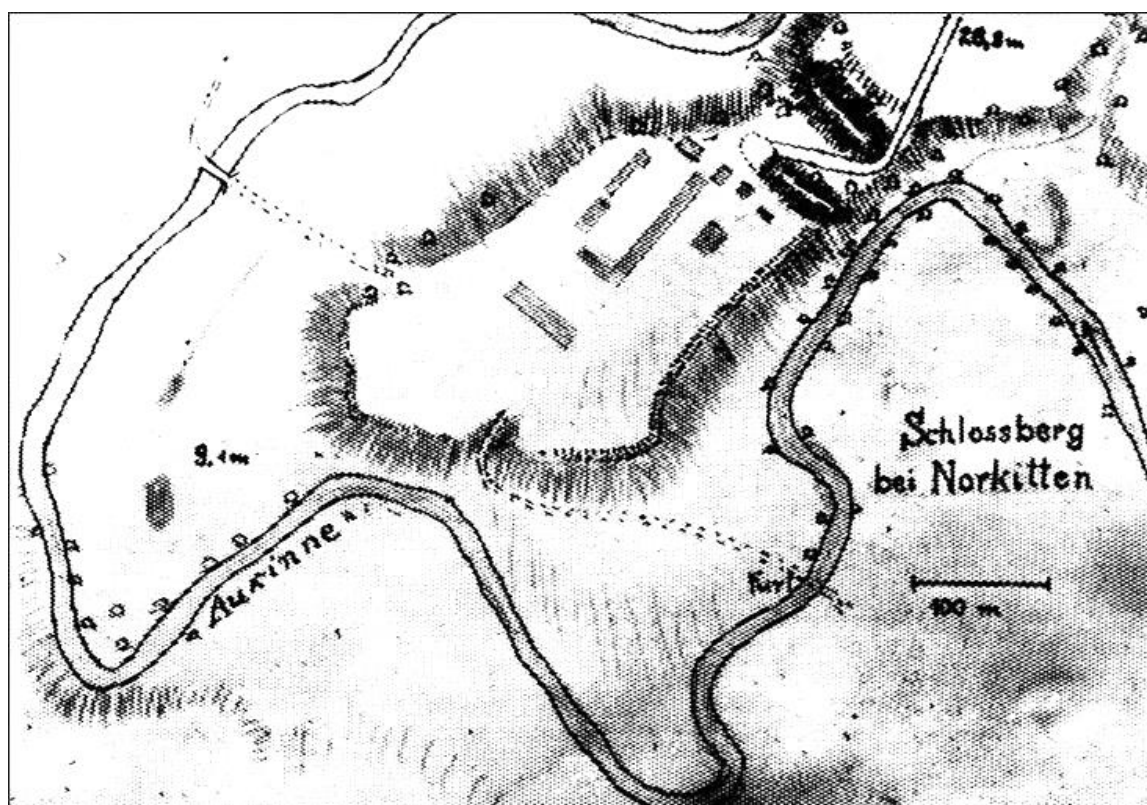

Рис. 7. План городища Schlossberg/Бочаги [10, S. 10].

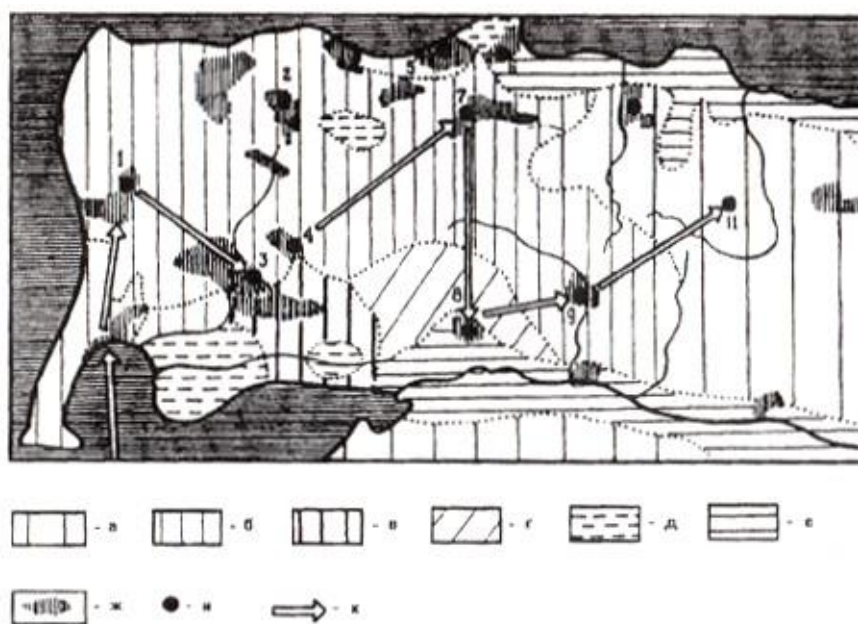

Рис. 8. Размещение на разных видах почв прусских волостей Самбии и передвижение войск крестоносцев в ходе 1-го и 2-го крестовых походов на Самбию [2, рис. 41]: а – дерново-подзолистые почвы; б – дерново-среднеподзолистые почвы; в – дерново-сильноподзолистые почвы; г – дерново-глеевые почвы; д – дерново-перегнойные почвы; е – аллювиально-болотистые почвы; ж – прусские волости, определённые по скоплениям памятников археологии эпохи раннего средневековья; и – центры прусских волостей; к – направления походов войск Ордена в 1252/53 и 1254/55 гг. Городища и селища: 1 – Germava; 2 – Pobetha; 3 – Medenava; 4 – Wargia; 5 – Wargenava; 6 – Bilden; 7 – Rudava; 8 – Quednava; 9 – Waldava; 10 – Zioka; 11 – Cayma.

Список сокращений

ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук

Л. – Ленинград

М. – Москва

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

PRUSSIAN CITIES IN THE HISTORY OF THE AMBER REGION

In the early Middle Ages, in the Amber Region, on the western edge of the Baltic world, the Prussians created four types of fortified settlements - ancient settlements, which had different purposes in accordance with the peculiarities of their fortification. Nevertheless, the variety of types of Prussian early medieval fortifications did not have a positive effect on the course of hostilities in the process of order aggression for the Prussians on the western edge of the Baltic land. Type A fortifications, judging by their location, were the centers of the Prussian volosts (polka) in the pre-Horden period, first of all they were hit by order troops. Thus, the Teutonic Order hoped, destroying the Prussian territorial-administrative system and conquering Samland. His plans, unfortunately, were realized.

Keywords: southeastern Baltic, fortifications, Teutonic Order

References

1. Gurevich F.D. From the history of the southeastern Baltic states in the 1st millennium A.D. (based on materials from the Kaliningrad region) // Antiquities of the northwestern regions of the RSFSR in the 1st millennium AD, MIA-76, M.-L.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1960. - P. 328-451.
2. Kulakov V.I. Prussians (V-XIII centuries), M.: "Geoeko", 1994 - 214 S.
3. Kulakov V.I. From East Prussia to the Kaliningrad Region, Kaliningrad: Business Contact, 2002 - 287 C.
4. Kulakov V.I. The history of Prussia until 1283, M.: "Indrik", 2003 - 364 C.
5. Kulakov V.I. Monuments of archeology // Catalog of objects of cultural heritage of the Kaliningrad region. T. IV. Monuments of archeology. Monuments of art. City of Kaliningrad, Kaliningrad Region, M.: ANO "Scientific and Information Publishing Center", 2005 - S. 9-98.
6. Pashuto V.T. The struggle of the Prussian people for independence (until the end of the 13th century) // History of the USSR, No. 6, M., 1958 - S. 54-81.
7. Peter from Dussburg. Chronicle of the land of Prussia, M.: Scientific and Publishing Center "Ladomir", 1997 - 383 S.
8. Crome H. Der "Hünenberg" bei Ekriten, die alte Preußenburg Nöggympte // Altpreußen. Jg. 1, H. 2, Königsberg, 1935 - S. 101-103.
9. Crome H. Führer zu den frühgeschichtlichen Burgwällen im Samlande // Prussia, Bd. 34, Königsberg, 1940 - S. 5-82.
10. Crome H., Grunert W. Verzeichnis vor- und frühgeschichtlicher Wehranlagen in westlichen Nadrauen // Zeitschrift der Altertumsgesellschaft Insterburg, H. 21, Insterburg: Altertumsgesellschaft, 1937 - S. 1-11.
11. Gaerte W. Burgwallforschung in Ostpreußen // Altpreußen, Jg. 1, H. 1, 1935 - S. 69-76.
12. Hoffmann M. Inwentaryzacja źródeł obronnych na ziemiach pruskich w pierwszej połowie XIX w. // Opusculum Archaeologica opera dedicate in professorem Thaddeum Malinowski, Zielona Góra: Uniwersytet Zielonogórski, 2007 - S. 149-169.
13. Tallgren A.M. Zur Archäologie Eestis, Bd. II, Von 500 bis zum etwa 1250. Dorpat/Tartu: Mattiesen C., 1925 - 204 S.
14. Wendt A. Die Burgwälle des Samlandes // The Reception of Medieval Europe in the Baltic Sea Region. Visby: Gotland University Press, 2009 - S. 143-167.

Archival materials

15. Archive of IA RAS, F.1, Kulakov VI, Report on the work of the Baltic expedition in 1983, No. 9919.

Об авторе

Кулаков Владимир Иванович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела археологии эпохи Великого переселения народов и эпохи раннего средневековья Института археологии РАН (Россия), e-mail: drkulakov@mail.ru

Kulakov Vladimir Ivanovich - Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher of the Department of Archeology of the Great Migration Period and the Early Middle Ages Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences (Russia), e-mail: drkulakov@mail.ru

УДК УДК 94(470) "1917"(470, 333)

Лазаренко Е.И., аспирант третьего курса, кафедры отечественной истории, Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского (Россия)

ПОЛОЖЕНИЕ ВОЕННОПЛЕННЫХ ЧЕТВЕРНОГО СОЮЗА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА ТЕРРИТОРИИ БРЯНСКОГО УЕЗДА

Статья посвящена вопросам, связанным с положением военнопленных периода Первой мировой войны на территории Брянского уезда Орловской губернии. Актуальность темы заключается в сравнении проводимой политики по отношению к военнопленным в период правления Николая II, Временного правительства и Советской России как по стране в целом, так и на региональном уровне. В статье особое внимание уделено функциям компетентных государственных органов и учреждений, проблемам соблюдения норм международного права, обеспечения одежды, продуктами питания и другими необходимыми жизненными условиями содержания военнопленных на территории Брянского уезда. На основе материалов Государственного архива Брянской области предпринята попытка определения реального положения иностранных военнопленных на местном уровне. Автор дает удовлетворительную оценку жизни военнопленных. Советская власть после прихода к власти продолжала проводить гуманную политику в отношении к военнопленным, начатую царским руководством и Временным правительством, хотя царское и Временное правительство уделяло внимание национальности военнопленного, а советское – классовой принадлежности, лояльному отношению к коммунизму. Смена власти особой роли не сыграла: тяжелые условия труда, и низкий уровень содержания. Но вместе с тем, в Брянском уезде Орловской губернии советская власть взяла на себя обязательства по выполнению социальных гарантий и помощи военнопленным.

Ключевые слова: Первая мировая война, военнопленные Четверного союза, правовое положение, Орловская губерния, Брянский уезд, социальная помощь.

DOI: 10.22281/2413-9912-2020-04-02-54-63

Первая мировая война сыграла ключевую роль в изменении международной обстановки, внеся огромные коррективы в судьбу как государств и целых народов, так и отдельных людей, жизнь которых претерпела зачастую необратимые изменения. Проблема военного плена обрела особую значимость после роста с обеих сторон полоненных воинов. Положение русских военнопленных в иностранных лагерях историками изучено довольно подробно на основании различных источников: опросы свидетелей, лагерных врачей, комендантов, дипломатов и т. д. Гораздо менее исследованными оказались условия жизни солдат и офицеров государств, воевавших против России.

Антисанитарные условия, эпидемии и высокий уровень смертности военнопленных в России периода Первой мировой войны в своей статье описывает Б.И. Ниманов [1]. Автор пришел к выводу о неготовности как России, так и противоборствующих держав к размещению у себя и обеспечению всем необходимым военнопленных. Реальность была такова: быстро обустраивались тесные, переполненные землянки с двухэтажными нарами, без постельных принадлежностей и одеял. Лагерь обслуживались самими военнопленными, которые работали пекарями,

кашеварами, разнорабочими, получая жалование от 20 до 40 рублей (май 1918 г.). При этом существовало строгое разделение военнопленных по национальностям: «Первая группа – славяне, вторая – немцы, венгры, турки, евреи. Славяне должны были содержаться в лучших условиях» [1, с. 55].

В диссертационном исследовании А.О. Цветкова осуществлен анализ документов, которые, по его мнению, защищали права военнопленных: Положение «О военнопленных» от 7 октября 1914 г., нормы Гаагской конвенции 1907 г., Положение «О законах и обычаях сухопутной войны». С приходом к власти большевиков и принятием Декрета «О мире», новым договором, затрагивавшим положение военнопленных, стал Брест-Литовский мирный договор [2].

В работе Ю.И. Смирнова определяются принципы подсчета иностранных военнопленных на территории России в годы Первой мировой войны, и приводится перечень государственных органов, которые проводили этот учет: Центральное справочное бюро, подразделения Главный штаб и штаб Московского военного округа, Центральный комитет по делам военнопленных Российского общества Красного Креста [3]. Были названы свыше 400 лагерей военнопленных,

причем немцев, австрийцев и венгров, как неблагонадежных, размещали за Уралом, пленных славян и румын – в европейской части России. Последние работали в сельском хозяйстве, строительстве и промышленности. Труд немцев, австрийцев и венгров стал использоваться с 1915 г. на строительстве Мурманской железной дороги, каналов на Дону, в шахтах Урала и Донбасса [3].

О различном отношении российских властей к военнопленным славянам и не славянам, о размещении их по национальному признаку пишет в своей книге М.В. Оськин [4]. Причем льготами пользовались именно военнопленные-славяне, тогда как не славян направляли в шахты, на строительство, дорожные работы. Автор отмечает многочисленные нарушения норм международного права по отношению к военнопленным как со стороны России, так и ее противников.

Привилегированное положение военнопленных-славян в царской России, обсуждение Николая II вместе с министрами в 1916 г. проекта об освобождении и переводе в разряд «трудообязанных» с привлечением к работам без права увольнения рассказано в монографии С.И. Базанова [5, с.72]. Однако данный проект специального совещания при Главном управлении Генерального штаба так и не утвердили.

После Февральской революции была продолжена самодержавная политика по отношению к военнопленным-славянам. Члены Временного правительства 30 июня 1917 г. подписали «Правила, устанавливающие особые льготы для военнопленных чехов, словаков, и поляков», которые предоставляли социально-экономические права военнопленным: создание касс взаимопомощи, библиотек, переписка и нахождение родственников, работа по своей специальности и т. д. [5, с.72]. Временное правительство проводило также практику царских властей по созданию национальных воинских частей из военнопленных-славян. В феврале 1916 г. был сформирован Чехословацкий стрелковый полк, а в январе 1917 г. в Белгороде – Польский запасный стрелковый полк. Автор монографии отмечает, что после Октябрьской революции политика в отношении военнопленных стала отличаться от царской и

Временного правительства. Для большевиков имела значение не национальность военнопленного, а положительное отношение к советской власти, пополнение рядов Красной Армии и их участие в Гражданской войне [5, с.73].

Неудовлетворительную оценку деятельности Военного министерства и МВД времен Николая II в отношении военнопленных, а также описание учета, размещения и условий содержания военнопленных в Западной Сибири дает в своей работе А.Н. Талапин [6]. Первые партии пленных в сентябре 1914 г. привели к настоящему квартирному кризису, в связи с чем началось поспешное строительство лагерей и больниц. Проблемы с отпуском военнопленных на работы к частным лицам были возложены на местные самоуправления, которым не хватало денег для нужд военнопленных, а кредиты из центра не покрывали расходы. В связи с этим возникли проблемы с питанием, обмундированием, отсутствием горячей воды и отопления, что привело к массовым эпидемиям. Автор также рассказывает о резком снижении дисциплины в лагерях военнопленных после Февральской революции.

В диссертации А.И. Гергилевой отмечается противоречивая политика Временного правительства в отношении к военнопленным: то свобода передвижения и соблюдение прав, то репрессивные меры со строгой экономией обмундирования и средств, что не лучшим образом отражалось на положении военнопленных. После заключения большевиками Брестского мирного договора улучшение положения и содержания касалось только тех военнопленных, которые разделяли идеи коммунизма и мировой революции. Автор отмечает, что между военнопленными специально разжигалась вражда по национальному признаку, в связи с чем многие из них участвовали на стороне белогвардейцев против советской власти. Использование дешевой рабочей силы военнопленных было продолжено советским правительством. Полученный опыт в дальнейшем был опробован при создании концентрационных лагерей с принудительным трудом [7].

В статье И.Б. Беловой отмечается практика получения военнопленными советского

гражданства на льготных условиях [8]. В октябре 1917 г. после прихода к власти большевиков военнопленных передали в ведение местных комиссариатов по национальным и гражданским делам, а в 1918 г. – в ведение Центропленбежа. Прошения на гражданство принимали губернские власти: милиция, губисполкомы, губернские и уездные пленбежи. Желавших поменять гражданство было немного, более того, военнопленные в различных губерниях совершали побег и стремились вернуться на родину своим ходом. В январе 1918 г. было образовано Всероссийское бюро пленных, целью которого стала агитация беспартийных иностранных военнопленных для вступления в иностранные группы РКП(б). Например, в Орле венгерские коммунисты создали партийную ячейку.

Таким образом, вопрос о правовом положении человека на войне по сей день сохраняет свою актуальность и требует новых исследований из-за многообразия факторов, связанных этой проблемой. В данной статье пойдет речь о положении иностранных военнопленных четверного союза, оказавшихся в Брянском уезде Орловской губернии. Автор поставил задачу выяснить отношение к ним, соблюдение норм международного права, условий содержания и работы, к которой их привлекали на российской территории.

В Государственном архиве Брянской области сохранились документы, подтверждающие оказание военнопленным государственной поддержки: именные списки военнопленных, находившихся в распоряжении уездного комитета по снабжению армии; удостоверения, проходные свидетельства, записные книжки, аттестаты, регистрационные карточки иностранных военнопленных с отметками о социальной помощи; договоры с условиями о приеме на работу военнопленных, расписки поставщиков о принятии на работу, циркуляры; отчёты о деятельности концентрационных лагерей Брянского уезда, материалы статистически-справочного, учетно-эвакуационного, административного отделов Центральной коллегии о пленных и беженцах.

Брянский уезд в период Первой мировой войны являлся важным железнодорожным центром обмена, транзита и переправки

на родину как российских, так и иностранных военнопленных. Через Брянск проходили эшелоны с бывшими военнопленными австрийских, германских, турецких и болгарских армий. Румыны и цыгане поступали из Конотопа по воинским билетам, согласно телеграмме № 227 от 19 марта 1920 г., австро-венгерских военнопленных отправляли через Конотоп–Киев, что подтверждает циркуляр от 2 июля 1919 г. № 122. Из телеграммы от 4 августа 1919 г., полученной в Брянске, следовало, что «3 августа в 14 часов отправлено из Конотопа 230 военнопленных из Франции» [9, д. 11, л. 98]. Местным властям предлагалось приготовить для военнопленных необходимое продовольствие. В телеграмме из Терещенской Брянскому питательному пункту поручалось «приготовить продукты санитарному поезду № 232 следующих 690 пленных Франции раненых» [9, д. 6, л. 187], а в другой от 19 марта 1919 г. просили «приготовить пищу 619 австропленным» [9, д. 6, л. 189].

Учетно-эвакуационный отдел Брянского пленбежа 17 июля 1919 г. делал запрос продовольственному пункту при станции Брянск I железной дороги о том, «были ли в этот день удовлетворены продуктами военнопленные вражеской армии в количестве 101 человека, проходящие через Брянск и было ли это оформлено в квитанциях. По документу военнопленных должны были накормить печеным хлебом и мукой по 26 золотников на человека» [9, д. 6, л. 181]. Таким образом, через Брянск не только переправляли военнопленных, но и оказывали здесь им социальную помощь.

Эвакуационный отдел Совета австро-венгерских рабочих и солдатских депутатов следил за выполнением обязательств и прав своих соотечественников в России. Им стало известно о прибытии в Конотоп 101 австро-турецкого военнопленного, которые получили по пути следования вместо хлеба паек муки (26 золотников на человека). Однако использовать эту муку они не смогли из-за отсутствия печей в поездах следования военнопленных. «От Брянска до Конотопа не было питательных пунктов, поэтому военнопленные следовали совершенно голодные» [9, д. 6, л. 184]. Эвакуационный отдел Австросо-

вета в жалобе Коллегии о пленных и беженцах Брянска от 21 июля 1919 г. № 170 «выразил недовольство и настаивал на том, чтобы подобные случаи не повторялись, ибо такое отношение Коллегии к взятым на себя обязанностям по защите и заботе о военнопленных – недопустимо и непозволительно» [9, д. 6, л. 184].

«Именной список военнопленных австрийской армии» за 25 августа 1916 г. содержит следующую информацию: «Имя и фамилия; возраст; звание, воинская часть, к какой принадлежал, или название корабля, на котором он служил; место жительства в отечестве; пункт водворения в империи, а равно пункты перемещения; вероисповедание и национальность; день и место взятия в плен; состояние здоровья (болен, или ранен) и где находится на излечении; отметка об убыли (освобожден на честное слово, обмен, побег, смерть); название учреждения, в ведение которого передан на работы, наименование и место производства работ; примечание» [10, д. 1, л. 8].

Согласно именным спискам, в Брянскую губернию поступали военнопленные австрийской, германской армии следующих национальностей: чехи, поляки, венгры. Так, например: «Франц Свобода, 21 год, рядовой 2 уланского полка, место жительства – Гумполец, Чехия, вероисповедание – римско-католическое, национальность – чех, взятие в плен – 3/7-16 у Луцка, здоров, место производства работ – 25 августа 1916 г. отправлен на работы в распоряжение Брянского комитета по снабжению армии по изготовлению подков станции Брянск М-К-В ж. дороги, кузнец» [10, д. 1, л. 9]. Там же: «Рихард Гылля, возраст 21 год, рядовой 21 зап. п. пол. авст. арм., Ополе-Шленская, римско-католическое, поляк, 25/8-16 Рига, здоров, кузнец» [10, д. 1, л. 18].

По последнему произведенному учету в Карачевском пленбеже на апрель 1920 г. бывших военнопленных из армий неприятеля в уезде числилось 11 человек [9, д. 30, л. 115]. Согласно регистрационной карточке, швейцарский подданный «от июня 1920 г. проживал в пределах Брянской губернии со своей женой и работал литейщиком» [9, д. 30, л. 119].

В списках военнопленных, находившихся на работах в Овстугской волости на хуторе Городец-Чернет, в селе Речица, в деревне Бетово с 1914 по 1919 г. числились рядовые военнопленные австрийской армии. Возраст взятых в плен колебался от 22 до 39 лет. Среди них были словаки, немцы, поляки, чехи, венгры. В документе указаны фамилии работодателей, принявших иностранных военнопленных на работу: «Сергей Солдатов, Петр Вайновский, Сергей Пересветов, Иван Лоренсо, Жуков, Губонин, Лосман, Герень Жема, Ян Турел» [9, д. 30, л. 106].

Военнопленным на территории Брянского уезда Орловской губернии выдавались документы, напоминающие временный паспорт – аттестаты. На одной стороне указывались фамилии военнопленных, а на другой – место их прибытия и сумма кормовых денег на определенное время. Так, например: «Аттестат по Указу его Императорского Величества, дан сей от Управления Ардатовского уездного Воинского Начальника военнопленному Онице Имре, отправленному в распоряжение Брянского комитета по изготовлению подков для армии в том, что он удовлетворен кормовым довольствием по 29 число сентября месяца 1916 г., а с того числа выдано кормовых денег на путевое довольствие на 5 суток, то есть по 4 число октября месяца 1916 г.» [10, д. 1, л. 32].

В проходном свидетельстве были указаны правила поведения военнопленного: со всеми быть вежливым и вести себя согласно воинскому званию. «Если военнопленного обидят обыватели, то он должен пожаловаться местному сельскому, волостному или полицейскому начальнику. В случае неоказания помощи – уездному воинскому начальнику. При следовании через деревни, сёла и города, где нет казарм и других воинских помещений, военнопленный должен предъявить проходное свидетельство местным сельским или городским начальникам для получения жилья для ночлега и пищи из выделенных ему кормовых денег. При следовании через пункты, в которых расположены воинские части, военнопленный может обращаться с просьбой о предоставлении отдыха в помещении части, а также пищу за счёт выданных ему кормовых денег, а в случае болезни – к местным властям о помещении в

больницу, или немедленном уведомлении о болезни ближайшего уездного воинского начальника. Военнопленный обязан был вести себя прилично, предъявляя свое проходное свидетельство. Замеченный военным начальством или полицией в дурном поведении, он задерживается и передается местному уездному воинскому начальнику, который отправляет его далее по назначению этапным порядком» [10, д. 1, л. 33].

За самовольную отлучку военнопленный подвергался дисциплинарному взысканию. «По прибытии к месту назначения военнопленный обязан явиться в ту войсковую часть или учреждение, в которое следовал, и предъявить проходное свидетельство» [10, д. 1, л. 33]. «Если он прибывает к месту назначения и явится ранее срока, то неизрасходованные кормовые деньги остаются в его пользу. Если он явился к месту назначения после срока в течение шести дней и если не представит законные причины просрочки, то подвергается дисциплинарному взысканию, как за самовольную отлучку. Неявившийся более шести дней считается бежавшим» [10, д. 1, л. 33]. В случае внезапной смерти военнопленного в пути местные власти сообщали уездному воинскому начальнику и передавали копию акта смерти умершего с его вещами, деньгами и документами [10, д. 1, л. 33].

Еще один очень важный документ, который выдавался не только бывшим русским, но и иностранным военнопленным – военный билет, или удостоверение военнопленного, которые выдавались, написанные от руки, с указанием фамилии, имени, места работы в Брянском уезде. Данный документ давал право на получение социальной помощи [11]. В одном из таких удостоверений отмечено: выдано «Андрсину Чоборт в том, что он действительно работал в совхозе Вышегородское с 11 августа 1919 г. по 16 апреля 1920 г. и уволился по собственному желанию...» [9, д. 30, л. 40].

На основании удостоверений военнопленным постановление от апреля 1920 г., разрешало «повсеместное проживание в пределах Российской Социалистической Федеративной Советской Республики в течение трех месяцев» [9, д. 30, л. 66]. Такое удостоверение было выдано венгру Янушу Игринг

и немцу Эмилю Нитц. Удостоверение военнопленного Эмиля Нитц оформлено на двух языках – немецком и русском и подтверждено немецкой печатью. Можно предположить, что к иностранным военнопленным на территории советского государства в 1920 г. относились гуманно: в Харькове немца лечили в лазарете, чтобы тот в дальнейшем благополучно добрался до дома, «с денежной помощью лазарета дальше в Германию и Австрию» [9, д. 30, л. 77].

При оформлении на работу на каждого военнопленного обязательно оформлялась карточка с правилами на обороте. Она выдавалась Центрэваком, Брянским губэваком на основании приказа. Военнопленным также выдавали удостоверение с порядковым номером и указанием его основных данных. Оно оформлялось от руки, с печатью в верхнем левом углу Брянского пленбежа, или выдавался бланк – Проходное свидетельство с порядковым номером и данным военнопленного из Центропленбежа. Внешне оно было похоже на проходное свидетельство русских военнопленных.

Согласно прошениям владельца предприятия А.В. Стрякина в Брянский уездный комитет от 15 июля 1916 г., труд военнопленных использовали на предприятиях в качестве кузнецов и молотобойцев [10, д. 1, л. 2]. Действительно, в документе с пометкой «срочно» в Брянский уездный комитет по снабжению армии было направлено сообщение от 15 августа 1916 г. о том, что «командировать двенадцать военнопленных Комитету по снабжению армии на станции Брянск. Об изложенном уведомляю Комитет вследствие представления от 15 июля сего г. за № 488 просят принять означенных пленных и установить надзор за ними» [10, д. 1, л. 3].

В Брянском архиве сохранились телеграммы о командировании в Брянскую губернию военнопленных с указанием их количества, места и времени их прибытия. Некоторые телеграммы содержат информацию о профессиях и роде занятий военнопленных: «Сегодня отправлены в распоряжение Комитета два пленных кузнеца. Сообщите приемщику Николаю Ивановичу Губину, чтобы принял их станцию Брянск Московского Киево-Воронежской дороги 27 августа 1916. Скрябин» [12, д. 1, л. 31а].

При оформлении на работу военнопленных брянские работодатели предоставляли расписки, в которых обещали соблюдать их права и обязанности. Это подтверждают многочисленные расписки поставщиков о принятии на работу военнопленных австро-венгерской армии в качестве кузнецов и рабочих по изготовлению снарядных ящиков. Сохранились расписки Брянскому уездному воинскому начальнику о предложении передать военнопленных начальнику милиции города Брянска.

В ряде случаев вместо расписки руководители предприятий заключали с военнопленными специальный «договор-условие», на которых Брянские работодатели брали к себе на работу иностранных военнопленных. Договор заключался с Брянской уездной земской управой. По нему военнопленных «брали для выполнения сельскохозяйственных работ на определенный срок, с обязательствами выплачивать военнопленному 8 рублей, из которых в кассу Управы вносилось за три месяца вперед 4 рубля, а оставшиеся 4 рубля – на руки каждому военнопленному. При этом военнопленному выдавалась рабочая книжка» [10, д. 1, л. 49]. Кроме этого работодатель, согласно договору, обещал «снабжать каждого военнопленного необходимой верхней одеждой, обувью, бельём по мере надобности и изнашивания одежды, в которой военнопленные поступят на работу. Работодатель брал обязательство обеспечить починку одежды, обуви и белья. Каждый военнопленный должен иметь не менее двух перемен нижнего белья, с брюками, верхней рубашкой, сапогами и башмаками, портянками; вообще люди должны быть одеты и не страдать вследствие отсутствия одежды от дождя и холода» [10, д. 1, л. 49].

Работодатели также брали на себя следующие обязательства: «Принимать военнопленных от Земской управы в г. Брянске и до места работы доставить за свой счёт, для охраны взятых военнопленных иметь сторожа; кормить, обеспечивать пленных продовольствием, медицинской помощью при заболеваниях, возвратить военнопленных по первому требованию Земской управы, доставив за свой счёт. Работодатель должен подчиняться всем распоряжениям и постановлениям

правительственных учреждений по отношению содержания и отпуска военнопленных. В случае «нерадивости» отдельных военнопленных или непригодности для работы работодатель имеет право вернуть военнопленного Земской управе, предупредив её за две недели вперёд» [10, д. 1, л. 49].

Военнопленным предоставлялись и другие социальные гарантии: Брянский пенбеж заключил договор 8 мая 1919 г. с Общегородской больничной кассой о лечении больных военнопленных и поступлении их на работу. Так, работодатели были обязаны: заявлять Правлению больничной кассы в течение 3-х дней о каждом лице, поступившем к ним на работу. За не предоставление в срок этих сведений грозил штраф в пользу Больничной кассы в размере от 100 до 1000 рублей за каждый случай [9, д. 27, л. 14].

Из списков бывших военнопленных можно узнать об их месте работы: поляк Ковальский Никодим 34 года от роду воевал в немецкой армии 11 пехотного полка младшим унтер-офицером и определен на работу к Сидору Сидоровичу Кавачеву; Балдытар Юрка – румын, рядовой австрийской армии, взят в плен под Люблином 4 мая 1915 г., определен на работу к Ивану Петровичу Козлову.

В «Записной книжке» военнопленного венгра Януша Игринг, выданной 21 ноября 1919 г. и предназначенной для официального оформления военнопленного, указаны личный номер, номер воинской части, звание, место жительства, вероисповедание, национальность, день и место взятия в плен, возможные ранения, наличие рабочей профессии. Записная книжка иностранного военнопленного напоминает Трудовую книжку, но в ней помимо даты, места работы указывалось еще и жалованье рабочего.

В Брянске существовал концентрационный лагерь при отделе Управления губисполкома, куда препровождались иностранные военнопленные для привлечения к работам общегосударственного значения. Так было с австро-военнопленными Франсуа Маруария и Степаном Липтаком» [9, д. 30, л. 10]. В документе от 5 мая 1920 г. говорится, что в концентрационном лагере Брянска содержатся военнопленные империалистической войны – «мадьяры-венгерцы» [9, д. 30, л. 53].

Согласно архивным материалам, в

Брянске для военнопленных работал отдел принудительных работ. Были случаи побегов иностранных военнопленных во время работы из концентрационного лагеря: Брянский губэвэк 2-го июня 1920 г. сообщал о побеге германо-пленного Русфельда Ингери [9, д. 30, л. 121]. В Брянский пленбеж поступали сведения из различных мест Брянска о самовольных отлучках иностранных военнопленных с места работы. Один из подобных фактов описан в объяснительной записке: Брянский райсовхоз сообщал Брянскому пленбежу, что «1 июля 1920 г. из Совхоза "Гостиловка" ушел и до сих пор не возвращается на работы военнопленный австриец Варго Имуг» [9, д. 30, л. 135]. Беглецов разыскивали и возвращали назад.

Сохранились сведения также о том, что военнопленные просили освободить их из концентрационного лагеря и зачислить в Красную Армию, объясняя это желанием «вместе с нашим родным пролетариатом принести пользу советской власти» [9, д. 30, л. 148]. По собственному ли желанию они записывались добровольцами в Красную Армию, или нет? Об этом можно судить на основании другого архивного документа. Циркуляр от 25 сентября 1919 г. содержит пересказ приказа Центропленбежа за № 4294/4680: «Предписывается пленбежам из всех австро-пленных, не желающих вступить в ряды Красной Армии, образовывать рабочие команды для обязательного привлечения к полевым работам через местные продкомы» [9, д. 30, л. 149].

Концентрационные лагеря, расположенные на территории Брянского уезда имели свои банковские счета. В документе «Ремарка за август 1920 г.» идет речь «о зачислении на текущий счёт концентрационного лагеря № 416325 суммы 2168 руб. 40 коп. за пользование рабочими» [9, д. 14, л. 119].

В сохранившейся карточке № 621 можно узнать следующее: «Военнопленный, гражданский пленный – Гернер Цолик Лейбович, еврей, рядовой, проживающий в Бухаресте Румынии, попавший в плен в России в ноябре 1914 г. в Карпатах» [9, д. 14, л. 119]. Далее отмечено, что ему выдано обмундирование – одна пара брюк и одна гимнастерка, а на оборотной стороне карточки указано о

выдаче иностранному военнопленному на проезд и пособие.

По имеющимся данным, военнопленным помимо материальной оказывали помощь в трудоустройстве, в лечении в лазаретах, в случае надобности находили возможности проводить серьезные операции. В документе № 123 Брянский губсобез сообщал, что на заседании врачебно-контрольной комиссии 4 июня 1920 г. было принято решение отправить иностранных военнопленных Грейлингера и Силагиса на специальное лечение в Москву: «первого, как нуждающегося в оперативном лечении глаза, второго, как страдающего нервным состоянием здоровья в нервной больнице» [9, д. 30, л. 123]. Этот факт также свидетельствует о гуманном отношении к бывшим иностранным военнопленным.

Военнопленные проживали и работали также в Дятьковской волости Брянского уезда. Например, поляк женился на русской девушке и не спешил ехать назад на родину. В графе документа «Почему не желает возвращаться на родину» иностранец указал: «неясное положение с переездом на родину», то есть возвращаться домой он не захотел, числился сапожником в мастерской [9, д. 30, л. 114]. Так, например, в архивной «Книге записей браков» за 1920 г. Отдела записей актов гражданского состояния Курского городского исполнительного комитета «русская девица Дарья Косырева выходила замуж за австрийца» [9, д. 30, л. 149]. Были и другие случаи, когда иностранные военнопленные, попавшие на территорию Брянского уезда, не хотели возвращаться на родину.

Для сохранения имущества военнопленных, оставшегося на российской территории по ряду причин, Центральная коллегия о пленных и беженцах 11 февраля 1919 г. подготовила Приказ № 225, по которому местные коллегии, в том числе и Брянская, должны были все ценные вещи, имущество, валюту отправлять в распоряжение Центропленбежа и уведомлять административный отдел и губернские коллегии.

Иностранных военнопленных разыскивали родственники через иностранное посольство, или Красный Крест. В Центрэваку работал специальный статистическо-справочный отдел, который помогал находить

сведения о местонахождении и состоянии здоровья попавших в плен в России. Об одном из них, немце Вильгельме Золя, поступил запрос от Германского Красного Креста из Берлина. Как потом стало известно, в январе 1918 г. он находился на станции Клетня.

Статистически-справочный отдел Центрэвака также вел учет иностранных пленных. В случае смерти военнопленного оформлялся приказ и запись в книге актов гражданского состояния. Об умершем иностранце собирали дополнительную информацию, необходимую для надлежащего оповещения родственников умершего: воинский чин, воинская часть, к которой он принадлежал, вероисповедание, место рождения, адрес родственников и место похорон, предусматривалась возможность их приезда на могилу. Об этом можно узнать из документов справочно-статистического отдела – «Отдел по учету иностранных военнопленных от 30 сентября 1920 г. № 790» [9, д. 30, л. 207]. В приказе Народного комиссариата по военным делам коллегии по делам пленных и беженцев Карачевского уезда от 15 октября 1918 г. № 738/180 информируется: «Согласно приказу Центральной Коллегии пленбежа за № 121, Карачевская коллегия просит в спешном порядке установить места погребения умерших в плену германо-австрийских воинов, определить, по возможности, время их погребения и принять меры к предохранению могил от разрушения» [13, д. 4, л. 261].

Брянский пленбеж организовывал отправку военнопленных на родину. В удостоверении № 17 идет речь о том, что австрийскому пленному Савве Лазаревичу Новакову «не чинили никаких препятствий при следовании им на родину, тем более, что он ещё до сих пор не совсем оправился после тифа» [9, д. 30, л. 17]. Брянский губэвак в апреле 1920 г. находился на улице Фокинской, «дом бывшего Могилевцева против казначейства» [9, д. 30, л. 95], где оформляли регистрацию для

выезда на родину военнопленным. Так, в телеграмме от 13 апреля 1920 г. решался вопрос об эвакуации на родину Лазаря Вахалло, а на Жуковском складе губсовхоза в качестве сторожа служил военнопленный Иван Бухнер и Брянский пленбеж в апреле 1920 г. также решал вопрос о возвращении его на родину.

Административный отдел Центральной коллегии о пленных и беженцах следил за расходами на военнопленных и требовал отчета у местных подведомственных государственных учреждений «по продовольствию, снабжению вещами и иными видами довольствия, по оборудованию и постройке жилых помещений и лагерей, по окарауливанию и перевозке» [9, д. 6, л. 424]. Он же вел необходимый подсчет ежемесячного количества военнопленных на работах, их «пленодней», полученных за работу денежных сумм. [9, д. 6, л. 424].

Рассмотрев условия содержания военнопленных Первой мировой войны на региональном уровне, можно сделать вывод об особенностях отношения к ним со стороны государства. На протяжении войны сложилась особая система учета и трудоустройства военнослужащих, воевавших против стран Антанты и оказавшихся в плену в России. В Российской империи, в период деятельности Временного правительства и в Советской России отношение к военнопленным выстраивалось на основе международных нормативно-правовых актов. Документы Государственного архива Брянской области подтверждают оказание социальной помощи и государственной поддержки военнопленным со стороны советских учреждений на территории Брянского уезда Орловской губернии с предоставлением гражданских и трудовых гарантий. Однако в условиях Гражданской войны и вызванной ей разрухи положение военнопленных заметно изменилось в худшую сторону.

Список литературы

1. Ниманов Б.И. Содержание иностранных военнопленных на территории России в годы Первой мировой войны // Вестник РУДН. 2009. № 2. С. 53-60.
2. Цветков А.О. Правовой статус военнопленных на территории России в период первой мировой войны (1914 – 1918 гг.). Омск, 2016. 202 с.
3. Смирнов Ю.И., Скрипников М.И. Военнопленные на территории России в годы первой мировой войны // Вестник МИЭП. 2016. № 1 (22). С. 135-139.

4. Оськин М.В. Неизвестные трагедии первой мировой. Пленные. Дезертиры. Беженцы. М.: Вече, 2011. 432 с.
5. Базанов С.Н. Первая Мировая от «войны до победного конца» к «миру любой ценой». М.: Академический проект, 2017. 219 с.
6. Талапин А.Н. Военнопленные Первой мировой войны на территории Западной Сибири (июль 1914 – май 1918 гг.): дисс. ... канд. ист. наук. Омск, 2005.
7. Гергилева А.И. Военнопленные Первой мировой войны на территории Сибири: дисс. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2006.
8. Белова И.Б. Военнопленные Центральных держав и советская действительность // Военно-исторический журнал. 2014. № 1. С. 63-68
9. Государственный архив Брянской области (ГАБО). Ф. 490. Оп. 1.
10. ГАБО. Ф. 458. Оп. 1.
11. Лазаренко Е.И. Удостоверение бывшего русского военнопленного как отражение направлений государственной социальной поддержки военнослужащих в годы Первой мировой войны // История. Общество. Политика. 2019. № 3 (11). С. 46-52.
12. ГАБО. Ф. 458. Оп. 14.
13. ГАБО. Ф. 2016. Оп. 1.

POSITION OF ENEMY PRISONERS OF WAR ON THE TERRITORY OF THE BRYANSK DISTRICT

The article is devoted to issues related to the situation of prisoners of war during the First world war on the territory of the Bryansk district of the Oryol province. The relevance of the topic is to compare the current policy towards prisoners of war during the reign of Nicholas II, the Provisional government and Soviet Russia, both in the country as a whole and at the regional level. The article pays special attention to the functions of the competent state bodies and institutions, the problems of compliance with international law, providing clothing, food and other necessary living conditions for prisoners of war in the territory of the Bryansk district. Based on the materials Of the state archive of the Bryansk region, an attempt was made to determine the real situation of foreign prisoners of war at the local level. The author gives a satisfactory assessment of the life of prisoners of war. The Soviet government after coming to power, continued to pursue humane policy toward prisoners of war started the king's leadership and the Interim government, although the king and the Provisional government paid attention to the nationality of the prisoner of war, and the Soviet – class, loyal to communism. The change of government did not play a special role: difficult working conditions, and a low level of maintenance. But at the same time, in the Bryansk district of the Oryol province, the Soviet government assumed obligations to fulfill social guarantees and help prisoners of war.

References

1. Nimanov B. I. Content of foreign prisoners of war on the territory of Russia during the first world war // Vestnik RUDN. 2009. # 2. Pp. 53-60.
2. Tsvetkov A. O. Legal status of prisoners of war on the territory of Russia during the first world war (1914-1918). Omsk, 2016. - 202 p.
3. Smirnov Yu. I., Skripnikov M. I. prisoners of War on the territory of Russia during the first world war // Vestnik MIEP. 2016. No. 1 (22). Pp. 135-139.
4. Oskin M. V. Unknown tragedies of the first world war. Prisoner. Deserters. Refugees. Moscow: Vechе, 2011. 432 PP.
5. Bazanov S. N. the First World war from "war to the victorious end" to "peace at any price". Moscow: Academic project, 2017. 219 PP.
6. Talapin A. N. Prisoners of war of the First world war on the territory of Western Siberia (July 1914-may 1918): Diss. ... Cand. east. sciences'. Omsk, 2005.
7. Gergileva A. I. prisoners of War of the First world war on the territory of Siberia: Diss. ... Cand. east. sciences'. Krasnoyarsk, 2006.
8. Belova I. B. Prisoners of war of the Central powers and Soviet reality // Military-historical journal. 2014. # 1. Pp. 63-68
9. State archive of the Bryansk region (GABO). F. 490. Op. 1.
10. GABO. F. 458. Op. 1.

11. Lazarenko E. I. Certificate of a former Russian prisoner of war as a reflection of the directions of state social support for military personnel during the First world war // History. Society. Politics. 2019. No. 3 (11). Pp. 46-52.
12. GABO. F. 458. Op. 14.
13. GABO. F. 2016. Op. 1.

Об авторе

Лазаренко Елена Ивановна – аспирант третьего курса кафедры отечественной истории Брянского государственного университета имени И. Г. Петровского (Россия), E-mail: lena.lazarenko.79@mail.re

Lazarenko Elena Ivanovna – graduate student of the third year of the Department of national history of the Bryansk state University named after I. G. Petrovsky (Russia), E-mail: lena.lazarenko.79@mail.re

УДК 947 (470.342)

Малашенко И.В., кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, истории и политологии, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

КРЕСТЬЯНСКИЕ КОМИТЕТЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ВЗАИМОПОМОЩИ БРЯНСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ НЭПА

Основная цель статьи проанализировать развитие деятельности крестьянских комитетов общественной взаимопомощи в Брянской губернии как одной из форм социального обеспечения советской деревни в первые годы новой экономической политики. Методологической основой являются важнейшие принципы исторической науки: социальный и системный подходы, объективность в изложении фактического материала. На основе архивных источников, публикации нормативных документов, материалах центральной и местной прессы, отчетов органов власти в статье уделяется внимание процессу создания кресткомов в Брянской губернии, раскрываются основные функции данной организации, источники получения доходов, взаимодействие с организациями. В заключении делается вывод о том, что крестьянские комитеты общественной взаимопомощи оказали большое воздействие на восстановление деревни и стали одной из массовых общественных организаций в первые годы новой экономической политики в Брянской губернии. Кресткомы, стоявшие между сельсоветами и общиной, могли также превратиться в действенные общественные институты самоуправления в деревне, стать зачатком гражданского общества.

Ключевые слова: новая экономическая политика, крестьянские комитеты общественной взаимопомощи, советское государство, Брянская губерния, крестьянство.

DOI: 10.22281/2413-9912-2020-04-02-64-74

Крестьянские комитеты общественной взаимопомощи возникли в сложный период, когда вся экономика страны после Гражданской войны находилась в разлухе. В.И. Ленин на X партийном съезде констатировал, что «сплошь и рядом приходится прибегать к целому ряду мер взаимопомощи, чтобы при поразительном недостатке инвентаря уменьшить недосев, чтобы его устранить» [40, С. 40]. Отсутствие средств на восстановление крестьянских хозяйств подтолкнуло советское правительство к идее создания новой общественной организации, которая могла снять социальную напряженность в деревне и разгрузить госбюджет от второстепенных расходных статей. Кроме того, согласно нормам крестьянской этики, в сознании многих сохранялась идея о безвозмездной помощи общины её отдельному члену.

Данная проблема привлекает внимание ряда отечественных историков и занимает особое место в историографии новой экономической политики.

Основная цель статьи проанализировать развитие деятельности крестьянских комитетов общественной взаимопомощи в Брянской губернии как одного из институтов самоуправления советского государства в первые годы новой экономической политики.

Методологической основой являются важнейшие принципы исторической науки как социальный и системный подходы,

объективность в изложении фактического материала. Для достижения цели использовались как общенаучные (анализ, синтез), так и специальные исторические (хронологический, типологический) методы. В работе учитываются и современные исторические научные концепции. Анализируя архивные источники, материалы газет и журналов, публикации нормативных документов, протоколы съездов, отчеты и переписку органов власти, восстановлена картина деятельности кресткомов в Брянской губернии.

Проблема социального обеспечения населения занимает важное место в функционировании любого современного общества. В отечественной истории 20-х гг. XX в. существовал опыт решения подобных вопросов. В частности, в российской деревне действовала такая форма социального обеспечения как крестьянские комитеты общественной взаимопомощи (ККОВ), которые стали одной из массовых общественных организаций нэпа. К середине 20-х годов XX в. на 275.679 селений 45 губерний и областей РСФСР (без автономий) приходилось 41.832 кресткомов (это было на 12% больше числа сельсоветов). Впечатляют и суммарные масштабы деятельности организационно оформленной взаимопомощи, валовой доход которой приближался к 40 млн. руб. [49, С. 34].

Одним из инициаторов создания крестьянских комитетов взаимопомощи стал

член коллегии народного комиссариата труда и председатель Воронежского губернского продовольственного совещания, с 1921 г. заместитель наркома социального обеспечения Николай Александрович Милютин. В марте 1921 г., беседуя с В.И. Лениным, он высказал сомнение о правильности политики продразверстки и привел положительный пример из практики взаимопомощи на сходах крестьян Мценского уезда Орловской губернии. Позже Милютин вспоминал: «Скоро В.И. Ленин телеграммой вызвал меня в Москву... Сейчас же садитесь и напишите коротенькие тезисы о ваших комитетах. Возьмите несколько человек из Московского совета профсоюзов. Пусть они соберут сходы... Важно мнение крестьян... разужайте хорошенько, что скажут мужики... Через неделю я принес постановления нескольких сходов Подмоскovie о создании кресткомов» [44, С. 40].

В статье «Организация социальной взаимопомощи в деревне» Н. Милютин отмечал, что «деятельность комитетов должна охватить все слои крестьянского населения... взаимопомощь экономически выгодна даже кулаку, который... поделится «от избытков», нежели будет рисковать» [45, С. 17]. Идея соседской помощи односельчанам, оказавшихся в трудном положении, всегда занимала важное место в жизни деревни и была одной из обязательных по крестьянским этическим нормам. В основу деятельности новой организации были также положены принципы общинной взаимопомощи: самообложение на общественные нужды, общественная запашка, «помочи» и «супруги».

14 мая 1921 г. был опубликован декрет «Об улучшении постановки дела социального обеспечения рабочих, крестьян и семейств красноармейцев», согласно которому создавались кресткомы (ККОВы) [51, С. 40].

24 мая 1921 г. в адрес Брянского Губисполкома и Губсобеса поступила телеграмма из Кремля, в которой заверялось, что «государство отнюдь не будет сокращать оказываемой помощи беднейшему крестьянству и семьям красноармейцев, но наоборот будет всеми силами углублять и расширять её». В основные функции кресткомов входили:

- «1) организация взаимопомощи при всяких стихийных и социальных бедствиях;
- 2) забота об обеспечении сирот, вдов,

больных, инвалидов, семейств красноармейцев и проч.;

3) оказание хозяйственной и правовой помощи;

4) содействие государственным органам в устройстве учреждений социального обеспечения» [2, Л. 2].

Сельские кресткомы до 10 человек избирались на общих собраниях (сходах) граждан села, имеющих избирательные права, по созыву представителей уездного отдела социального обеспечения, либо сельского совета. Сельский крестком в свою очередь направлял одного делегата на волостной съезд, где избирался волостной крестком до 25 человек. Такая же процедура выборов предусматривалась для уездных и губернского кресткомов. Комитеты избирались на полгода и переизбирались по истечении срока, либо при обнаружении злоупотреблений и бездеятельности ревизионной комиссией.

Каждый крестком в организационном плане состоял из: пленума, президиума и ревизионной комиссии. Пленум (общее собрание) собирался один раз в две недели и обсуждал важные вопросы, выносил постановления о созыве собраний, заслушивал отчет президиума и переизбирал его, устанавливал план работы. Президиум состоял из 3-5 человек и выбирался на первом заседании пленума, выполнял постановления, распоряжался фондами, нес ответственность за дело-производство. Ревизионная комиссия (3 человека) проверяла деятельность кресткома и осуществляла финансовую отчетность.

Кампания по организации кресткомов и их деятельность, требовала государственного финансирования. Основными источниками доходов данной организации стали: «самообложение, процентные отчисления от продовольственного налога, доходы от общественных заповей, конфискованное и бесхозное имущество, аренда предприятий, добровольные пожертвования отдельных граждан, штрафы и др.» [37].

С мест в Наркомат социального обеспечения, который курировал процесс образования кресткомов, стали поступать сметы на содержание штатов и канцелярские расходы. Делегаты нескольких волостей на I Бежицком уездном съезде кресткомов,

состоявшегося 14 декабря 1921 г., заявили, что «если не будут получать жалования, то бросят работать» [3, Л. 122].

В Брянской губернии процесс создания комитетов общественной взаимопомощи затянулся. 25 июня 1921 г. на заседании III губернского съезда работников собеса Брянской губернии было принято решение немедленно приступить к организации кресткомов на основании имеющихся инструкций из центра и установить срок производства две недели». 15 июля 1921 г. на IV съезде работников собеса прозвучали сообщения следующего типа: «В Бежицком уезде только выделили представителей, в Севском – работы отложены, в Жиздринском ведется пропаганда, благополучно ситуация только сложилась в Трубчевском и Карачевском уездах» [4, Л. 24].

Осознавали важность функционирования кресткомов в деревне и местные органы власти. В протоколе Бежицкого уездного съезда председателей волисполкомов от 31 июля 1921 г. отмечается, что «в государстве нет таких ресурсов, которые требуются для крестьянских нужд, для этих целей служит взаимопомощь – страховые фонды» [5, Л. 22].

Несмотря на возникшие организационные трудности, процесс образования кресткомов в 1922 г. приобрел массовый характер. В начале 1922 г. по РСФСР действовали 4.282 волостных и 41.923 сельских кресткома [38]. В Брянской губернии они были организованы в 1194 селениях из 1901 и в 72 волостях из 76 [6, Л. 78].

Первоочередной социальной задачей кресткомов стала забота о семьях красноармейцев, инвалидах Гражданской войны, вдовах и сиротах. Государство приняло решение возложить по линии собеса оказание помощи семьям красноармейцев на комитеты взаимопомощи. Согласно инструкции ВЦИК от 30 июля 1921 г. «О порядке ликвидации комитетов красноармейской сельскохозяйственной помощи (комкрасхозов) и передаче их функций органам Наркомсобеса» всё делопроизводство и средства были переданы кресткомам [36].

В Брянской губернии в 1922 г. были организованы проверка и учет семей красноармейцев и инвалидов. На V губернском съезде

советов 13 декабря 1922 г. отмечалось, что «в Брянской губернии зарегистрировано 16.740 семей красноармейцев и инвалидов [7, Л. 405]. В 1922 г. на льготных условиях было выдано строительного материала 2.500 нуждающимся хозяйствам и распределено 310 лошадей за счет демобилизованных из армии.

В результате войн народное хозяйство страны потеряло огромное количество рабочей силы: одна часть населения погибла, другая искалечена: с 1914 г. по 1920 г. 4,4 млн. мужчин и женщин в возрасте от 16 до 49 лет стали инвалидами [50, С. 133]. Перед государством стала нелегкая проблема вернуть этих людей к нормальной жизни.

С переходом к новой экономической политике ЦК КОВ запланировал: провести учёт всех инвалидов, обеспечить их лечение и протезирование, обучить или переобучить, снабдить инструментами на ссудных началах и трудоустроить [40].

В реализации данных задач были задействованы не только кресткомы, но такие организации как: Народные комиссариаты здравоохранения, труда и социального обеспечения.

Первоначально по направлению общего лечебного учреждения инвалидов попадал во врачебно-контрольную комиссию (в 1925 г. в губернии насчитывалось 21 учреждение), которая в течение двух месяцев выясняла, сможет ли человек поправить здоровье. В случае отрицательного результата после переосвидетельствования комиссия направляла человека в бюро экспертизы для дальнейшего исследования, либо в органы социального обеспечения. Следующая ступень – это бюро экспертизы, которое состояло из экспертной комиссии в составе трёх врачей (терапевта, хирурга, невропатолога), одного инженера и представителя профсоюза. Если в Брянской губернии в 1922 г. работало одно бюро в городе Брянске, то в 1925 г. уже три [8, Л. 2].

Ежедневно осматривалось 12-15 человек. Бюро занималось определением:

- 1) наличия и степени инвалидности;
- 2) работы, на которые способен инвалид;
- 3) возможности и восстановление путем долечивания и протезирования.

Иногда экспертизы с разрешения бюро проводили врачебно-контрольные комиссии.

По результатам наблюдения выдавалось окончательное заключение, на основании которого рабочая комиссия смогла бы причислить инвалида к той или иной группе. Рабочие комиссии, находившиеся при губернском и уездных отделах здравоохранения проводили огромную работу. Они распределяли группы и направляли инвалидов для трудоустройства в органы Наркомтруда, при необходимости переобучения или лечения, в органы собесов или здравоохранения, а при полной недееспособности в органы собесов. Кроме того, комиссия устанавливала очередь на получение протеза, разъясняла права и обязанности инвалида, рассматривала жалобы. В итоге, инвалид получал удостоверение с указанием группы и очереди на протезирование. Согласно постановлению СНК от 8 декабря 1921 г. «О социальном обеспечении» устанавливались шесть групп инвалидности:

- 1) инвалиды, не способные к труду и нуждающиеся в посторонней помощи,
- 2) инвалиды, не способные к труду, но не нуждающиеся в помощи,
- 3) инвалиды не способные к регулярной работе,
- 4) лица, вынужденные перейти к другой профессии с более низкой квалификацией,
- 5) лица, вынужденные отказаться от своей обычной профессии и перейти к другой профессии такой же квалификации,
- 6) лица, продолжающие прежнюю деятельность, но с пониженной производительностью [9, Л. 16].

Важную роль в сохранении или в восстановлении трудоспособности инвалидов играли протезные мастерские и механо-физио-ортопедические отделения хирургических больниц. Согласно Постановлению Совета труда и обороны от 8 июля 1921 г для улучшения снабжения инвалидов войны и труда действующие протезные мастерские были переведены на положение предприятий государственной важности, а работникам полагался паек по усиленной норме. Брянскую и Гомельскую губернии обслуживала протезная мастерская, расположенная в Бежице при заводе «Профинтерн» [10, Л. 35]. С 1924 года после закрытия протезной мастерской, инвалиды вынуждены были ездить в Тулу (проезд бесплатный), где «протезирование

осуществлялось по нарядам медленно и некачественно» [11, Л. 23].

С восстановлением трудоспособности не все инвалиды могли работать по прежней специальности. В 1921-1925 гг. многие инвалиды Брянской губернии вынуждены были за счет кресткомов пройти обучение или переобучение. В кресткомы поступали заявки с предложениями высылать инвалидов на краткосрочные курсы: огородничество, животноводство, столярное, чулочное дело и т.д.

4 декабря 1923 г. из Смоленска в Брянский Губисполком поступило письмо об открытии производственного техникума на 100 инвалидов. В этом же году из губернии на специальность «электротехника», «портновское дело», «слесарное дело» поступило двадцать инвалидов [12, Л. 152]. В 1924 г. для пополнения знаний в области сельского хозяйства в Москву в центральный техникум НКСО было отправлено 3 инвалида из губернии.

Кресткомы содействовали и трудоустройству инвалидов. В первые годы нэпа особое развитие получило включение их в кооперацию, так как производственные объединения инвалидов освобождались от государственного промыслового налога. Данная политика способствовала росту кооперативов среди инвалидов: если в 1923 г. в Брянской губернии насчитывалось 6 артелей инвалидов, в 1924 г.-69, то в 1925 г. уже 83 с общим количеством 625 человек [13, Л. 25].

Артели инвалидов не без успеха демонстрировали фильмы, пекли хлеб, чистили обувь, ремонтировали инвентарь и т.д. Например, в Карачевском уезде артель из восьми инвалидов-пенсионеров располагала лошадьми и осуществляла доставку товаров. Ежемесячно каждый рабочий получал заработную плату в размере 80 руб. Другая артель «Деревообделочник» того же уезда занималась заготовкой деревянных лопат, кольев для снеговых щитов, мётл. За один год деятельности прибыль организации составила 4482 руб. Об активной деятельности артелей инвалидов Брянской губернии при содействии кресткомов стало известно и в других губерниях, поэтому Витебский губККОВ просил «поделиться товарищеским опытом» [14, Л. 119].

Таким образом, кресткомы в Брянской

губернии совместно с другими организациями сыграли большую роль не только в поддержке инвалидов, но и в отношении восстановления их трудоспособности, что имело огромное значение и в восстановлении народного хозяйства страны.

В центральной газете «Известия НКСО» в сводке о деятельности кресткомов в 1922 г. сообщалось, что в Брянской губернии «проведено 4 уездных и 1 губернский съезд, созданы фонды путем самообложения в размере 5 фун. с дес. пахоты (для сравнения в Калужской губернии 1-4 фун. с дес.; в Смоленской губернии – 1-5 фун. ржи и 3-5 фун. картофеля), в помощь голодающим Поволжья собрано 127 тыс. пуд. хлеба» [39]. О стабилизации положения свидетельствовали и поуездные отчеты кресткомов: в Трубчевском уезде комитеты серьезное внимание обратили на вопрос обсеменения полей 164 хозяйств, а в Бежицком уезде нуждающиеся получили помощь в размере 206 пуд. хлеба [15, Л. 4].

В 1922 г. законодательные акты советского правительства закрепили за кресткомами ряд привилегий: освобождение земель кресткомов от продналога, они получали право быть юридическим лицом, невмешательства в фонды, распоряжения свободной землей и сельскохозяйственными постройками; льготы на отпуск древесины [43, С. 49].

5 октября 1922 г. для установления тесной связи между органами социального обеспечения с кресткомами была создана губернская крестьянская секция (в 1923 г. преобразованная в Брянский губККОВ – И.М.). В секцию вошли 3 человека: председатель Сазонов, заместитель Проничев и секретарь Снежков. Секция занималась созданием волостных и сельских кресткомов и упорядочивала их деятельность.

Каковы были источники доходов крестьянских комитетов общественной взаимопомощи в Брянской губернии? В данной статье рассматриваются лишь некоторые средства пополнения бюджета кресткомов.

Первоначально доходы кресткомов в Брянской губернии складывались из членских взносов по самообложению. В 1923 г. натуральные фонды в губернии по 5 уездам составляли 23 тыс. пуд. хлеба, что превышало в два раза фонды в Смоленской (12

уездов) и Гомельской (9 уездов) губерниях [16, Л. 34]. Но этот источник не мог постоянно приносить большую прибыль из-за малоземелья и низкого качества земель.

Важную роль в получении доходов сыграла производственная деятельность кресткомов по общественной запашке земли и аренда предприятий. Если в 1923 г. кресткомы Брянской губернии арендовали 20 мельниц, 1 кирпичный завод, 8 садов, 2 совхоза, то в 1924 г. 3 кузницы, 28 мельниц, 1 крупорушку, 8 садов, одну базарную площадь, 1 чайную, 1 столовую, 1 хлебопекарню, 3 совхоза, 2 кожевенных завода, 1 лесопильный завод, 1 шапочную мастерскую, 1 буфет при Нардоме. В 1925 г. общее количество предприятий составило 135, среди них появилось 14 случайных и 3 прокатных пункта. В целом, общий доход от аренды предприятий в Брянской губернии вырос по сравнению с 1924 г. в 13 раз и составил в 1925 г. 18408 руб. [17, Л. 45]. Подсобные предприятия (мельницы, крупорушки, кирпичные заводы и т.д.) помогали кресткомам пополнять их средства, а государственная протекция способствовала вытеснению частника с рынка производственных услуг населению. В ноябре 1924 г. председатель губККОВ Сазонов, посетив Хинельский крестком Севского уезда, писал: «Несмотря на недород, председатель Белоусова сумела найти подход к крестьянам ... вместо хлеба они сдавали картофель. Арендованная паровая мельница за 1 месяц дала 20,5 пуд. дохода, частнику пришлось снизить цену с 4 фун. за пуд. в 2 раза» [18, Л. 20].

В районах массового распространения отхожих промыслов кресткомы широко включались в организацию крестьянских артелей и товариществ. Историк И. С. Дегтев подсчитал, что «за помощь кресткомы брали по два, иногда по пять процентов заработка, но всегда меньше частного подрядчика» [35, С. 224].

16 сентября 1924 г. Брянский губККОВ добился от Губисполкома постановления о сдаче подрядов от хозяйственных органов и предприятий в первую очередь кресткомам [19, Л. 57]. Прием крестьян на работу осуществлялся с согласия кресткома или по его ходатайству. В губернии в силу естественно-географических условий большую популярность получили подряды в лесной

промышленности. В 1925 г. при кресткомах действовало 150 временных артелей по лесоразработкам, сплаву и перевозке грузов [20, Л. 120]. Таким образом, крестьянские дворы в свободное от полевых работ время смогли поднять доходность хозяйств и получить всю заработную плату, а не половину как у частного. Подряды, выданные кресткомам, выполнялись добросовестно и в срок: «крестьяне из Бежицкого кресткома выполнили подряд губернского отдела образования за 10 дней вместо намеченных 3 недель» [21, Л. 20].

Особое внимание комитеты взаимопомощи в первые годы новой экономической политики уделяли и общественной обработке земли. Большее распространение общественная запашка получила в плодородных губерниях, где почва не требовала удобрений. В Брянской губернии кресткомам, как правило, доставалась земля низкого качества: бугры, дальние участки, да еще в нескольких полосках. С 1923 по 1925 гг. в губернии наметилась тенденция к увеличению запашек взаимопомощи: с 156 дес. до 616 дес. [22, Л. 49]. Отдельные кресткомы в губернии добивались результатов по улучшению качества земли. Например, Косулический сельский крестком ввел на 30 дес. многопольный севооборот и травосеяние. На наш взгляд, общественная обработка земли кресткомами имела большое значение. Во-первых, она сохраняла у крестьян привычку и навыки к коллективному труду. Например, заведующий крестьянской секцией при Бежицком уездном собесе Корнеев писал в 1923 г.: «За 2 месяца до весны работники кресткомов составляли списки нуждающихся, которые подразделяли на 2 части: а) кто не имел рабочих рук и б) кто не имел лошади. Зачитывали списки на сходе. В первую очередь решали провести общественную запашку в виде воскресника, обговорив, кто какие работы выполняет» [23, Л. 28]. Во-вторых, с помощью общественной запашки увеличивались посевные площади, создавались натурально-семенные фонды. Хотя, по мере развития землеустроительных работ возможности проведения общественной запашки сократились как в губернии, так и по стране в целом.

Важным показателем деятельности кресткомов являлось их сотрудничество с

кооперацией. 25 января 1924 г. вышел циркуляр губККОВ «Об усилении связи с кооперативными организациями» [24, Л. 43]. Согласно документу «кресткомы были обязаны отчислять от своих фондов не менее 25% и вносить их в ближайшую кооперативную организацию, как паевые взносы, за самых беднейших крестьян». Перевод денег в кооперацию стал одной из функций кресткомов, которые не только вносили взносы, но и поддерживали средствами мероприятия кооперации по обслуживанию маломощного крестьянства, погашали многотысячные долги за «своих» несостоятельных членов. Такая политика государства способствовала привлечению в кооперацию беднейших крестьян. В 1925 г. в губернии число кооперативов, организованных кресткомами составило 139, причем из общего количество членов (8380 чел.) 38% были бедняки [48, С. 80].

Итак, благодаря расширению производственной деятельности, кресткомы Брянской губернии смогли значительно пополнить свои доходы. К 1 октября 1925 г. фонд кресткомов в губернии составил 115.978 руб. [25, Л. 49].

Рост доходов кресткомов способствовал увеличению размеров оказываемой помощи односельчанам. Масштаб помощи нуждающимся крестьянам со стороны кресткомов возрастал с каждым годом. Если в 1922 г. по стране помощь получили 376 тыс. хозяйств, то в 1925 г. (с января по 1 июня) – 952 тыс. хозяйств. В Брянской губернии соответственно в 1923 – 2.296 хозяйств, а в 1925 г. – 4.716. Кроме того, в 1925 г. в губернии было выдано ссуд на сумму нуждающимся – 28.162 руб., на оборудование арендованных предприятий – 24.372 руб., получено льгот по сельхозналогу в размере 126 лошадей, 9 коров, 16 овец [26, Л. 43].

Кресткомы активно проводили правовую и культурно-просветительскую работу. По мнению Л.В. Мостяевой правовая помощь была очень важна, ибо «грамотно составленная бумага и толковое разъяснение, куда пойти и к кому обратиться, могли закрыть долгий путь крестьянина по инстанциям» [46, С.133].

4 октября 1923 г. при Брянской коллегии защитников была открыта юридическая консультация по вопросам, интересующим

крестьян, безработных, беспризорных детей. Спектр рассматриваемых дел был очень разнороден: от проблем семейного и имущественного положения, ходатайств о снижении и освобождении от сельхозналога до защиты прав самих комитетов. Причем часто представители комитетов выступали в качестве истца. Так, работник Почепского волК-КОВ Никуткин «выступал в суде за пастуха, которому местные жители не хотели платить...» [27, Л. 61].

Кресткомы поддерживали деревню выпиской газет из библиотеки, с наступлением летней страды открывали сельские детские ясли. Первые сельские детские ясли были открыты весной 1920 г. в селах Кондрыкино, Брынь, Плохино Жиздринского уезда, а в 1925 г. в губернии работало уже 33 учреждения [28, Л. 55].

Согласно циркуляру №15 от 25 сентября 1924 г. «кресткомы губернии должны были оказывать материальную помощь школам и учреждениям народного образования» [29, Л. 2]. В 1925 г. в Брянской губернии кресткомами было проведено 962 конференции, оказано юридической помощи 1321 хозяйству и агрономической – 209, отправлено 1465 брошюр, выписано 5 тыс. экземпляров книг, 3 тыс. газет.

В течение первых лет новой экономической политики менялось и отношение сельского населения к кресткомам. В 1921 г. население во многих местах губернии не понимая основных задач и функций кресткомов, смотрело на них как на комитеты бедноты и считало, что все собираемые ими запасы и фонды будут отобраны и использованы без согласия. В докладе Проничева - председателя Бежицкого укКОВ за 1923 г. по уезду «описывалось совершенно недопустимое отношение населения», а в докладе о состоянии комитетов на 1 января 1925 г. отмечалось, что «отношение уже зависит от сознательности работы» [30, Л. 6]. Многие крестьяне, увидев положительные результаты производственной деятельности кресткомов в соседних деревнях, принимали уполномоченных с просьбами организовать комитеты и в их селениях. В губернской газете «Наша деревня» крестьяне поместили частушку о кресткомах: «Ничета Никиту гложет, обтрепался до сумы, кто-ж Никитушке поможет, коль не сами,

коль не мы» [47].

Свидетельством жизнестойкости кресткомов являлся и показатель количества крестьянских хозяйств, входивших в них. В 1925 г. 48% из 223.593 крестьянских хозяйств входили в кресткомы » [31, Л. 45]. В социальном плане кресткомы представляли: середняки – 52%, бедняки – 47%, зажиточные – 1%. Маломощные слои всегда тянулись к кресткомам, ибо они получали помощь в первую очередь. Однако большой процент в составе кресткомов губернии середняков говорит и об их заинтересованности в деле взаимопомощи. Индивидуальное крестьянское хозяйство зависело от множества факторов: природных, экономических, политических, социальных, субъективных. Но одним из важных, ведущих к разорению либо к укреплению хозяйства, были природные бедствия и пожары, поэтому многие середняки по-прежнему ценили взаимопомощь и стремились сохранить членство.

Кресткомы Брянской губернии испытывали в первые годы новой экономической политики множество проблем, которые отражались на их деятельности. Анализируя архивные документы, можно отметить существующие недостатки в делопроизводстве кресткомов, организационные трудности, связанные с непоследовательной политикой центра по укрупнению организации. Если в начале 1924 г. в Брянской губернии насчитывалось 1.361 сельских кресткома, то в конце 1924 г. – 482, а в октябре 1925 г. уже 914 [32, Л. 107]. В результате таких трансформаций жители «прикрепленных» деревень оставались без всякой помощи и каких-либо льгот.

Положение от 24 сентября 1924 г. о крестьянских обществах (отменено название комитеты – и.М.), в которых индивидуальное членство заменялось коллективно-добровольным, отодвинуло на второй план принципы самостоятельности и самоуправления крестков и уступило место вмешательству государства. Проводилась линия на первоочередность помощи колхозам. Членские взносы взимались не уравнилельно, а дифференцировано с учетом мощности хозяйства [52]. Данным законодательным актом государство стремилось увеличить количество бедняков в кресткомах. Переработанное положение подверглось резкой критике со

стороны многих крестьян. В октябре 1925 г. участники пленума ЦК КОВ отмечали, что «оно убило инициативу крестьянских обществ взаимопомощи: самодеятельность и самоуправление перечеркивалось чиновничьим правом органов Наркомсобеса утверждать все должности и постановления» [33, Л. 107].

Следует отметить, что крестьянские комитеты общественной взаимопомощи в деревне в первые годы новой экономической политики строились под влиянием трех основных составляющих: личных (хозяйственных) интересов, общинных традиций и политики Советской власти.

В 20-е годы XX века особый интерес представляют работы заместителя наркома социального обеспечения Николая Александровича Милютина «Организация крестьянской взаимопомощи в деревне» и др., А. Лаврова «Крестьянские комитеты общественной взаимопомощи», Е. Лысикова «Развитие крестьянской взаимопомощи».

В конце 20-сер. 50-х гг. XX в. ведущей парадигмой в изучении данной темы становится – марксистская, в которой социально-экономические аспекты рассматривались исследователями крайне редко и в строгом соответствии с политическими установками.

В 60-70-е гг. XX в. вопросы деятельности кресткомов рассматриваются в работах В.П. Данилова, Ю.С. Кукушкина. В 70-80-е гг. в работах современной отечественной историографии, как правило, данная тематика обсуждается в комплексе с другими социально-экономическими проблемами: Ю.А. Поляков, Ф.Н. Базанова и др.

В изучении проблемы функционирования кресткомов в 90-е гг. XX в. - начале XXI в. следует отметить монографию «История крестьянства западного региона России. 1917-1941 гг.», С.И. Дегтева, В.А. Лыткина, А.А. Куренышева, Л.В. Мостяевой и др.

В первой половине 20-х годов XX века кресткомы существовали параллельно с хозяйственными органами. Главным в их деятельности являлось производственное направление, поэтому исследовательница Ф.Н. Базанова назвала 1921-1925 гг. в деятельности кресткомов «собесовским периодом» [1]. На примере деятельности кресткомов Брянской губернии заметно, что данная

организация сыграла большую роль в оказании помощи крестьянам, семьям красноармейцев, инвалидам, вдовам, сиротам. После проведенного учета этой категории населения была предоставлена возможность встать на ноги и получить необходимое лечение, протезирование, переобучение и трудоустроиться.

Кресткомы предоставляли трудовую помощь нуждавшимся по обработке и обсеменению полей, помогали хозяйствам, пострадавшим от стихийных бедствий, обеспечивали ссудой для приобретения инвентаря, скота, семян, вносили взносы в кооперативные организации за своих членов и т.д. В целом, деятельность кресткомов имела неограниченное значение, как для отдельного крестьянского хозяйства, так и для экономики страны в целом. Во-первых, многие нуждавшиеся хозяйства получили реальную поддержку и теперь смогли избавиться от обнищания. Во-вторых, общее улучшение состояния крестьянских хозяйств способствовало быстрому восстановлению и развитию сельского хозяйства. В-третьих, отдельные нетрудоспособные граждане были включены в производственный процесс и приносили пользу обществу [42, С. 180].

Кроме хозяйственного направления кресткомы Брянской губернии активно осуществляли правовую и просветительскую работу: защищали права; ходатайствовали о снижении и освобождении от сельхозналога; выписывали газеты и книги для изб-читален, повышая общий культурный уровень крестьян. Также оказывали материальную помощь детским яслям, школам и образовательным учреждениям.

Становление кресткомов в Брянской губернии проходило в сложных экономических условиях. Как правило, от наличия доходов зависел и авторитет комитетов среди сельского населения. Если первоначально фонды кресткомов складывались за счет членских взносов по самообложению, то с 1923 г. большое распространение получили: аренда предприятий, снятие подрядов, кооперирование. К концу восстановительного периода производственная деятельность помогла кресткомам стать массовой общественной организацией, в конце 1925 г. 48% крестьянских хозяйств Брянской губернии вступили в

ККОВы, которые обладали довольно разветвленной структурой. До политики укрупнения в Брянской губернии количество сельских кресткомов было на 18% больше числа сельсоветов (1.361 против 1.115) [34, Л. 111].

Крестьянские настроения и заботы выражали разные государственные и хозяйственные организации, поэтому кресткомы стремились взаимодействовать с сельсоветами, кооперативами, отделами социального обеспечения и здравоохранения, лесничествами и предприятиями. В 1921-25 гг. общекрестьянский характер кресткомовского движения, возможно, мог бы позволить превратиться этой организации в подлинную социально-экономическую силу в деревне, но

разветвленная общественная организация с капиталом и авторитетом была опасна для власти.

Кресткомы, стоявшие между сельсоветами и общиной, могли также превратиться в действенные общественные институты самоуправления в деревне, стать зачатком гражданского общества. Но они должны были служить проводником влияния Советов, а в конечном итоге – партии, поэтому использование механизмов регулирования позволяло советским властям в дальнейшем трансформировать кресткомы в организацию содействия государственным интересам и фактически к началу 1927 года подорвать основы деятельности.

Список литературы

1. Базанова Ф.Н. Крестьянские комитеты общественной взаимопомощи в Казахстане. Дисс. канд. ист. наук. Алма-Ата, 1971.
2. ГАБО. Ф.Р. 453. Оп.1. Д.191. Л.2.
3. ГАБО. Ф.Р. 85. Оп.1. Д.330. Л.122.
4. ГАБО Ф. Р. 453. Оп.1 Д. 191. Л.24.
5. ГАБО Ф. Р.11. Оп.1. Д. 529. Л.22.
6. ГАБО Ф. Р. 85. Оп.1. Д. 664. Л.78.
7. ГАБО. Ф.Р.85.Оп.1.Д.540 (ч.3).Л.405.
8. ГАБО. Ф.Р. 16. Оп.1. Д.1437. Л.2.
9. ГАБО. Ф.Р. 16. Оп.1. Д.1131. Л.16.
10. ГАБО. Ф.Р. 16. Оп.1. Д.463. Л.35.
11. ГАБО. Ф.Р. 453. Оп.1. Д.601. Л.23.
12. ГАБО. Ф.Р. 453. Оп.1. Д.444. Л.152.
13. ГАБО. Ф.Р. 701. Оп.1. Д.3. Л.25.
14. ГАБО. Ф.Р. 453. Оп.1. Д.620. Л.119.
15. ГАБО. Ф.Р.701. Оп.1. Д.1. Л.4.
16. ГАБО. Ф.Р. 85. Оп.1. Д.634. Л.34.
17. ГАБО. Ф.Р. 701. Оп.1. Д.4. Л.45.
18. ГАБО. Ф.Р. 701. Оп.1. Д.3. Л.20.
19. ГАБО. Ф.Р. 85. Оп.1. Д.995. Л.57.
20. ГАБО. Ф.Р.453. Оп.1. Д.620. Л.120.
21. ГАБО. Ф.Р.701. Оп.1. Д.3. Л.20.
22. ГАБО. Ф.Р. 453. Оп.1. Д.599. Л.49.
23. ГАБО. Ф.Р. 453.Оп.1. Д.218. Л.28.
24. ГАБО. Ф.Р.701. Оп.1. Д.3. Л.43.
25. ГАБО. Ф.Р. 453. Оп.1. Д.599. Л.49.
26. Там же, Л.43.
27. ГАБО. Ф.Р. 701. Оп.1. Д.3. Л.61.
28. ГАБО. Ф.Р. 16. Оп.1. Д.739. Л.55.
29. ГАБО. Ф.Р. 661. Оп.1. Д.4. Л.2.
30. ГАБО. Ф.Р. 2007. Оп.1. Д.2. Л.6.
31. ГАБО. Ф.Р. 701. Оп.1. Д.4. Л.45.
32. ГАБО. Ф.Р. 85. Оп.1. Д.751. Л.107.
33. ГАБО. Ф.Р. 85. Оп.1. Д.751. Л.107.

34. ГАБО. Ф.Р. 85. Оп.1. Д.751. Л.111.
35. Дегтев С.И. Крестьянство и формирование низовых властных структур деревни в 20-е гг.М.,1993 160 с.
36. Известия ВЦИК. 1921. 30 июля.
37. Известия НКОСО. 1922. 11 февраля.
38. Известия НКОСО. 1922. 1 сентября.
39. Известия НКСО. 1922. 4 октября.
40. Известия НКСО. 1922. 14 декабря.
41. Ленин В.И. ППС. Т.43. М.,1982.
42. Малащенко И.В. Крестьянство и сельское хозяйство Брянской губернии в 1921-1925 гг. Дисс. канд. ист. наук. Брянск, 2005. 263 с.
43. Материалы НКСО. М.,1923.
44. Милютин Н.А. По заданиям Ленина//Вопросы истории. 1957. №3.
45. Милютин Н. Организация социальной взаимопомощи в деревне. М.,1921.
46. Мостяева Л.В. Крестьянские комитеты общественной взаимопомощи в 1921-1931 гг. (на материалах Рязанской, Тульской, Московской губерний). Дисс. канд. ист. наук. Воронеж,2002. 250 с.
47. Наша деревня. 1925. 2 августа.
48. Отчет Губисполкома за 1925-1926 гг. Брянск,1927. 86 с.
49. Пять лет крестьянской взаимопомощи. – М.,1926.
50. Струмилин С.Г. Проблемы экономики труда. М.,1957.
51. СУ РСФСР. 1921. №48. Ст.236.
52. СУ РСФСР. 1924. №82.

PEASANT COMMITTEES OF PUBLIC MUTUAL ASSISTANCE OF THE BRYANSK PROVINCE IN THE FIRST YEARS OF THE NEP

The main purpose of the article is to analyze the development of the activities of peasant committees of public mutual assistance in the Bryansk province as one of the forms of social security of the Soviet village in the first years of the new economic policy. The methodological basis is the most important principles of historical science: social and systemic approaches, objectivity in the presentation of factual material. On the basis of archival sources, publication of normative documents, materials of the Central and local press, reports of government authorities, the article focuses on the process of creating krestkoms in the Bryansk province, reveals the main functions of this organization, sources of income, and interaction with organizations. In conclusion, it is concluded that the peasant committees of public mutual assistance had a great impact on the reconstruction of the village and became one of the mass public organizations in the first years of the new economic policy in the Bryansk province. Krestkoms, which stood between village councils and the community, could also turn into effective public institutions of self-government in the village, become the germ of civil society.

Keywords: new economic policy, peasant committees of social mutual assistance, the Soviet government, Bryansk province, the peasantry.

References

1. Bazanova F. N. Peasant committees of public mutual assistance in Kazakhstan. Diss. Cand. Alma-ATA,1971.
2. GABO. F. R. 453. Op.1. D. 191. L. 2.
3. GABO. F. R. 85. Op.1. D. 330. L. 122.
4. GABO F. R. 453. Op.1., 191. L. 24.
5. GABO F. R. 11. Op.1. D. 529. L. 22.
6. GABO F. R. 85. Op.1. D. 664. L. 78.
7. GABO. F. R. 85. Op.1.D.540 (part 3).L.405.
8. GABO. F. R. 16. Op.1. D. 1437. L. 2.
9. GABO. F. R. 16. Op.1. D. 1131. L. 16.
10. GABO. F. R. 16. Op.1. D. 463. L. 35.
11. GABO. F. R. 453. Op.1. D. 601. L. 23.
12. GABO. F. R. 453. Op.1. D. 444. L. 152.
13. GABO. F. R. 701. Op.1. 3. L. 25.

14. GABO. F. R. 453. Op.1. D. 620. L. 119.
15. GABO. F. R. 701. Op.1. 1. L. 4.
16. GABO. F. R. 85. Op.1. D. 634. L. 34.
17. GABO. F. R. 701. Op.1. D. 4. L. 45.
18. GABO. F. R. 701. Op.1. 3. L. 20.
19. GABO. F. R. 85. Op.1. D. 995. L. 57.
20. GABO. F. R. 453. Op.1. D. 620. L. 120.
21. GABO. F. R. 701. Op.1. 3. L. 20.
22. GABO. F. R. 453. Op.1. D. 599. L. 49.
23. GABO. F. R. 453. Op.1. D. 218. L. 28.
24. GABO. F. R. 701. Op.1. 3. L. 43.
25. GABO. F. R. 453. Op.1. D. 599. L. 49.
26. Ibid, p 43.
27. GABO. F. R. 701. Op.1. 3. L. 61.
28. GABO. F. R. 16. Op.1. D. 739. L. 55.
29. GABO. F. R. 661. Op. 1. D. 4. L. 2.
30. GABO. F. R. 2007. Op. 1. D. 2. L. 6.
31. GABO. F. R. 701. Op. 1. D. 4. L. 45.
32. GABO. F. R. 85. Op. 1. D. 751. L. 107.
33. GABO. F. R. 85. Op. 1. D. 751. L. 107.
34. GABO. F. R. 85. Op. 1. D. 751. L. 111.
35. Degtev S. I. Peasantry and the formation of grassroots power structures of the village in the 20s. Moscow, 1993 160 p.
36. Izvestia of the Central Executive Committee. 1921. July 30.
37. Izvestiya NKOSO. 1922. February 11.
38. News NCOA. 1922. On the 1st of September
39. Izvestiya nkso. 1922. October 4.
40. Izvestiya nkso. 1922. December 14.
41. Lenin V. I. PPS. T. 43. M., 1982.
42. Malashenko I. V. Peasantry and agriculture of the Bryansk province in 1921-1925. Diss. Cand. Bryansk, 2005. 263 p.
43. Materials of the nkso. Moscow, 1923.
44. Milutin N. A. On Lenin's tasks//Question of history. 1957. # 3.
45. Milutin N. Organization of social mutual aid in the village. Moscow, 1921.
46. Mostyaeva L. V. Peasant committees of public mutual aid in 1921-1931 (based on the materials of the Ryazan, Tula, and Moscow provinces). Diss. Cand. Voronezh, 2002. 250 p.
47. Our village is. 1925. August 2.
48. Report of the Executive Committee for 1925-1926. Bryansk, 1927. 86 p.
49. Five years of peasant mutual aid. - Moscow, 1926.
50. Strumilin S. G. Problems of labor Economics. Moscow, 1957.
51. SU RSFSR. 1921. №48. St. 236.
52. SU RSFSR. 1924. №82.

Об авторе

Малашенко И.В. – доцент кафедры философии, истории и политологии Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, кандидат исторических наук, E-mail: Malashenko1976@yandex.ru.

Malashenko I.V. - Candidate of History, Associate Professor of the Department of Philosophy, History and Political Science Federal State-Funded Education Institution of Higher Education "Bryansk State Academician I.G.Petrovski University", E-mail: Malashenko1976@yandex.ru.

Мамедов З. И., магистр социально-политической истории, аспирант, Самарский государственный социально-педагогический университет (Россия)

ЦЕРКОВЬ В СССР В ОЦЕНКАХ ЦРУ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Исследование посвящено аналитической деятельности Центрального Разведывательного управления по церковному вопросу в СССР. В статье определяются основные аспекты состояния и деятельности советского института церкви в оценках американской разведки. ЦРУ интересовало положение различных конфессий внутри СССР, а также взаимодействия их с официальными государственными органами. Особо тщательному анализу подвергались внешнеполитические контакты Русской православной церкви. ЦРУ пыталось определить влияние советских властей через церковные связи на другие государства. Традиционно американская разведка искала уязвимые стороны СССР. Выводы американских специалистов по церковному вопросу в СССР становились основой для формирования тактики и стратегии внешней политики государственных органов США. ЦРУ использовало полученную разведывательную информацию для планирования своих тайных операций. Анализ церковных связей СССР позволял спрогнозировать потенциальные слабости США для формулирования контрразведывательных рекомендаций и действий. Недовольство различных слоёв населения, как в СССР, так и в Социалистическом блоке давало возможность более эффективно действовать в рамках психологической войны в будущем. На начальном этапе Холодной войны американской разведкой накапливалась и анализировалась основная разведывательная информация по данному вопросу.

Ключевые слова: ЦРУ, СССР, Русская Православная церковь, американская разведка, Холодная война, церковный вопрос.

DOI: 10.22281/2413-9912-2020-04-02-75-83

С окончанием Второй Мировой войны бывшие союзники по коалиции быстро превратились в непримиримых идеологических и геополитических противников. Первенство среди западных стран перешло от слабеющей колониальной Британской империи к США. Этот процесс требовал значительных усилий от американских государственных органов власти по внутреннему и внешнему преобразованию. Обстановка с разведывательными структурами в США была неутешительной. Американцам ещё во время войны пришлось перенимать многие механизмы внешнего противостояния у своих британских коллег. Также происходило и с разведкой. Созданное во время войны Управление Стратегических Служб в короткие сроки переняло знания и опыт, который впоследствии перешёл созданному в 1947 году Центральному Разведывательному Управлению. Новая организация, пытаясь конкурировать с другими разведывательными структурами США, принялась разрабатывать новую внешнеполитическую стратегию, базирующуюся на тайных операциях, экономической и психологической войне. Последняя составляющая являла собой продолжение британской политической войны, в рамках которой осуществлялся целый комплекс методов воздействия, как на собственное население, так и на конкретные

социальные группы внутри стран союзников и противников. Для осуществления данного замысла американская разведка нуждалась в различной информации, которую из-за отсутствия длительной традиции разведывательной деятельности и широких агентурных сетей доставать было проблематично. Поэтому ЦРУ стремилось использовать в своём анализе практически любые данные и по любым вопросам. Церковь в СССР на начальном этапе Холодной войны также стала одним из основных объектов аналитической деятельности молодой разведывательной организации.

Состояние церкви в СССР в отчётах ЦРУ не освещалась в зарубежной и отечественной научной литературе. Ивашев А.А. в целом проанализировал стратегию психологической войны против СССР в 1946-1953 годах. Автор идентифицировал основные геополитические приоритеты США на данном этапе, проследил эволюцию, координационные механизмы и ключевые направления психологической войны [1, с. 25]. Некоторые политические процессы в СССР на основе архивных данных проекта «Цезарь» были освещены Суржигом Д.В. В частности, им был переведен документ по «Делу врачей» [2, с. 79]. Й. Левент изучал аналитические документы ЦРУ по вопросу советской молодёжи.

Автор не рассматривал молодых людей как объект психологической войны, но выводы в статье комплексно освещают основные стороны жизни советских студентов [3, с. 144]. Зарубежные исследователи не освещали аналитическую деятельность ЦРУ по СССР. А выводы по данному периоду работы чаще всего сводились к констатации почти полного неведения американской разведкой, каких либо сфер жизнедеятельности Советского государства.

Документы по церковному вопросу в СССР можно разделить на две группы: прямые и косвенные. В нескольких отчётах аналитики Центральной Разведывательной группы, а после и ЦРУ рассматривали организацию исследуемого нами института, обучение будущих священнослужителей, деятельность патриарха и отдельных представителей церкви, государственную религиозную политику. В косвенных документах анализируется обстановка в различных регионах мира, и пути, по которым через церковь советские власти распространяют своё влияние. Почти все документы отмечены грифом «сверхсекретно». Авторство в них закрашено. Указывались только органы государственной власти, которым было позволено вручить копию. В ряде отчётов приводился список источников, на основе которого проводился анализ. Здесь мы встречаем официальную советскую прессу, научную литературу. Персональные источники либо не указывались, либо закрашивались. Нетрадиционным для многих документов по религии в СССР является изначальная формулировка «неопределённая информация». В документах по советской промышленности, государственных органах, сельскому хозяйству, науке таких подписей мы не встречаем. Судя по всему, в таких отчётах использовалась непроверенная информация от частных лиц. Аналитики ЦРУ указывали, что некоторые сведения основаны на слухах. ЦРУ было известно, что церковные вопросы в СССР были подчинены Совету по делам Русской православной Церкви во главе с председателем Г.Г.Карповым. В большинстве документов авторы отчётов не находили подтверждений формальных укреплений церкви в СССР. Институализация церкви на государственном уровне предполагалась в жёстком

подчинении партийным органам. Эти выводы делались на основе анализа статей из журнала Московская Патриархия. Особое внимание ЦРУ уделяло письмам в редакцию. Из них американская разведка пыталась узнать о восприятии церкви советскими гражданами. На основе дайджеста советской прессы ЦРУ фиксировало процесс передачи религиозных идей от старшего поколения к младшим, походы людей к гадалкам, венчание и походы в церковь. Эти факты опровергали для американских специалистов официальные заявления в тех же газетах об успехах культивации, развития и воспитания в духе марксистско-ленинского мировоззрения, а также о достигнутой свободе от любых суеверий и предрассудков [4, р. 1].

ЦРУ было хорошо осведомлено о кадровых перестановках в церковной иерархии, как в социалистическом лагере, так и в отдельных городах республик. На основе журнала Московская патриархия американские специалисты в своих отчётах фиксировали все назначения, указывая фамилии, церковные имена и должности представителей церкви [5, р. 1-3]. Американскую разведку интересовало кадровое пополнение РПЦ. В одном из отчётов мы обнаруживаем конкретные требования, необходимые для поступления в Московскую и Ленинградскую церковные академии, а также семинарии других городов. Широкий спектр знаний и умений, которыми должен был обладать абитуриент, а также внушительный список формальной документации, наводили ЦРУ на противоречивые выводы. С одной стороны доступ для поступления такими мерами весьма ограничивался, что усиливало изоляцию церкви в СССР от общества. С другой стороны установленная кадровая политика в результате обеспечивала советские церкви высокоинтеллектуальным и квалифицированным человеческим капиталом [6, р. 1-3].

Внутренняя обстановка в СССР по церковному вопросу анализировалась американцами в том числе на основе устных источников. В одном из отчётов мы обнаруживаем повествование некоего советского колхозника, работающего после войны недалеко от Одессы. От него ЦРУ узнало, что многие церковные здания стали использоваться по другому предназначению: клубы, амбары,

хранилища и другое. Религиозные воззрения большинства граждан не выходили за пределы знаний, данных родителями и родственниками. Церковные приходы в большей своей степени состояли из пожилых людей. На праздники здания заполнялись полностью. ЦРУ не фиксировало на местах вмешательство в церковные дела со стороны партии. В отчёте отмечается, что среди советского населения бытовало мнение о том, что сами священники являлись членами партии. Многие люди высказывали схожие мнения об открытии церквей в целях поднятия морального духа и лёгкого источника дохода для государства. Приводился пример об офицере, который после войны стал священником. Источник не предоставлял американской разведке информацию о восхвалении советского государства и лично Сталина в данном регионе. ЦРУ волновал данный вопрос, так как он предполагал лицемерие в поведении, нагнетающем стрессовую ситуацию среди людей. Анализируя восприятие советских граждан, ЦРУ констатировало понимание большого вклада церкви во время войны [7, р.1-2].

В отчёте на основании допроса бывшего немецкого военнопленного инженера, работающего в УССР, американская разведка убеждалась, что среди верующих людей в Советском союзе было большое количество интеллигенции. Высокая цена на церковную литературу воспринималась американской разведкой как высокий спрос и сильная религиозная потенция советского общества. Констатировалась веротерпимость в СССР со стороны граждан, которые проявляли интерес к духовным вопросам и никогда не осуждали. Допрашиваемый немец сообщал об отсутствии контактов с убеждёнными атеистами в СССР. Особенно американскую разведку волновали религиозные воззрения пролетариата, как опорной социальной группы советского режима. В отчёте зафиксированы факты соотношения рабочих на заводе себя с церковью. Но источник сообщал, знание обрядов и таинств среди трудящихся было посредственным. В отчёте отражен образ священника как пожилого человека одетого в грубый плащ с капюшоном. Он выглядел бедно, как и остальные советские граждане, но более опрятно и аккуратно. Также идентификация этого человека как представителя

церкви произошла из-за наличия в его руках религиозной литературы. Источник сообщал о христианских приветствиях на рынках и свободной продаже пасхальных куличей в магазинах. Отмечалась общественно-государственная политика в СССР по отношению к церкви через экономическое принуждение. Прививалась воскресная традиция походов за покупками, уборкой дома, парков, бульваров. Данная мера должна была способствовать количественному уменьшению церковного прихода. Однако как сообщал источник, советские граждане успевали сходить рано в церковь, и позже заняться полезными личными и общественными делами. Эти фактические сведения убеждали американскую разведку о слабых результатах антиклерикальной политики советского руководства. Интересным является упоминание о том, что в СССР рождественская ёлка считалась новогодней. По наличию на веточках игрушечных танков, пулемётов, солдатиков и прочей военной атрибутики американская разведка отмечала воинственность праздника, и в целом усиление милитаристских тенденций в советском государстве [8, р. 3-7].

В документах ЦРУ мы обнаруживаем региональный подход. Особенно американскую разведку интересовало состояние церквей в приграничных республиках. Агентству было известно обо всех церквях, работающих в Грузии. В документе отмечались в количественном отношении национальные группы и церковные организации, относящиеся к ним. Отмечая пять религиозных общин, существовавших на независимой основе, ЦРУ искало противоречия между ними. Например, фиксировалось старшинство и авторитет Грузинской православной церкви относительно Русской православной церкви. Искали и не находили любого рода проявления антисемитской дискриминации по отношению к синагоге и десяткам тысяч евреев, проживавших после войны в Грузии. Не обнаруживался прозелитизм в среде григорианских христианских армян и мусульманских азербайджанцев. Эти поиски имели под собой основу в виде разведывательной информации, которая сообщала о массовом сотрудничестве с немцами во время войны даже после раскрытия реальных гитлеровских планов. Отмечалось, что все религиозные

общины помогали фронту из гуманных и патриотических побуждений. Политической мотивации и стремления установления советской власти при этом также не наблюдалось. В Грузии царил квазисвобода религии, при которой государство и церковь достигли взаимного невмешательства. В отчёте по религиозной обстановке в Грузии мы обнаруживаем поиски американской разведки экономической неудовлетворённости социальных групп, связанных с церковными организациями. Данный вывод подтверждается упоминанием отсутствия финансовой помощи со стороны государства. Социальная напряжённость фиксировалась невозможностью посещать религиозные службы членам партии. Приводился пример об отце, который будучи партийным работником, не мог отпеть и похоронить своего ребёнка. В результате его писем в различные государственные и партийные инстанции он был исключён [9, р. 1-2].

Искало ЦРУ также недовольство в Латвии. Тщательно классифицируя разнообразные представительства протестантских конфессий, приводилась цифра в 5 процентов латвийских лютеран из «так называемых балтов», которых репатриировали во время Второй мировой войны. Отмечалось, что в большей степени от этой политики пострадали латыши среднего класса из богатых районов и городов. Несколько протестантских священников были арестованы за связи с партизанами и антисоветскую пропаганду. В результате особенно в лютеранских церквях не хватало пасторов. Также в Латвии ЦРУ фиксировало выборочную религиозную политику советских властей, которые пытались оградить от походов в церкви трудовое население и молодёжь. Для этого в воскресенье устраивались общественные работы в парках и на заводских территориях. Дети во время церковных служб с 10:00 до 14:00 принуждались к обязательному посещению спектаклей, кинотеатров, спортивных соревнований, репетиций, кружков и другому. За посещением следила администрация школы, которая в случае пропусков применяла дисциплинарные меры. В результате ЦРУ отмечало сильную атеистичность и огромную энергию в продвижении коммунистического движения в молодёжной среде. Традиционных конкретных примеров, взятых, как правило, из

советской прессы, американские специалисты не приводили. К женщинам-прихожанам власти относились терпимо, а посещение церкви молодыми людьми и мужчинами воспринималось как свидетельство антикоммунистических взглядов. Американские специалисты делали вывод о том, что всё трудовое население не чувствовало себя в безопасности после походов в религиозные учреждения. ЦРУ также как и в Грузии стремилось найти противоречия между общинами по экономическому признаку. Приводился пример о том, что православная церковь получает субсидии от приходов из России, в то время как лютеранские и католические церкви существовали за счёт местных пожертвований. Положение последних усугублялось пропагандой о колобарационных связях священников с немцами во время войны. В целом образ католической церкви в Латвийской ССР формировался в качестве непримиримого врага. В этом регионе ЦРУ отмечало также двоякую политику советских властей, которые с одной стороны использовали церковный авторитет всех конфессий на международных конференциях, а с другой продолжали проводить информационную линию в прессе и литературе против существования Бога. Влиятельным и умиротворяющим пропагандистским шагом являлась реставрация знаменитой церкви Святого Петра в Риге [10, р. 1-2].

В меньшей степени американскую разведку волновал мусульманский вопрос в СССР. ЦРУ было известно, что делами ислама и другими конфессиями занимался Совет по делам религиозных культов. Известно им было и о подотчётности его сначала МГБ, а потом КГБ. В отличие от Совета по делам РПЦ, американцы не знали руководителя этой организации. Но зато американские аналитики были уверены в том, что в исламских духовных семинариях и среди паломников, отправляющихся в Мекку, несомненно, есть агенты-информаторы. В противном случае, санкцию на паломничество, по мнению американских специалистов, не дали. Сам факт разрешения посещать мусульманам святыне места, по мнению авторов отчёта, является собой акт внешней пропаганды, а не внутренней. Это подтверждается отсутствием упоминаний паломничества на страницах газет.

Подобное разрешение стало своего рода пряником в руках советских властей, которые также с лёгкостью могли запрещать поездки под предлогом гуманитарной нестабильности, как это было в 1947 году. Тогда из-за эпидемии холеры паломничество было отменено, а вместо этого был проведён конгресс мусульман в Ташкенте. ЦРУ анализировало роспуск мусульманских организаций в Туркестане, Крыму и на Кавказе. Власти запрещали религиозную литературу, арабский язык и облагали налогами религиозных деятелей. Множество мечетей были преобразованы в магазины и лекционные залы. Чистки среди мусульманского населения проводились по обвинению в троцкизме и связям с немцами. В целом американская разведка делала вывод об уверенности большинством мусульман в нарушениях обещаний лично Сталиным и неуважении к исламским канонам. ЦРУ в связи с этим, на наш взгляд поспешно, делало вывод о широкой социальной группе убеждённых антикоммунистов в мусульманской среде [11, р. 1-2].

Мы обнаруживаем большое количество документов ЦРУ по внешнеполитическим связям церкви. Эти документы можно разделить на три группы. Первые представляют собой анализ произошедших или потенциальных проявлений советской внешней политики по церковным каналам. Вторые короткие рапорты фиксируют конкретные действия советских священнослужителей. Третья группа представлена аналитическими отчётами религиозной обстановки в конкретной стране или регионе. Большее количество документов касается Ближнего востока. Опираясь на газетные статьи еврейского журналиста Диноса Куцоумиса, научные публикации профессора Афинского университета профессора К.Даскалакиса и агентурные донесения, ЦРУ делало вывод о попытках Советского союза проникнуть в ряды Греческой православной церкви, а через неё в другие региональные церкви. К 1952 году Антиохский патриархат был полностью подчинён Русской православной церкви, и следующим на пути был Иерусалимский. Общие выводы аналитиков ЦРУ сводились к тому, что советские усилия в целом сводились к восстановлению старого царского русского престижа и прозелитизации греческих и арабских

священнослужителей советским взглядам. Напрямую в аналитических справках не выделяются основные механизмы советской церковной экспансии, но их можно выделить из общего контекста. В первую очередь налаживание комплиментарности Русской православной церкви и СССР достигается по средствам приглашения официальных представителей зарубежных церквей на различные церемонии и конференции. Далее религиозным лидерам обещают вернуть их экспроприированную собственность. Следующим этапом является строительство и реставрация на советские средства храмов и монастырей на Ближнем востоке. Восстановленные храмы часто комплектовались специально высланными из Москвы монахами и священнослужителями. Воссоздание палестинского общества являло собой прямое влияние на внутренние процессы. Его зависимые от СССР представители напрямую стали ходить по домам арабских православных, оказывая им материальную и медицинскую помощь. ЦРУ были известны первые шаги по провозглашению Арабской православной церкви. По мнению американской разведки, ускоряла процесс попадания под влияние Москвы бедность ближневосточных православных общин, соглашающихся на формальные и неформальные связи за прямое денежное влияние. В распоряжении ЦРУ была информация о путешествии советских священников, предполагаемых бывших членов Коммунистической партии, по Палестине. Они посещали различные храмы, помогая монахам и разговаривая с ними о продолжении взаимодействия с Россией. Американские аналитики пытались найти доказательства того, что внешние проявления РПЦ не являются собственной и независимой политикой. Например, возвращение двух церквей в юрисдикцию Антиохийского патриархата одновременно с назначением нового посла в Дамаск и Бейрут Даниила Солова. В связи с этим, ЦРУ делает вывод о том, что стратегия и тактика инфильтрационных работ Русской православной церкви формулировалась в Министерстве иностранных дел. Ослабление Вселенского патриархата в Стамбуле усиливалось проникновением на Ближний Восток богатой католической церкви. Выводов и рекомендаций по использованию столкновения

трёх крупнейших религиозных сил в регионе нам обнаружить не удалось [12, р. 1-2].

Среди мирян распространялись публикации обращений Сталина к верующим. В них до населения доносились обещания советского руководства и советских церквей о доброжелательных целях мира, помощи угнетённым народам, свободе и честности намерений. Через церковных агентов влияния СССР распространяло информацию о внутреннем самоуправлении, как среди христианских общин, так и среди мусульман. Американская разведка идентифицировала политику СССР по отделению церкви от государства. Причём ЦРУ замечало, что в странах с крепкими традиционалистскими и религиозными устоями советская разведка через религиозных деятелей на первоначальном этапе предлагала брать установку на свободу вероисповедания, что позволяло ослабить позиции доминирующей конфессии в регионе. На примере Алжира, американские аналитики прослеживали борьбу за установление светского государства, стремясь тем самым также нанести удар французским колониальным властям [13, р. 1-7].

Подобная политика проводилась в странах социалистического блока. Так как религиозная обстановка в странах Восточной Европы выходит за рамки исследования, мы остановимся лишь на проявлении советского влияния в этих государствах. В Албании оказывалась финансовая помощь мусульманам. Русская православная церковь стремилась к усилению независимости и провозглашению автокефалии в Польше. В официальной прессе сателлитов ЦРУ находило беспокоящие их пропагандистские идеи об общих началах коммунизма в СССР с христианскими ценностями. В связи с этим американцы искали и непримиримые тезисы в этом ключе. ЦРУ рассматривало некий мост влияния через Ватикан в Польшу, а затем в СССР. Желание Католической церкви вернуть идеологически мир в Средние века, в которых господство светской власти ограничивалось социально-экономическим и политическим характером, а власть Папы распространялась на все человеческие души. Американская разведка наблюдала выгоду католической церкви для собственной власти в экономическом и политическом влиянии США.

Аналитики ЦРУ подчёркивали, что польская церковь занимает нейтральную позицию только официально, но на деле она сильно связана с эмигрантскими католическими и националистическими кругами. С помощью этих сил ЦРУ планировало противодействовать в Восточной Европе советскому влиянию. Американская разведка искала недовольство среди населения проводимой религиозной политикой с подачи Москвы в Чехословакии. Фиксировалось аресты священнослужителей и закрытие в 1951 году монастырей, принадлежавших францисканцам, иезуитам, доминиканцам и другим. В отличие от Польши, в Чехословакии Русская православная церковь стремилась к русификации. Здесь снова встречается заметка о сходстве новой советской внешней политики со старым русским империализмом. Наибольшая угроза для восточной Словакии со стороны СССР, по мнению аналитиков ЦРУ, заключалась в территориальном прикреплении к Украинской ССР. Под идеологическое и религиозное влияние этот регион к началу 1950-х годов уже попал полностью. Лёгкость, с которой православные и протестантские общины попадали под советское влияние, видела ЦРУ в нахождении глав этих организаций на территории государств Восточной Европы, что делало их зависимыми и управляемыми. Это подталкивало американскую разведку к сближению с Ватиканом против советской церковной и политической экспансии. После раскола между Сталиным и Тито ЦРУ с особым вниманием следило за ситуацией в Югославии. Конфликт не означал отхода югославских властей от коммунистической идеологии, но отменял полностью советское влияние, в том числе по церковным каналам. В связи с этим американцы планировали и собственное проникновение через религиозную среду, как самую неудовлетворённую существующим политическим режимом и сложившейся социально-экономической обстановкой [14, р. 1-8].

Особое внимание ЦРУ уделяло Армянской апостольской церкви. Патриарх Геворг VI, по мнению американских специалистов, являлся узником СССР и получал прямые указания из Москвы. Эчмиадзин через своих представителей оказывал влияние на епархиальные и попечительские советы, церковные

дирекции, а также на министерство иностранных дел Ирана. Но в большей степени опасения ЦРУ вызывало проникновение через армянские общины в США. Американская разведка располагала данными о возмущениях прихожан армянской церкви в Калифорнии. В отчёте приводится их негодование «службой священников на ЧК», а также распространение советских газет и литературы. Документы, касающиеся армянской церкви, предполагались в отличие от многих других для передачи в ФБР. Таким образом, церковный вопрос в СССР в данный период затрагивал и контрразведывательные цели. ЦРУ искало факты для дискредитации религиозной обстановки в Армении. В одном из отчётов приводится, базирующийся на слухах, случай в близлежащей к Ленинану сельской школе. По нему партийные работники вместе с учителями проводили политику по обожествлению Сталина. Детей просили вслух молиться во славу вождя, в результате чего из специального люка в кабинет падал хлеб. В отличие от других сфер советской жизни, нам не удаётся обнаружить документов с рекомендацией по возможным газетным заголовкам, в которых в негативном свете отображалась бы религиозная обстановка в СССР [15, р. 1-5].

Изучив оценку Центральным Разведывательным управлением церкви в СССР, мы идентифицировали несколько направлений, ушедших от внимания американских специалистов. В рапортах мы не находим информации по взаимодействию Совета по делам РПЦ и региональных исполкомов, трудностям с открытием заводов по изготовлению свечей, освобождение от военной службы для священников, о коррупции уполномоченных по делам церкви. ЦРУ не интересовали буддисты и другие малые религиозные группы в СССР. Документы по религиозному вопросу в Корее и Китае не дают нам сведения о советском проникновении по церковным каналам. По информации, которая отражалась в рапортах американской разведки, можно сделать вывод, что о внутренних процессах внутри СССР ЦРУ в преобладающей

степени узнавало из официальных источников. Американская разведка знала о советской пропаганде, в которой культивировалась информация о более ста тысяч религиозных предрассудков, гадалок и ясновидящих в США. В учебных заведениях открыто давались лекции по темам «Описание небесных жителей», «Религиозная жизнь медиумов», и другие, в то время как лекции по дарвинизму были запрещены более чем в 20 штатах. На обвинения в обскурантизме и клерикализме ЦРУ искало информацию о несвободе вероисповедания в СССР, гонениям на церковь и атеизации всего общества. Американские специалисты стремились использовать результаты своего анализа для стратегирования психологической войны.

Социально-экономическая и политическая неудовлетворённость людей в СССР и формирующемся социалистическом блоке должна была быть дополнена и нагнетена духовной несвободой. Информация по деятельности советских церквей за рубежом использовалась для планирования тайных операций ЦРУ, а также для большей осведомлённости ФБР, как главной контрразведывательной организации США. Рекомендации в этом вопросе планировалось распространять среди либеральных и националистических правительств других стран. Двойственная религиозная политика советских властей и послевоенное укрепление позиций Русской православной церкви тревожили американскую разведку. Урегулирование противоречий между институтом государства и церкви увеличивало военно-политический потенциал СССР. Поэтому ЦРУ искало и находило непримиримые стороны советского руководства и коммунистической партии с одной стороны, церкви и верующих с другой. Найденные уязвимые стороны дополняли комплекс известных американской разведке слабостей основного противника в начавшемся противостоянии. Таким образом, религиозный вопрос становился одним из главных направлений наравне с военным, социально-экономическим, политическим и культурным в Холодной войне уже на начальном её этапе.

Список литературы

1. Ивашев А.А. Американская стратегия психологической войны против СССР на начальном этапе Холодной войны (1946-1947), автореферат, Краснодар, 2007. 25 с.

2. Суржик Д.В., Перевод рассекреченного доклада «Отмена «Дела врачей» и его ближайшие следствия» проекта «Цезарь» ЦРУ США // Новые источники и источниковедение, Москва, 2017. №2 (7)-3(8), С.73-79.
3. Левент Й., Документы ЦРУ 1947-1958 гг. о послевоенной советской молодежи // Молодой исследователь Дона. 2019. №4 (19). С. 141-144.
4. Council for affairs of the Russian Orthodox Church. Report. CIA Library. Langley (Virginia). CIA-RDP82-00457R000500330003-1. 22 April 1947. P. 1.
5. Russian Orthodox Church Personalities. Report. CIA Library. Langley (Virginia). CIA-RDP82-00457R000600370006-3. 2 June 1947. P. 1-3
6. Political, sociological – education of clergy. Report. CIA Library. Langley (Virginia). Langley (Virginia). CIA-RDP80-00809A000700030395-9. 11 December 1951. P. 1-3.
7. Russian Orthodox Church in the Ukraine. Report. CIA Library. Langley (Virginia). Langley (Virginia). CIA-RDP82-00457R014500220012-8. 24 October 1952. P. 1-2.
8. Status of religion in the Soviet Union. Report. CIA Library. Langley (Virginia). Langley (Virginia). CIA-RDP81-01030R000100400008-8. 18 February 1953. P. 1-9.
9. Religion in the Georgian SSR. Report. CIA Library. Langley (Virginia). Langley (Virginia). CIA-RDP82-00046R000300060008-4. 24 November 1953. P. 1-2.
10. Religion in the Latvian SSR. Report. CIA Library. Langley (Virginia). CIA-RDP83-00415R009200040003-2. 17 October 1951. P. 1-2.
11. Mistreatment of USSR Moslems revealed by Soviet pilgrims. Report. CIA Library. Langley (Virginia). CIA-RDP80-00809A000700150232-6. 3 December 1953. P. 1-2.
12. Greek Orthodox Church activities in the near and Middle East. Report. CIA Library. Langley (Virginia). CIA-RDP80-00809A000700210024-7. 27 February 1952. P. 1-5.
13. Algerian Moslem cult question unresolved: appeals by communists. Report. CIA Library. Langley (Virginia). CIA-RDP80-00809A000700210196-7. 17 March 1953. P. 1-7.
14. Status of the Church in the Czechoslovakia. Report. CIA Library. Langley (Virginia). CIA-RDP80-00810A002000010005-3. 11 August 1953. P. 1-8.
15. USSR attempt at control of Armenian Church in the Iran; Armenian church severs relations with prelacy. Report. CIA Library. Langley (Virginia). CIA-RDP82-00039R000100160036-5. 18 March 1953. P. 1-5.

CHURCH IN THE USSR IN CIA ASSESSMENTS AT THE INITIAL STAGE OF THE COLD WAR

The study is devoted to the analytical activities of the Central Intelligence Agency on church issues in the USSR. The article identifies the main aspects of the state and activities of the Soviet church institute in the estimates of American intelligence. The CIA was interested in the situation of various faiths within the USSR, as well as their interaction with official state bodies. Particularly thorough analysis was made of the foreign policy contacts of the Russian Orthodox Church. The CIA tried to determine the influence of the Soviet authorities through church relations on other states. Traditionally, American intelligence has looked for the vulnerable sides of the USSR. The conclusions of American experts on church issues in the USSR became the basis for the formation of tactics and strategies of foreign policy of US government bodies. The CIA used the intelligence it received to plan its covert operations. An analysis of the church ties of the USSR made it possible to predict potential US weaknesses for formulating counterintelligence recommendations and actions. The discontent of various segments of the population, both in the USSR and in the Socialist bloc, made it possible to act more effectively within the framework of psychological warfare in the future. At the initial stage of the Cold War, American intelligence accumulated and analyzed basic intelligence information on this issue.

Keywords: CIA, USSR, Russian Orthodox Church, American Intelligence, Cold War, church issue.

References

1. Ivashev A.A. Amerikanskaya strategiya psihologicheskoy vojny protiv SSSR na nachal'nom etape Holodnoj vojny (1946-1947), avtoreferat, Krasnodar, 2007. 25 s.
2. Surzhik D.V., Perevod rassekrechennogo doklada «Otmena «Dela vrachej» i ego blizhajshie sledstviya» proekta «Cezar'» CRU SSHA // Novye istochniki i istochnikovedenie, Moskva, 2017. №2 (7)-3(8), S.73-79.
3. Levent J., Dokumenty CRU 1947-1958 gg. o poslevoennoj sovetskoj molodezhi // Molodoj

issledovatel' Dona. 2019. №4 (19). S. 141-144.

4. Council for affairs of the Russian Orthodox Church. Report. CIA Library. Langley (Virginia). CIA-RDP82-00457R000500330003-1. 22 April 1947. P. 1.

5. Russian Orthodox Church Personalities. Report. CIA Library. Langley (Virginia). CIA-RDP82-00457R000600370006-3. 2 June 1947. P. 1-3

6. Political, sociological – education of clergy. Report. CIA Library. Langley (Virginia). Langley (Virginia). CIA-RDP80-00809A000700030395-9. 11 December 1951. P. 1-3.

7. Russian Orthodox Church in the Ukraine. Report. CIA Library. Langley (Virginia). Langley (Virginia). CIA-RDP82-00457R014500220012-8. 24 October 1952. P. 1-2.

8. Status of religion in the Soviet Union. Report. CIA Library. Langley (Virginia). Langley (Virginia). CIA-RDP81-01030R000100400008-8. 18 February 1953. P. 1-9.

9. Religion in the Georgian SSR. Report. CIA Library. Langley (Virginia). Langley (Virginia). CIA-RDP82-00046R000300060008-4. 24 November 1953. P. 1-2.

10. Religion in the Latvian SSR. Report. CIA Library. Langley (Virginia). CIA-RDP83-00415R009200040003-2. 17 October 1951. P. 1-2.

11. Mistreatment of USSR Moslems revealed by Soviet pilgrims. Report. CIA Library. Langley (Virginia). CIA-RDP80-00809A000700150232-6. 3 December 1953. P. 1-2.

12. Greek Orthodox Church activities in the near and Middle East. Report. CIA Library. Langley (Virginia). CIA-RDP80-00809A000700210024-7. 27 February 1952. P. 1-5.

13. Algerian Moslem cult question unresolved: appeals by communists. Report. CIA Library. Langley (Virginia). CIA-RDP80-00809A000700210196-7. 17 March 1953. P. 1-7.

14. Status of the Church in the Czechoslovakia. Report. CIA Library. Langley (Virginia). CIA-RDP80-00810A002000010005-3. 11 August 1953. P. 1-8.

15. USSR attempt at control of Armenian Church in the Iran; Armenian church severs relations with prelacy. Report. CIA Library. Langley (Virginia). CIA-RDP82-00039R000100160036-5. 18 March 1953. P. 1-5.

Об авторе

Мамедов Заур Ималверди оглы – магистр социально-политической истории, аспирант кафедры всеобщей истории, права и методики обучения, Самарский государственный социально-педагогический университет (Россия), E-mail: Mamedov.zaur.1993gmail.com

Mamedov Zaur Imalverdi oglu - Master of Social and Political History, Postgraduate Student, Department of World History, Law and Methods of Education, Samara State Social and Pedagogical University (Russia), E-mail: Mamedov.zaur.1993gmail.com

Марченков Р. Р., аспирант, Брянский государственный университет имени академика И.Г.Петровского (Россия)

ОСОБЕННОСТИ СИСТЕМЫ ГРАЖДАНСКО-ВОЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Приведенная статья освещает особенности сложившейся в Великобритании системы гражданско-военных отношений в период Второй мировой войны. Благодаря ретроспективе проводится параллель между историческими событиями и отношениями армейских кругов с истеблишментом Соединенного Королевства. Кроме того, акцентируется внимание на роле личностного фактора в рассматриваемом вопросе.

Ключевые слова: Вторая мировая война, гражданско-военные отношения, Великобритания, личностный фактор, гражданский контроль.

DOI: 10.22281/2413-9912-2020-04-02-84-89

Взгляд на Великобританию с точки зрения военной и политической компоненты в контексте Второй мировой войны в настоящее время находится в поле зрения отечественной историографии. В этой связи выделяются исследования проведенные в этой области А.В.Ражевым [11], К.Б.Петуниным [9], И.Э.Магадеевым [4], посвященные британским Вооруженным силам и военной политике королевства в межвоенный период. Что касается непосредственно периода Второй мировой войны, то фокус внимания отечественной исторической школы в последнее время был сосредоточен на проблеме участия британских доминионов в войне. Данный аспект освещают Ю.Н.Мостяев [6] и А.Н.Учаев [13], рассматривая состояние вооруженных сил Индии и Канады, а также их участие во Второй мировой войне. Ю.Н.Мостяев, в частности, затрагивает проблему особенностей развития офицерского корпуса колониальной армии. Ранее интерес к колониальному направлению проявлял А.Г.Чевтаев [14]. Значительную часть в отечественной историографии Великобритании периода Второй мировой войны занимают исследования политической составляющей. Так, С.С.Бизюкин одним из первых затронул военно-стратегические аспекты политики Великобритании [2]. Рассматривая вопросы британской стратегии «баланса сил», Е.В.Михайлова отметила стремление королевства к роле европейского арбитра [8]. При этом, как видится, военная и политическая элита Великобритании и ее стратегическое видение должны рассматриваться вкуче. Данное обстоятельство обуславливается тесным переплетением гражданского и военного руководства

страны. В этой связи представляется важным рассмотреть особенности гражданско-военных отношений в королевстве. Погружение в данную плоскость позволит заложить фундамент для последующих исследований военно-политического руководства, динамики стратегической мысли и вооруженных сил Соединенного Королевства в целом. Наряду с этим немаловажным является и то, что военный период с точки зрения ретроспективы наглядно демонстрирует сопряжение двух сфер - политики и армии.

Вывод оптимальной формулы взаимодействия гражданского и военного сегментов государства в западном исследовательском сообществе занимает весомую нишу в научном пространстве. Классическим исследованием является работа С.Хантингтона «Солдат и государство». Исследователь в качестве сбалансированной модели рассматривает такую систему, при которой гражданские силы (правительство, парламент, некоторые государственные агентства) получают главенство в политическом курсе и стратегии, а военное звено при этом должно быть независимо в вопросах тактики и военного искусства [20, р. 80-85].

Значительную научную работу по данной проблематике проделал отечественный исследователь С.Л.Печуров, отметивший, что в Великобритании длительные попытки вовлечения вооруженных сил в политическую борьбу завершились в XIX веке обеспечением верховенства парламента во всех основных вопросах развития Вооруженных сил и подготовки офицерских кадров. Указанная англо-саксонская модель управления вооруженными силами сформировала офицерство как отдельную социальную группу

[10, с. 7-8]. Автор отмечает определенную прагматичность британской системы, в соответствии с которой военные плановики были лишь косвенно связаны с экономикой, социальными и административными проблемами, а весь этот комплекс вопросов передан для решения специализированным гражданским структурам, обеспечивающим всем необходимым английских военных [10, с. 27-28]. В русле данного курса следует рассматривать в том числе и образование Министерства авиационной промышленности Великобритании из Министерства авиации в начале Второй мировой войны [3, с. 119-120].

Важное место в системе гражданского контроля играл британский парламент. Озабоченность гражданских функционеров затрагивала непосредственно сферу деятельности военных. Так, 23 апреля 1941 года в ходе заседания парламента был поднят вопрос о целесообразности посещения старшим офицерским составом передовой без «надлежащей защиты» ввиду угрозы захвата в плен. Несмотря на то что данное замечание не возымело эффекта, оно характеризует стремление некоторых представителей законодательного органа к нормативному регулированию определенных аспектов деятельности военных [16]. Также некоторые сомнения высказывались 19 июня 1941 года касательно целесообразности наличия трех военных министерств (Адмиралтейство, Министерство авиации и Военное ведомство) вместо создания единой структуры [17].

В то же время парламент Соединенного Королевства, принимая активное участие в обсуждении военных вопросов, все-таки представлял собой слишком широкий круг лиц, чтобы обладать полной картиной происходящего. В этой связи циркуляция секретных сведений закономерно ограничивалась. Так, в рамках разграничения сфер деятельности Министерства информации и Управления спецопераций в информационном пространстве в 1940 году встал вопрос о том, какие моменты позволительно обсуждать в парламенте, а какие нет [5, 138-139]. В этой связи на первый план выходит основной политико-формирующий орган Великобритании - Военный кабинет (усеченный состав правительства). Коалиционный состав которого, как представляется, облегчал взаимодействие с

парламентом, но в полной мере не отменял необходимости учета его мнения. В целом же, отмечает С.Л.Печуров, разногласия внутри правительства Черчилля никогда не становились достоянием общественности, что подчеркивают исследователи гражданско-военных отношений в рамках функционирования англо-саксонской модели военного управления [10, 105].

В контексте рассмотрения военно-гражданских отношений С.Хантингтон выделял в лучшую сторону английский Комитет начальников штабов в годы Второй мировой войны. Взгляд британского генералитета на войну с военной точки зрения отличался от видения ситуации правительством, взиравшим с политического ракурса. В то же время как «хорошие военные» они поддерживали решения военно-политического руководства, даже несмотря на не согласие со взглядами последнего. Хантингтон, оценивая сложившуюся систему с точки зрения американских военных, констатирует наличие в ней как плюсов, так и минусов. К недостаткам американцы относили ограниченную роль своих английских коллег. При этом в качестве достоинств признавалась отличная координация, созданная благодаря британской системе гражданского контроля. По крайней мере, британские военные всегда знали политический курс правительства. С американской стороны в этом плане существовала путаница, в связи с чем иногда американские военные стремились сделать полезные заимствования из британской системы [20, 328 -329].

Однако прежде чем оценить позицию Хантингтона о положительном примере гражданско-военных отношений в Великобритании представляется целесообразным рассмотреть опыт греческой кампании 1941 года. Данный эпизод способен продемонстрировать причинно-следственную связь между доминированием правительства над армейскими лидерами и результативностью общего дела. Один из генералов Вермахта Фридрих Вильгельм фон Меллентин в этом плане выражал недоумение отправкой британских сил в Грецию, считая из всех британских инициатив во время войны данный шаг наименее оправданным. По его мнению, греки, несмотря на успехи в Албании, не могли противостоять полномасштабному

наступлению германской армии. В свою очередь, британские войска, направленные им на помощь, лишали Великобританию возможности захватить Триполи и были «всего лишь каплей в море по стандартам континентальной войны». В завершение он задается вопросом: «Неужели английские военные лидеры могли всерьез надеяться, что четыре дивизии стран Содружества смогут оказать сколько-нибудь длительное сопротивление практически неограниченным ресурсам Вермахта» [7, 46]. Следует заметить, что британские силы в начале 1941 года успешно развивали наступление в Северной Африке, имея высокие шансы на сокрушение итальянского присутствия в регионе. В этой связи инициатива по открытию еще одного фронта в Греции требовала распыления британских сил и средств, в первую очередь за счет ближневосточных и североафриканских подразделений. В качестве главного идеолога и проводника указанной идеи западные авторы выделяют У.Черчилля, в вину которому тем самым часто ставится саботирование африканской кампании [18, 119] [22, 83-85]. При этом на вопрос отправки войск в Грецию мнения политического истеблишмента и ряда военных деятелей расходились. Так, первые, мысля политическими категориями, полагали, что данный шаг является неизбежным следствием взятых Соединенным Королевством на себя обязательств в 1939 году по защите греческого государства. Для международного авторитета Лондону важно было показать, что Британия выполняет свои обязательства и не намерена действовать по «мюнхенскому сценарию» [22, 83-85]. Особо английские исследователи делают акцент на том, что посредством поддержки Греции Британская империя демонстрировала нейтральному Вашингтону сигнал о своей решимости вести активную борьбу [18, 119] [22, 67-68]. Следует помнить о свежести на тот момент у международного сообщества памяти о «Мюнхене», «странной войне» в разгар польской кампании и о потоплении Великобританией кораблей бывшей союзницы - Франции. На фоне вышеперечисленного «греческий эксперимент» в какой-то степени добавлял вес «английскому слову». В то же время состояние Великобритании в рассматриваемый период, вряд ли, можно считать подходящим

для гонки за политической выгодой в ущерб военному делу. Как было указано выше, оппозицию У.Черчиллю в этом вопросе представляли некоторые военные деятели, к числу которых относятся начальник оперативного управления британского Генерального штаба Кеннеди, главнокомандующий британскими войсками в Северной Африке и на Ближнем Востоке Уэйвелл, а также занимавший на тот момент пост начальника имперского Генштаба Дилл. С целью зондирования возможностей отправки войск в Грецию и при необходимости оказания воздействия в этой связи на Уэйвелла в ставку последнего был направлен глава внешнеполитического ведомства Иден, который дал Уэйвеллу понять, что Британия должна выполнить свое обещание помочь Греции. Миссия Идена в конечном итоге увенчалась успехом. В пользу плана высказались также и члены Кабинета министров. Помимо прочего, сторонникам указанной идеи удалось заручиться и поддержкой премьер-министра Австралии Роберта Мензиса. Так, 7 марта 1941 года по данному вопросу Кабинетом министров было принято положительное решение. Только в последствии в своих мемуарах и письмах британские генералы отмечают свое несогласие с отправкой войск в Грецию и нецелесообразность данного шага. Глава имперского Генштаба А.Брук отмечал, что он всегда считал Грецию «стратегической ошибкой». Командующий Британским экспедиционным корпусом в Греции Вильсон в письме своей жене, подводя итог греческой кампании, писал, что «политические соображения взяли верх над военными и ввели нас в авантюру» [22, 67-68].

Несмотря на то что Великобритания, как отмечает У.Рид, набрала политические очки в глазах президента Соединенных Штатов Рузвельта [22, 67-68], североафриканский успех был привнесен на алтарь жертвы политическим мотивам, а кампания обернулась военным провалом. При этом британский генералитет, не заняв принципиальную отрицательную позицию по поводу данной акции, подтвердил свою «вторичность», а также с негативной стороны охарактеризовал себя. Что касается Дилла и Уэйвелла, то греческая кампания стала для них поворотной точкой, вылившейся в результате последующей

череды событий в смещение с занимаемых постов и назначение на другие должности [21,80] [18, 133].

Создание органов стратегического управления, которые объединяли политических и военных руководителей для решения стратегических вопросов, характерно и для Великобритании. Так, в 1902 г. в Соединенном Королевстве был сформирован Комитет имперской обороны в качестве вспомогательного органа при кабинете министров, выполняющего консультативные функции. В последующем эволюция системы вылилась в формирование уже упомянутого Военного кабинета, членами которого являлись главы ведомств, имеющие непосредственное отношение к войне. На все заседания кабинета приглашались и начальники штабов видов Вооруженных сил. В период Второй мировой войны У.Черчилль, возглавив коалиционное правительство, несмотря на настойчивые рекомендации своего главного советника Мориса Хэнка, отказался от идеи формирования подобной структуры в рамках кабинета. Выведя из его состава видовых министров, он возложил на себя всю ответственность за руководство войной, сославшись при этом на свой личный богатый военный опыт [10, 105].

Разбалансировку гражданско-военных отношений в Соединенном Королевстве во многом можно увязать с личностным фактором У.Черчилля. Фигура главы правительства является ярким примером общего военно-политического руководства королевства, для которого характерно соприкосновение с военной составляющей. Речь идет о наличии боевого опыта, полученного, в частности во время англо-бурской войны (У.Черчилль) [1, 40-48], Первой мировой войны (К.Эттли [24, 53-54], Э.Иден [12, 12-13]), у ряда членов кабинета министров. Однако не следует приравнивать имеющийся у них боевой опыт и навыки руководства в военное время (применительно к первому лорду Адмиралтейства в годы Великой войны У.Черчиллю [1, 86]) к имеющимся знаниям в данном вопросе у профессиональных военных, в особенности у Комитета начальников штабов. Акцент на необходимости профессиональной компетенции военных в своей работе делает и Хантингтон [20, 8-14]. Безусловно, данное условие представляется главной составляющей для

качественной деятельности. В то же время при сильном склонении чаши весов в сторону гражданского сегмента общее состояние системы отношений будет завесить и от профессионализма гражданских как в общем плане, так и в военной сфере. И вновь в плане смещения фокуса внимания в данном вопросе на военный блок стоит обратиться к личностному фактору. В увязке с У.Черчиллем в данном плане следует выделить деятельность главы британского Генштаба А.Брука. Ввиду занимаемой должности он наиболее тесно был связан с военным курсом и лично с премьер-министром Черчиллем [19, 50-51]. При этом взаимодействие с главой кабинета министров не являлось легким. Так, свидетельством этому является сделанная А.Бруком в дневнике в сентябре 1944 года запись: «Три четверти населения Земли представляют Черчилля одним из тех, кто пишет историю, вторым герцогом Мальборо. Оставшаяся четверть даже не может представить, какой занозой он является и был на протяжении всей войны... Без него Англия была бы потеряна навсегда... С ним Англия раз за разом балансировала на краю пропасти» [15, 442]. Зарубежные исследователи сходятся во мнении, что у А.Брука важной и одновременно сложной задачей во время войны было удержание премьер-министра от опрометчивых действий с точки зрения военных [23, 31] [19, 50-51].

Возвращаясь к С.Хантингтону и его положительной оценке «соглашательства» британских военных с установками истеблишмента, можно выразить определенный скептицизм относительно его взглядов. Наряду с этим указанный автор в своей работе рекомендовал предоставить военным свободу действий в своей сфере [20, 83-85]. Как можно наблюдать, свобода действий военных была существенно ограничена гражданским контролем. Разбалансировка сложившейся в Великобритании системы гражданско-военных отношений в сторону гражданского сегмента в некотором роде способствовала военной дисфункции военной машины. Это определялось сложностью строгого разделения стратегии и тактики в военное время, пропорционально возрастающей необходимости наличия компетентных гражданских управленцев и опыте использования британских войск в греческой кампании 1941 года.

Список литературы

1. Бедарида Ф. Черчилль. Москва: Молодая гвардия, 2018.
2. Бизюкин С.С. Дальний Восток в оборонительной стратегии Великобритании в 1932-1939 гг.: диссертация кандидата исторических наук. Рязань, РГУ, 2007. 183 с.
3. Кингстон-Макклори Э.Дж. Руководство войной. Анализ роли политического руководства и высшего военного командования. М.: Издательство иностранной литературы, 1957.
4. Магадеев И.Э. Армия или полиция? Роль «колониального фактора» в развитии британской армии в 1920-е гг. Скепсис: научно-просветительский журнал. Апрель 2011 года. [Электронный ресурс]. URL: https://scepsis.net/library/id_3060.html (дата обращения: 30.03.2020).
5. Маккензи У. Секретная история УСО: Управление специальных операций в 1940—1945 гг. М.: АСТ: Транзиткнига, 2004.
6. Мостяев Ю.Н. Вклад Индии в общую победу союзников над странами "оси" в годы Второй мировой войны: 1939-1945 гг.: дис. канд. ист. наук. Рязань, РГУ, 2012. 273 с.
7. Меллентин Ф.В. Танковые сражения 1939-1945 гг.: Боевое применение танков во Второй мировой войне. М.: ИЛ, 1957.
8. Михайлова Е.В. Проблема баланса сил и место СССР во внешнеполитической стратегии Великобритании в Европе 1937-1941: дис. канд. ист. наук. Нижний Новгород, НГУ, 2003. 205 с.
9. Петунин К.Б. Военная политика Великобритании и модернизация танковых войск в 1920-1939 гг.: дис. канд. ист. наук. Калининград, БФУ, 2019. 277 с.
10. Печуров С.Л. Военные профессионалы в англо-саксонской модели управления вооруженными силами: История и современность. М: ЛЕНАНД, 2010.
11. Ражев А.В. Сухопутная армия Великобритании в 1935—1939 гг.: модернизация стратегии и политика умиротворения: дис. канд. ист. наук. Челябинск, УрФУ, 2013. 253 с.
12. Трухановский В.Г. Антони Иден: Страницы английской дипломатии, 30-50-е годы. М.: «Международные отношения», 1974.
13. Учаев А.Н. Вооруженные силы Канады во Второй мировой войне: управление, оснащение, участие в боевых действиях: диссертация доктора исторических наук. М., РЭУ, 2018. 547 с.
14. Чевтаев А.Г. Участие Австралии и Новой Зеландии во Второй мировой войне (1939-1941 гг.): дис. канд. ист. наук. Свердловск, УрГУ, 1967. 253 с.
15. Brooke A.F. War diaries, 1939-1945. London: Phoenix press, 2002.
16. Hansard. Parliamentary Debates. House of Commons. 23 April 1941 Vol. 371 Col. 160.
17. Hansard. Parliamentary Debates. House of Commons. 23 April 1941 Vol. 371 Col. 812.
18. Hastings M. Finest Years: Churchill as Warlord 1940-45. London: Harper Press, 2009.
19. Heathcote T.A. The British Field Marshals 1736-1997: A Biographical Dictionary. Barnsley: Pen & Sword Military, 2012.
20. Huntington S.P. The Soldier And The State. Cambridge, Massachusetts, London, England: The Belknap Press of Harvard University Press, 1957. Renewed 1985.
21. Keegan J. Churchill's Generals. New York: Grove Weidenfeld, 1991.
22. Reid W. Churchill 1940-1945: Under Friendly Fire. Edinburgh: Birlinn, 2011.
23. Rigby D. Allied master strategists: the Combined Chiefs of Staff in World War II. Annapolis: Naval Institute Press, 2012.
24. Schneer J. Ministers at war. Winston Churchill and his War Cabinet. London: Oneworld Publications, 2015.

FEATURES OF THE SYSTEM OF CIVIL-MILITARY RELATIONS IN THE UK DURING THE SECOND WORLD WAR

This article highlights the features of the current system of civil-military relations in the UK during the Second world war. The retrospective draws a parallel between historical events and the relationship between the army and the United Kingdom establishment. In addition, attention is focused on the role of the personal factor in the issue under consideration.
Keywords: World War II, civil-military relations, Great Britain, personal factor, civil control.

References

1. Bedarida F. Churchill. Moscow: Young Guard, 2018.
2. Bizyukin S.S. The far East in the UK's defensive strategy in 1932-1939: dissertation of the Candidate of Historical Sciences. Ryazan, RGU, 2007. 183 pages.
3. Kingston-McCloughry E.J. The direction of war; a critique of the political direction and high command in war. M.: Publishing house of foreign literature, 1957.
4. Magadeev I.E. The army or the police? The role of the "colonial factor" in the development of the British army in the 1920s Skepticism: a scientific and educational journal. April, 2011. [Electronic resource]. URL: https://scepsis.net/library/id_3060.html (contact date: 30.03.2020).
5. Mackenzie W. J. M. The secret history of SOE: Special Operations Executive, 1940-1945.: ACT: TransitBook, 2004.
6. Mostyaev Yu.N. India's contribution to the allied victory over the axis countries during World War II: 1939-1945: dis. candidate of historical sciences. Ryazan, RGU, 2012. 273 pages.
7. Mellentin F.V. Panzer battles 1939-1945: A study of the employment of armour in the Second world war. M.: SILT, 1957.
8. Mikhail E.V. The problem of the balance of power and the USSR's place in the UK's foreign policy strategy in Europe 1937-1941: dis. edging. ist. sciences. Nizhny Novgorod, NSU, 2003. 205 pages.
9. Petunin K.B. The Military policy of Great Britain and modernization of the armored in 1920-1939: dis. candidate of historical sciences. Kaliningrad, BFU, 2019. 277 pages.
10. Pechurov S.L. Military professionals in the Anglo-Saxon model of command and control of the armed forces. History and modernity. M: LENAND, 2010.
11. Rajev A.V. The Land Forces of Great Britain in the 1935—1939: modernization of strategy and policy of pacification: dis. edging. ist. sciences. Chelyabinsk, URFA, 2013. 253 pages.
12. Truhanovsky V.G. Antoni Eden: Pages of English diplomacy, 30s-50s. M.: "International Relations," 1974.
13. Yuchaev A.N. The Canadian armed forces in World war II: management, equipment, and participation in combat: dissertation of the doctor of historical Sciences. M, REU, 2018. 547 pages.
14. Chevtayev A.G. The Participation of Australia and New Zealand in World War II (1939-1941): dis. edging. ist. sciences. Sverdlovsk, USU, 1967. 253 pages.
15. Brooke A.F. War diaries, 1939-1945. London: Phoenix press, 2002.
16. Hansard. Parliamentary Debates. House of Commons. 23 April 1941 Vol. 371 Col. 160.
17. Hansard. Parliamentary Debates. House of Commons. 23 April 1941 Vol. 371 Col. 812.
18. Hastings M. Finest Years: Churchill as Warlord 1940-45. London: Harper Press, 2009.
19. Heathcote T.A. The British Field Marshals 1736-1997: A Biographical Dictionary. Barnsley: Pen & Sword Military, 2012.
20. Huntington S.P. The Soldier And The State. Cambridge, Massachusetts, London, England: The Belknap Press of Harvard University Press, 1957. Renewed 1985.
21. Keegan J. Churchill's Generals. New York: Grove Weidenfeld, 1991.
22. Reid W. Churchill 1940-1945: Under Friendly Fire. Edinburgh: Birlinn, 2011.
23. Rigby D. Allied master strategists: the Combined Chiefs of Staff in World War II. Annapolis: Naval Institute Press, 2012.
24. Schneer J. Ministers at war. Winston Churchill and his War Cabinet. London: Oneworld Publications, 2015.

Об авторе

Марченков Роман Робертович - аспирант кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета имени академика И.Г.Петровского (Россия), E-mail: rollan16@yandex.ru

Marchenkov Roman Robertovich - PhD student, Department of general history, international relations and international law of the Bryansk state university. acad. I.G. Petrovsky (Russia), E-mail: rollan16@yandex.ru

УДК 94(73)"1910/1919"+289.3

Прилуцкий В.В., доктор исторических наук, доцент, Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского (Россия).

ПОГРАНИЧНАЯ ВОЙНА (1910-1919 ГГ.) И АМЕРИКАНСКИЕ МОРМОНСКИЕ КОЛОНИИ В СЕВЕРНОЙ МЕКСИКЕ

В статье рассматривается влияние Пограничной войны 1910-1919 гг. между Мексикой и США на жизнь приграничных территорий. Одной из жертв конфликта стали несколько тысяч американских колонистов, обосновавшихся в конце XIX в. на севере Мексики с разрешения ее правительства. Поселенцы принадлежали к Церкви Иисуса Христа Святых последних дней (мормонам), которая обосновалась в середине XIX в. в западных штатах США. Одной из особенностей этой религиозной организации была вера в необходимость многоженства, как важного условия обретения полноты веры и спасения. Конгресс США принял в 1862 г., 1874 г., 1882 г. и 1887 г. законы, направленные против практики мормонской полигамии. Они заставили убежденных многоженцев (фундаменталистов) вместе семьями бежать в Северную Мексику. Ими были основаны более 10 процветающих колоний, наиболее крупными из которых являлись Колония Диас, Колония Хуарес и Колония Дублан. Однако бурные события Мексиканской революции 1910-1917 гг. и сопровождавший их пограничный конфликт между Мексикой и Америкой привели к уничтожению «мормонского оазиса». Рост антиамериканских настроений привел к рейдам мексиканских повстанцев на территорию США, а также к нападению на мормонов с целью их изгнания из страны. Большинство поселенцев бежали в США, а колонии в Чиуауа и Соноре пришли в упадок.

Ключевые слова: внешняя политика США, история американо-мексиканских отношений, американские интервенции в Мексику, Пограничная война 1910-1919 гг., Церковь Иисуса Христа Святых последних дней (мормоны), мормонские колонии в Мексике.

DOI: 10.22281/2413-9912-2020-04-02-90-94

Церковь Иисуса Христа Святых последних дней возникла в 1830 г. в восточных штатах США. Конфронтация с властями и местным населением способствовала миграции членов Церкви – мормонов на Дальний Запад. В 1847 г. мормоны начали переселение в Юту, которая стала центром их религиозного движения. Именно в Юте и на сопредельных территориях среди Святых последних дней получила широкое распространение практика полигамии. В 1874 г. пророк Бригам Янг (1801-1877) призвал к колонизации севера Мексики. В 1875-1877 гг. мормоны осуществили экспедиции с целью поиска наиболее пригодных мест для поселения и прозелитизма (миссионерской работы) [7, р. 38-43]. В 1875 г. вышел в свет частичный, а в 1886 г. – полный перевод на испанский язык «Книги Мормона», что способствовало присоединению к Церкви тысяч уроженцев Мексики [4]. В настоящее время (2020 г.) мормонами являются почти 1,5 млн. мексиканцев – второе место в мире по численности прихожан после США.

Угроза нападения воинственных индейцев из народа апачей не привела первоначально к созданию поселений на севере Мексики. Но в 1882 г. Конгресс США принял закон о запрете полигамии, по которому были

арестованы 1,3 тыс. мормонов-многоженцев в США. В результате президент Церкви Джон Тейлор в 1885 г. приобрел десятки тысяч акров земли в Мексике для организации убежища для около 400 Святых. Преимущественно это были многодетные семьи из Юты и Аризоны, «практиковавшие» многоженство. В 1885-1900 гг. были основаны 12 крупных и несколько мелких земледельческих колоний в пограничных мексиканских штатах Чиуауа и Сонора. В Мексике в результате осуществления плана мормонской колонизации появилась своя «маленькая Юта» [1]. Это было тяжелое испытание для переселенцев, но они с честью справились со всеми трудностями.

Колонии делились на 3 группы: 1) расположенные в Чиуауа на плато (Колония Диас (Colonia Díaz), Колония Хуарес (Colonia Juárez), Колония Дублан (Colonia Dublán)) и 2) в горах (Колония Пачеко (Colonia Pacheco), Кейв Велли (Cave Valley, Пещерная долина), Колония Чуйчупа (Colonia Chuichupa), Колония Гарсия (Colonia García, Round Valley, Круглая долина)), а также 3) в Соноре (Колония Оахака (Colonia Oaxaca), Колония Морелос (Colonia Morelos), Сан-Хосе (San José)). В 1897 г. на севере Мексики была построена железная дорога, которая прошла через мормонские колонии и облегчила ввоз и вывоз

товаров. Близость железной дороги, по которой осуществлялись поставки для американской армии, способствовала тому, что Колония Дублан во время интервенции 1916 г. стала местом нахождения штаба и базой экспедиционных сил США.

Поселения фермеров - мормонских пионеров находились на удалении не более 300 км. от американо-мексиканской границы. Американские колонисты-мормоны в конце XIX – начале XX вв. стали одной из самых больших этноконфессиональных групп в Северной Мексике. Англо-американцы старались в чужой стране сохранить свои традиции, язык, культуру, образ жизни и даже гражданство. Многие родившиеся дети не принимали гражданство Мексики, оставаясь, как и их родители, американскими гражданами. Иммигранты занимались овцеводством, скотоводством, птицеводством, выращивали пшеницу, пропашные культуры, орех пекан и фрукты (персики, яблоки). Колонии стали чрезвычайно успешными в экономическом отношении. Численность поселенцев к 1910-1912 гг. по некоторым оценкам достигла около 6 тыс. чел. [7, р. 250].

Одной из наиболее процветающих семей была Ромни, представители которой впоследствии достигли значимых успехов в бизнесе, политике и религиозной жизни Соединенных Штатов. Впервые в истории на президентских выборах 2012 г. мормон Уиллард Митт Ромни (род. 1947) являлся кандидатом на высший государственный пост, представляя Республиканскую партию. Его отец – известный бизнесмен-автомобилестроитель и политик Джордж Уилкен Ромни (1907-1995) родился в мормонской колонии на севере Мексики. Любопытно, что он пытался в 1967-1968 гг. выдвинуть свою кандидатуру в качестве претендента в президенты от республиканцев, но уступил Ричарду Никсону; в 1960–1970-е гг. занимал посты губернатора Мичигана и министра жилищного строительства и городского развития США.

В конце XIX – начале XX вв. в Мексике были предприняты несколько неудачных попыток организовать вооруженные восстания. В 1910 г. в стране началась настоящая революция, которая завершилась в основном в 1917 г. или 1920 г. Но гражданская война в Мексике продолжалась до второй половины

1930-х гг. Несколько членов мормонской общины ухаживали за получившими ранения в сражениях Мексиканской революции, которые проходили недалеко от их поселений в долине Касас-Грандес. За помощь раненым колонисты получили благодарность от революционного правительства.

Нестабильность и начавшийся политический хаос в Мексике привели к обострению обстановки на американо-мексиканской границе. В 1910 г. началась Пограничная война (известная в США также как «Мексиканская пограничная война» или «Пограничная (военная) кампания»), продолжавшаяся до 1919 г. Пограничная война 1910-1919 гг. выразилась в боевых столкновениях на границе с участием с обеих сторон местных ополченцев. В 1914 г. между США и Мексикой были разорваны дипломатические отношения. Боевые действия происходили в американо-мексиканском приграничном регионе. Революционные вооруженные формирования нередко использовали южный Техас как базу для вторжений на мексиканскую территорию. Повстанческие отряды из Мексики также переходили границу и нападали на приграничные американские поселения и гарнизоны. Повстанцы надеялись поднять восстание местного латиноамериканского и индейского населения и «освободить» юго-западные штаты, вновь вернув их в состав Мексики. Подобные рейды и набеги мексиканцев приобрели массовый характер в 1915-1919 гг. и вошли в историю как «бандитские войны». В марте 1916 г. революционный генерал Панчо Вилья (1878-1923), командовавший крестьянским партизанским отрядом, атаковал город Коламбус в штате Нью-Мексико. Погибли 17 американских граждан. В ответ правительство США в 1916-1917 гг. организовало карательную экспедицию по поимке Вильи. Экспедиционным корпусом, действовавшим на севере Мексики, командовал известный генерал Джон Першинг (1860-1948). В ходе боестолкновений с повстанцами и правительственными войсками экспедиционные силы США понесли потери и вынуждены были покинуть территорию соседней страны [2, с. 369-379, 388, 420-421].

Подъем антиамериканских настроений во время Мексиканской революции сделал жизнь мормонских колонистов в Мексике

трудной и чрезвычайно опасной. Одним из главных лозунгов повстанцев был: «Мексика для мексиканцев». Святые последних дней пытались сохранить строгий нейтралитет в начавшейся гражданской войне. Войска революционного лидера Франсиско Мадеро (1873-1913) конфисковали часть лошадей и крупного рогатого скота колонистов, но выдали расписки о компенсации потерянного имущества после победы революции. 12 июля 1912 г. в мормонских колониях появились бойцы революционного генерала Паскуаля Ороско (1882-1915) и партизанского вожака Хосе Инеса Салазара (1884-1917). Предлогом для нападения стал поиск оружия и боеприпасов с последующим их изъятием у иностранцев. 28 июля 1912 г. мексиканские повстанцы разграбили и сожгли Колонию Диас, на следующий день разгромили Колонию Хуарес, за которой последовали горные поселения. 31 июля 1912 г. налетчики вынуждены были отступить в горы в связи с появлением правительственных войск. Часть революционеров осталась на равнине и оказала вооруженное сопротивление федеральным силам. В начале 1913 г. колонии в Соноре были захвачены повстанцами-мадеристами [7, р. 236]. В сентябре 1915 г. повстанческая армия Вильи (15 тыс. чел.) заняла Колонию Дублан на 22 дня. Мародерства не было, но мормоны вынуждены были обеспечивать солдат продовольствием.

Многие мексиканские Святые последних дней превратились в беженцев. Исход мормонов из страны имел любопытные детали. Вначале они вынуждены были отправить детей и женщин к родственникам в США или Европу. Их перевезли поездами по железной дороге. Мужчины, в свою очередь, отправились к границе на север в повозках, запряженных лошадьми и груженых домашним скотом [6]. Местом концентрации беженцев стал г. Эль-Пасо в штате Техас. Часть мужчин-поселенцев и некоторые женщины, однако, остались и пережили революционную эпоху. К ним присоединились семьи мормонов, мигрировавшие из Центральной Мексики и временно поселившиеся в колониях. Многие Святые последних дней

вернулись в Соединенные Штаты, потеряв почти все имущество (по разным оценкам на сумму от 1 до 10 млн. долл.). Конгресс учредил специальный фонд для помощи беженцам в размере 100 тыс. долл. Были созданы даже временные палаточные лагеря для беженцев [5].

Менее четверти американских колонистов вернулись после революции в Мексику [3], когда были созданы условия для безопасности их жизни и собственности. Они отремонтировали дома и фермы и вернулись к прежней жизни. С каждым годом росло число мексиканцев, присоединившихся к Церкви Иисуса Христа Святых последних дней. В мормонских поселениях возникли испаноязычные приходы. В послереволюционные десятилетия горные колонии в Чиуауа постепенно исчезли из-за экономических причин. Возродились в относительно полноценной форме только две колонии: Дублан и Хуарес, но они никогда не смогли достичь прежнего уровня социально-экономического развития. Эти два поселения существуют в настоящее время и в них проживают до 300 чел., имеющих англо-американское происхождение.

Мормонская колонизация северных районов Мексики, непродолжительная по времени, тем не менее, оставила глубокий след в истории этой страны. Благодаря мормонам местное население познакомилось с передовыми способами ведения сельского хозяйства, включая ирригацию, а также новыми культурами. Американские мормоны-фундаменталисты, бежавшие от преследований из США в Мексику в 1880–1890-е гг., в 1910-е гг. вновь превратились в беженцев. Большинство из них вынуждено было переселиться из Мексики в Америку (в основном в Юту, Аризону, Техас и на юг Калифорнии; небольшая часть мигрировала в северные штаты). Пограничная война в 1910-е гг. между Мексикой и США велась не только регулярными, но и иррегулярными вооруженными формированиями. Ее итогом стала стабилизация обстановки на границе на долгие десятилетия.

Список литературы

1. Колонии в Мексике. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.churchofjesuschrist.org/study/history/topics/colonies-in-mexico?lang=rus> (дата обращения: 20.03.2020).
2. Платошкин Н.Н. История Мексиканской революции: в 3 тт.- М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2011. Т. 1: Истоки и победа 1910–1917 гг. 432 с.
3. Exodus. [Электронный ресурс]. URL: <http://mormoncoloniesinmexico.com/exodus.html> (дата обращения: 10.03.2020).
4. Matthew McBride. «Дабы они познали заветы Господа». Олиас Аой и Книга Мормона. 9 января 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://history.churchofjesuschrist.org/article/olivas-aoy-and-the-book-of-mormon?lang=rus> (дата обращения: 25.03.2020).
5. Mormons fled violence in Mexico to find safety in new state of Arizona. Tim Steller. Arizona Daily Star. Feb 11, 2012. [Электронный ресурс]. URL: https://tucson.com/news/local/mormons-fled-violence-in-mexico-to-find-safety-in-new/article_efe7a050-6199-5f71-abec-e901aefb7cd6.html (дата обращения: 23.03.2020).
6. Photos: Mormon refugees fled Mexico in 1912. Feb. 11, 2012. [Электронный ресурс]. URL: https://tucson.com/news/local/photos-mormon-refugees-fled-mexico-in/collection_4d34bcea-5445-11e1-88b5-001871e3ce6c.html#anchor_item_1 (дата обращения: 31.03.2020).
7. Romney T.C. The Mormon Colonies in Mexico. Salt Lake City, Utah: University of Utah Press, 2005 (1-st edition – 1938). 338 p.

THE BORDER WAR (1910-1919) AND AMERICAN MORMON COLONIES IN NORTHERN MEXICO

The article considers the influence of the Border War of 1910-1919 between Mexico and the United States on the life of border territories. One of the victims of the conflict was several thousand American colonists who settled in the north of Mexico at the end of the XIX-th century with the permission of its government. The settlers belonged to the Church of Jesus Christ of Latter-day Saints (Mormons), which settled in the mid-XIX-th century in the Western United States. One of the features of this religious organization was the belief in the necessity of polygamy as an important condition for obtaining the fullness of faith and salvation. The United States Congress passed laws in 1862, 1874, 1882 and 1887 against the practice of Mormon polygamy. These laws forced convinced polygamists (fundamentalists) to flee to Northern Mexico with their families. They founded more than 10 prosperous colonies, the largest of which were Colonia Díaz, Colonia Juárez and Colonia Dublán. However, the turbulent events of the Mexican Revolution of 1910-1917 and the accompanying border conflict between Mexico and America led to the destruction of the "Mormon oasis". The rise of anti-American sentiment led to raids by Mexican rebels on U.S. territory, as well as attacks on Mormons to expel them from the country. Most of the settlers fled to the United States, and the colonies in Chihuahua and Sonora declined.

Keywords: U.S. foreign policy, the history of U.S.-Mexican relations, American interventions in Mexico, the Border War of 1910-1919, the Church of Jesus Christ of Latter-day Saints (Mormons), Mormon colonies in Mexico.

References

1. Kolonii v Meksike. (2015). Retrieved 20 March, 2020 from <https://www.churchofjesuschrist.org/study/history/topics/colonies-in-mexico?lang=rus>.
2. Platoshkin N.N. (2011). Istoriya Meksikanskoj revolucii: v 3 tt.- M.: Un-t Dmitriya Pozharskogo. T. 1: Istoki i pobeda 1910–1917 gg. 432 s. [Platoshkin N.N. History of the Mexican revolution: In 3 volumes. Moscow: University of Dmitry Pozharsky. 432 p. Vol. 1: Origins and victory 1910–1917. 432 p.].
3. Exodus. (2008). Retrieved 10 March, 2020 from <http://mormoncoloniesinmexico.com/exodus.html>.
4. Matthew McBride. (2015). «Daby oni poznali zavety Gospoda». Olivas Aoj i Kniga Mormona. 9 yanvarya 2015 g. [Matthew McBride. "That They May Know the Covenants of the Lord". Olivas Aoy and the Book of Mormon. January 9, 2015]. Retrieved 25 March, 2020 from <https://history.churchofjesuschrist.org/article/olivas-aoy-and-the-book-of-mormon?lang=rus>.
5. Mormons fled violence in Mexico to find safety in new state of Arizona. (2012). Tim Steller. Arizona Daily Star. Feb. 11, 2012. Retrieved 23 March, 2020 from https://tucson.com/news/local/mormons-fled-violence-in-mexico-to-find-safety-in-new/article_efe7a050-6199-5f71-abec-e901aefb7cd6.html.

6. Photos: Mormon refugees fled Mexico in 1912. (2012). Feb. 11, 2012. Retrieved 31 March, 2020 from https://tucson.com/news/local/photos-mormon-refugees-fled-mexico-in/collection_4d34bcea-5445-11e1-88b5-001871e3ce6c.html#anchor_item_1.

7. Romney T.C. (2005). The Mormon Colonies in Mexico. Salt Lake City, Utah: University of Utah Press (1-st edition – 1938). 338 p.

Об авторе

Прилуцкий Виталий Викторович – доктор исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского (Россия), E-mail: vitaliypr@yandex.ru

Prilutskiy Vitaliy Viktorovich – Dr. Sci. (Hist.), Docent, Department of General History and International Relations, Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky (Russia), Email: vitaliypr@yandex.ru

Степанова О.Б., кандидат исторических наук, научный сотрудник, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Россия).

ПРОМЫШЛЕННОЕ РЫБОЛОВСТВО СЕВЕРНЫХ СЕЛЬКУПОВ: К ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ¹

Интерес автора к становлению промышленного рыболовства северных селькупов вызван двумя связанными с селькупским рыболовством моментами. Во-первых, становление селькупского промышленного рыболовства было частью энергетического по своей природе процесса освоения арктических земель северными народами, технологической адаптации их традиционной культуры к исключительно суровым природным условиям Арктики. Во-вторых, становление селькупского промышленного рыболовства координировалось с началом использования в селькупском хозяйстве моторного двигателя, работающего на энергии угля и нефтепродуктов, и, согласно энергетической концепции культуры [15], представляло собой скачок в развитии культуры селькупов. Формирование рыбопромысловой отрасли хозяйства северных селькупов автор детально рассматривает, обращаясь к истории селькупского рыболовства.

Ключевые слова: селькупы, история, промысловое рыболовство, традиционная культура, освоение, адаптация, энергия

DOI: 10.22281/2413-9912-2020-04-02-95-105

Целью данного исследования является изучение функционирования системы традиционного природопользования и жизнеобеспечения народов Сибири в контексте современного индустриального развития, рационализации хозяйственной деятельности и внедрения новых технологий и технических средств.

Объектом исследования выбрано промышленное рыболовство северных селькупов. В XVII-XVIII вв. рыболовство сыграло особую роль в освоении селькупскими бассейнов северных рек Таза и Турухана: оно обеспечило их пищей, определило новый селькупский хозяйственный уклад, характер кочевания, способ ведения хозяйственной деятельности, помогло адаптировать селькупскую культуру к природно-климатическим условиям Арктики. Однако, послужив прогрессу, селькупское рыболовство перестало активно развиваться, технологические навыки селькупов долгое время не менялись и оставались сугубо традиционными. С приходом советской власти рыболовство северных селькупов было выведено на новый качественный уровень. Появление в рыболовстве коллективной организации труда, товарной составляющей, оснащение современными средствами производства и применение новых методов работы вызвали качественный скачок в развитии селькупской

культуры - на основе традиционного рыболовства возникло промышленное. Следствием этого стало увеличение объемов рыбодобычи, а также более высокий уровень жизни народа, рост его численности.

Хронологические рамки исследования включают период с 1920-х гг. до середины 1960-х гг. На этом временном отрезке происходило формирование отрасли селькупского промышленного рыболовства, и были определены главные принципы ее прогрессивного развития, среди которых - рационализация методов работы и модернизация средств производства при сохранении традиционной основы. Эти принципы сделали отрасль промышленного рыболовства базовой для селькупского хозяйства.

Тема промыслового рыболовства у северных селькупов до сих пор не становилась объектом отдельного исследования. В работе автор опиралась на материалы Е.Д. Прокофьевой по рыболовству тазовско-туруханских селькупов, хранящиеся в архиве МАЭ [АМАЭ, Ф.6, Оп. 1, № 104], статью В.Н. Скалона «Рыбные промыслы в бассейне р. Таза» [6] и ряд публикаций, содержащих вспомогательные сведения или отдельные упоминания по названной теме. В исследование также были включены данные, собранные автором во время экспедиционных поездок к селькуп-

¹ Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Культурно-сложные общества: понимание и управление».

пам [ПМА; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14]. Теоретической основой исследования послужил труд Л. Уайта «Избранное: наука о культуре» [15], в котором культура рассматривается как система, развивающаяся в своей эволюции за счет энергии. При анализе источников и литературы автором использовался историко-генетический метод.

В начале XX в. товарный промысел рыбы находился у селькупов в зачаточном состоянии. Им занимались нескольких селькупских семей, проживающих в низовьях р. Турухан и имеющих возможность сбывать уловы в Туруханске [4]. На Тазу, в бассейне которого проживала основная часть селькупов, дела со сбытом рыбы обстояли намного хуже. В низовьях р. Таз в конце XIX в. немецко-шведской компанией Функа, Мурзейна и Варденнера (Вардроппера) была основана фактория Халмер-Седе, превратившаяся впоследствии в поселок Тазовский. По другим данным эта фактория была открыта в 1907 г. латышским торговым товариществом «Нижне-Обское». В 1911 г. от латышей она перешла к фирме Промышкова [3]. На факторию в Халмер-Седе могли продать рыбу лишь селькупы, проживающие в низовьях Таза. По информации Л.Н. Добровой-Ядринцевой, «некоторые хозяйства тазовских остяков выходили в июне на пески низовьев Таза, где занимались неводьбой» [1, с. 74]. По сведениям К. Доннера (он путешествовал по Тазу в 1913 г.), «в устье Таза жили два русских купца», и «летом торговые общества, невзирая на запреты, перекрывали устье реки» [2, с. 91].

Первыми шагами советской власти в отношении кочевых народов Туруханского края, помимо создания системы народного самоуправления (кочсоветов и тузриков), стало вовлечение населения в работу кооперативных торгово-снабженческих обществ, вскоре переросших в кооперативные общества смешанного типа, в которых к торгово-снабженческим функциям добавились производственные. На базе кооперативных обществ были образованы первые коллективные (семейные) предприятия-артели – ППО (простейшие производственные объединения) и ППТ (первичные производственные товарищества), представлявшие собой простейшие колхозы. Члены этих предприятий

сообща изготавливали орудия производства (сети и охотничьи ловушки) или покупали их вскладчину/в кредит и занимались коллективным промыслом рыбы [7].

Два крупных кооперативных общества – Госторг (Сибторг) и Интегралсоюз (Турухансоюз) открыли в Туруханском крае сеть своих факторий. «Центром тазовской тундры» стала фактория Янов Стан в верховьях Турухана. В начале 1930-х гг. открылось несколько факторий на р. Таз: Сидоровск, Церковенское, Матылька, Локаймач, чуть позже – Нярый мач (Няр мач/ Нярыль мач, впоследствии переименованная в поселок Красноселькуп), Часелька, фактории на месте будущих поселков Кикки-Акки, Толька, Ратта и пр. Селькупы верховьев Таза выходили на территориально близкие им енисейские фактории – Артюгино и Сургутиха. На фактории Халмер-Седе в 1920 г. начало работать государственное предприятие Губрыба, реорганизованное в 1922 г. в Облгосупррыбпром, а в 1927 г. в Госторг [3, с. 15].

С появлением ППО, ППТ, первых колхозов, а также факторий, занимавшихся приемкой рыбы, стала неуклонно расти численность селькупского населения, выезжавшего с конца июня, после обнажения песков, в низовья Таза для коллективного промысла проходной белой рыбы. Только эта рыба имела товарное значение. Коллективный лов набирал обороты медленно, поскольку ощущалась острая нехватка средств производства. Проводился он неводами и ставными сетями. Ставных сетей у селькупов было мало, они вязались вручную из крапивного или конопляного волокна и служили недолго. Покупных ставных сетей и неводов было еще меньше, их количество исчислялось единицами. В 1925 г. ставная сеть стоила 25 руб., невод 400 руб. Каждый купленный вскладчину или по кредиту от кооперативного общества невод собирал вокруг себя артель [АМАЭ, Ф.6, Оп. 1, № 104, Л. 4]. В 1920-х гг. у населения Таза не было ни одной дощатой лодки, транспортным средством тазовских рыбаков была долбленая ветка-челнок, имевшая плохую устойчивость и малую вместимость.

В 1920-х гг. процент товарной рыбы, добываемой как в коллективных хозяйствах, так и единоличниками, был низкий. Из всей

добываемой белой рыбы лишь 30 % было товарной, остальные 70 % оседали в личных хозяйствах. У единоличников процент товарной рыбы был меньше, чем у рыбаков коллективного лова, хотя в целом они добывали рыбы больше. Селькупы Тазовско-селькупского (Средне-Тазовского/ Остяко-Сургутского) кочевого совета добывали рыбы больше, чем Верхне-Тазовского, но у них одинаково больше рыбы оставалось в хозяйстве, чем шло на продажу. В хозяйствах Тазовско-Ненецкого кочевого совета доходы от рыбного и охотничьего промыслов уравнивались, т.к. в нижнем течении Таза рыбы было больше, и она легче транспортировалась в пункты сдачи, а также хуже были условия для охотничьего промысла - из-за удаленности этих мест от беличьих угодий [АМАЭ, там же, Л. 11-12].

В начале 1930-х гг. был взят курс на интенсификацию рыбного промысла селькупов: колхозы расширяли рыбугодья, очищали от заломов и коряг захламленные русла рек и рыболовные пески, осваивали новые способы и орудия лова. В 1930 г. стал осваиваться лов плавными неводами. Этот способ добычи был значительно эффективнее применения ставных сетей и закидных неводов [АМАЭ, там же, Л. 13]. Весной 1930 г. в с. Церковенском по заказу Сибрыбтреста было построено 20 лодок енисейского («русского») типа с острой кормой и петлями на веслах для уключин, эти лодки были более устойчивыми и вмещали больше рыбы, чем долбленые челноки, однако древесина, из которой были построены эти лодки, оказалась невысокого качества, и они долго не прослужили [6, с. 56].

К 1936-1937 гг. оснащение ППТ, ППО и колхозов улучшилось, но по-прежнему оставалось недостаточным, что тормозило развитие промысла. Например, колхозы Тазовско-селькупского кочевого совета на этот период были оснащены 124 ставными сетями, 29 запорами, 48 неводами, но у них не было ни одной лодки, и на все население имелось 99 веток-челноков. Во владении верхнетазовских рыбаков имелось очень мало неводов, но больше было запоров [АМАЭ, там же, Л. 40].

Развитие промыслового рыболовства на Тазу сопровождалось развитием системы

вывоза добытой рыбы. Рыба с Таза вывозилась в трех направлениях. Первое – на факторию Халмер-Седе в устье Таза, в 1934 г. здесь открылся рыбоперерабатывающий завод; сюда возили рыбу, добываемую в нижнем и отчасти среднем течении р. Таз.

Вторым направлением вывоза был Туруханск, он был связан с «большой землей» енисейской транспортной магистралью, и плюс к этому в середине 1930-х гг. здесь также был открыт рыбоперерабатывающий завод. Летом рыба перевозилась с Таза в Туруханск водным путем на лодках и ветках, которые перетаскивались по сухим волокам в речную систему Енисея. Самым используемым был путь по Худосею и Покольке, откуда волоком попадали на р. Верхнюю Баиху и через нее в Турухан. Назывался этот путь Худосейским волоком. Сам волок представлял собой деревянную рельсовую дорогу с конной или человеческой тягой, он просуществовал со второй половины 1920-х гг. до конца 1940-х. Зимой рыбу доставляли в Туруханск на оленях «торной» санной дорогой [12, с. 44].

Третий путь вел с верхнего Таза (с 1930 г. с фактории Матылька) на Енисей – на фактории Артюгино и Сургутиха. Этим путем вывозилась исключительно подледная рыба, добываемая зимой в верховьях Таза - преимущественно чир и отчасти муксун, а также икра сига - все в небольшом количестве [6, с. 62].

Чтобы рыба не портилась, ожидая вывоза, на факториях и рыбугодьях района устраивались приемно-посолочные пункты, где рыба засаливалась в бочках или закладывалась в специально построенные ледники. В путину 1937 г. в районе действовало 18 приемно-засолочных пунктов [12, с. 44].

К началу 1940-х гг. завершилась коллективизация селькупского хозяйства, все мелкие простейшие производственные общества были объединены в несколько крупных колхозов с усадьбами в поселках, образованных в конце 1930-х гг. на месте факторий. В Сидоровске возник колхоз «Полярный круг», в Красноселькупске (быв. фактория Нярый мач) колхоз «Имени Кирова», еще один колхоз «Имени Кирова» обосновался в Тольке, колхоз «Имени Молотова» в Часельке, колхоз «Имени Калинина» в Кикки-Акках, колхоз «Имени 3-й Сталинской пятилетки» (позже

переименованный в колхоз «Победа») в Ратте и колхоз «Имени Смидовича» на фактории Нижняя Баиха и в Фарково [12, с. 29]. Власти района устанавливали колхозам план и обязывали их участвовать в социалистическом соревновании по трудовым показателям.

Сезонный порядок рыбного промысла в связи с переходом населения на колхозную систему не поменялся. Изменилась схема передвижения рыбаков-колхозников, связанная с промыслом. Основной промысел, как и прежде, происходил летом, с конца июня, в низовьях Таза, куда выходили рыбаки всех колхозов независимо от их расположения, в том числе верхнетазовских. Так, например, рыбартель «Победа» (с центром в с. Ратта), отстоявшая на 800 км от пос. Тазовский, летом промышляла рыбу на песках Лысо-Мара и Харбей на расстоянии свыше 600 км от дома. Майский и сентябрьский промыслы проводились рыбаками «Победы» также вдали от своих территорий, по р. Ираткы, а подледный лов – в системе Чертовых озер. Главным объектом промысла оставалась белая рыба, бассейн р. Таз опромышлялся главным образом ниже устья р. Худосей.

Плохое оснащение колхозов средствами водного транспорта и дальнейшее расположение затрудняли доставку рыбы на рыбоперерабатывающий завод пос. Тазовский. Поэтому в 1937 г. Объединение Обьрыба построило небольшой рыбоперерабатывающий завод на фактории Нярый Мач, которая находилась от Тазовского на расстоянии 440 км выше по течению. Завод в Нярый Мач производил первичную обработку и засолку рыбы и икры. Его производственные мощности достигали до 13 тыс. центнеров рыбы в год [АМАЭ, там же, Л. 14].

Говоря об открытии рыбоперерабатывающего завода в Нярый Мач, Е.Д. Прокофьева упоминает «незначительный флот, имевшийся в распоряжении колхозов», следовательно, в 1937 г. в селькупских колхозах уже имелись моторные суда, которые занимались доставкой рыбы на рыбоперерабатывающие заводы, ведь ветки и будары флотом не назовешь. В 1940 г. в Красноселькупске была организована МРС – моторно-рыболовная станция, в задачу которой входило снабжение рыбаков орудиями лова и плавными сред-

ствами, а также «организация рыбного промысла в бассейне р. Таз» [АМАЭ, там же]. С появлением в Красноселькупске рыбоперерабатывающего завода и МРС тазовская рыба перестала вывозиться в Туруханск и другие населенные пункты на Енисее.

В 1942 г. при Тазовском рыбоконсервном заводе была построена Тазовская МРС, она обслуживала 10 колхозов Тазовского и 8 колхозов Пуровского района [АМАЭ, там же].

Военный период, по воспоминаниям стариков-информантов, записанным автором во время полевой работы, для всех жителей Туруханского района был очень тяжелым. Район жил под лозунгом «Все для фронта, все для победы!». Продукция промыслов сдавалась государству вся без остатка, селькупы жили впроголодь. Планы по рыбодобыче были предельно высокими и должны были неукоснительно выполняться, за невыполнение плана строго наказывали. Вот как рассказывал об этом времени селькуп Г.П. Кукушкин: «В 1941 г. отец работал на приемке, рыбу принимал. А лето было, жара. У него 150 кг рыбы испортилось. Было следствие, суд. Ему 5 лет дали, статья 58б – «вредительство», «враг народа». А какой он враг народа? В Игарке отбывал, работал, тяжело было. Мы с сестрой родились после его отсидки. Отец 1902 г.р.» [Степанова, 2015:30].

В апреле 1942 г. и марте 1943 г. двумя партиями в Туруханский район были посланы поволжские немцы, а также латыши и греки (всего около 250 семей). В Яновом Стане появился греческий колхоз, в с. Церковенском - колхоз «Латвийский рыбак» [12, с. 32]. По данным А.М. Решетова, на 1 сентября 1949 г. в Красноселькупском сельсовете проживало 60 человек немцев и 25 человек латышей, в Сидоровском сельсовете проживало 46 человек немцев [5, с.197]. По словам того же Г.П. Кукушкина: «Немцев сюда в войну согнали. Самая тяжелая работа им доставалась. Сейчас от них только дети, внуки остались. Мать рассказывала: их на самую грязную работу гнали. Молодые девушки по 18 лет – их заставляли в это время неводить. А тогда же всем рыбу надо было. А те босиком, простые, плачут. А зимой их заставляли лед долбить, метровый лед. А по-первости они

там все... Ну какая там сила. Не любой мужчина справится. Сети там..., они ставятся долго. Одну и ту же лунку будут там полдня колбасить. Люди потом эту пешню, лед которой долбят, топили. А в Фарково кузница была. Другие пешни сделают. Потом бригадир нашел выход. Пешню на веревочке стал на шею вешать. Если сорвется, не утонет» [12, с. 31]. В 1952 г. большая часть немцев, латышей и греков выехала из района. Но некоторые остались и породнились с селькупами и местными русскими старожилами. Многие немцы впоследствии занимали в районе ответственные хозяйственные и административные должности и еще много лет руководили селькупскими колхозами и сельсоветами.

В 1944 г. образовалась Тюменская область, в ее составе был учрежден новый Красноселькупский район, в который вместе с подавляющей частью селькупского населения вошел бассейн реки Таз (исключая низовья, оставшиеся в Тазовском районе). Административным центром Красноселькупского района стал поселок Красноселькупск. Баихинские селькупы оказались в Туруханском районе.

С 1945 г. по 1947 г. добыча рыбы по Красноселькупскому району упала с 6.700 ц. до 5.800 ц. Чтобы исправить положение, Красноселькупская МРС была объединена с Тазовской МРС, которая теперь «возглавила» промысел на р. Таз. С этого времени Тазовская МРС стала обслуживать 32% всех рыболовческих колхозов Ямало-Ненецкого округа с планом добычи, составлявшим 45% от общего плана округа [АМАЭ, там же].

В 1948 г. рыбзавод из Красноселькупска был перенесен в пос. Долгий, расположенный ниже по Тазу. /Поселок Долгий, а также поселок Седельниково появились в связи со строительством сталинской железной дороги Салехард-Игарка, начавшимся в 1947 г./ В 1950 г. рыбоперерабатывающий завод был закрыт как убыточный, но через 5 лет снова открыт, после чего, проработав 308 дней, ликвидирован окончательно. Оборудование его сняли и увезли на Тазовский рыбоперерабатывающий комбинат. В Долгом остался лишь рыбучасток. Таким образом, рыбный промысел в бассейне Таза полностью оказался в ведении Тазовского рыбоперерабатывающего

комбината и Тазовской МРС [АМАЭ, там же, Л. 15].

Продолжало улучшаться оснащение колхозов орудиями лова, транспортными и техническими средствами. В 1947-48 гг. рыбаки Красноселькупского района имели 44 летних невода и 1584 ставных сети. В 1950 г. к летней путине выставили старых неводов – 25, неводов длиной 200 м – 8, неводов длиной 350 м – 4, старых ставных сетей – 1000, новых ставных сетей – 2000, лодок – 26, веток – 41, бударок – 10, неводников (небольших рыболовных парусно-гребных или моторных судов) – 4, конных воротов – 4 [АМАЭ, там же, Л. 19-20].

До конца 1950-х гг. более 90% продукции рыбного промысла в районе составляла белая рыба сиговых пород. Передовиками рыбодобычи были колхозы, расположенные в нижнем и среднем течении р. Таз, они добывали в 3-5 раз рыбы больше, чем верховские, которые от рыбы получали небольшой доход. Так в 1957 г. колхоз «Победа» Верхне-Тазовского сельсовета имел от добычи рыбы 10 % всего дохода, тогда как низовской колхоз «Восход» (возник путем слияния часельского колхоза «им. Молотова» и красноселькупского колхоза «им. Кирова») – 37,2-43,9 % [АМАЭ, там же, Л. 16].

До конца 1940-х гг. добыча рыбы частиковых пород (щуки, сороги, язя и пр.) в бассейне Таза была незначительной в силу своей нерентабельности. Эта рыба была дешевой, а ее доставка на рыбоперерабатывающий завод обходилась дорого. Изменилось это положение к концу 1950-х гг., когда запасы ценной рыбы в р. Таз (как и в рр. Обь и Енисей) вследствие многолетнего вылова истощились, и был введен ряд жестких ограничительных мер. Сначала был наложен временный запрет на вылов осетровых, а чуть позднее лимит и, следом, временный запрет на вылов белой рыбы в зонах активного промысла. В 1961 г. запретили добывать рыбу сиговых пород вниз по Тазу от р. Худосей. Кроме того были установлены промысловые размеры ценных пород рыб для водоемов, не вошедших в запретные зоны. Рыба меньших размеров принималась в улове в количестве 10 %. Остальная рыба-недомерок должна была выпускаться. Нарушителей штрафовали, а добытую ими рыбу изымали в пользу

государства. Был учрежден рыбнадзор для борьбы с браконьерством.

Несмотря на введенные ограничения, планы рыбодобычи по колхозам снижены не были. Это сочетание ограничений вылова и стабильности плановых требований изменило специфику и организацию рыбного промысла в бассейне Таза. Промысел переориентировался на добычу рыбы частиковых пород, их доля в объеме общей добычи возросла и стала составлять более 50 %.

Для выполнения планов рыбный промысел интенсифицировался всеми возможными способами. Совершенствовались орудия лова, повышалась их уловистость (добывающая способность), так, например, появились ставные неводы с двумя ловушками. Рыбаки по своей инициативе удлиняли крылья неводов до 2-х с лишним километров. Активизировалось использование традиционных методов рыболовства - ставными сетями и запорами, которое в 1950-х гг. сократилось. Возврат к широкому использованию традиционных методов объяснялся тем, что они были более пригодны для водоемов, где промысел белой рыбы разрешался.

С 1960 г. добыча частиковых пород начиналась до весеннего хода проходной рыбы. Для повышения объемов добычи рыбы ценных пород вне запрещенных для промысла зон разведывались и осваивались новые водоемы, которые до того в промысле не участвовали или использовались мало (Таз выше Худосея и отшнурованные, т.е. не сообщающиеся с р. Таз озера).

Во всем Ямало-Ненецком округе выросло значение зимнего подледного лова рыбы. Добыча зимней рыбы по округу увеличилась в несколько раз: в 1952 г. было добыто 8,5 тыс. ц., в 1960 г. – 60 тыс. ц. [АМАЭ, там же, Л.22]. Следуя курсу оптимизации рыбного промысла, стали использовать естественную заморозку добытой зимой рыбы. Замороженная рыба не требовала обработки, легко транспортировалась и доходила до потребителя высокими сортами.

В колхозах формировались бригады рыбаков, круглогодично занятых рыбным промыслом и не уходивших на добычу белки. В 1960 г. колхоз «Восход» впервые выделил 15 рыбаков для подледного лова на Парусовых

озерах. Для доставки рыбы на рыбоперерабатывающие заводы стала использоваться авиация. Добытая замороженная рыба на оленях свозилась к определенным местам, где были устроены площадки для посадки самолетов. Отсюда она доставлялась воздушным путем в пос. Тазовское и в г. Салехард. Для Красноселькупского района такой вывоз рыбы был дешевле, чем летом по воде.

До 1960-х гг. подледный лов велся старинными методами: во льду в 6 м друг от друга пешней прорубались лунки, через которые с помощью шеста подо льдом протаскивались канаты от сети. В 1959 г. в Красноселькупском районе имелось всего 3 подледные сети, которыми было добыто 83 ц. рыбы. В 1960 г. колхозы закупили 21 озерный невод и два льдобурильных агрегата (самоходные льдобуры на тяге трактора КД 35). И хотя льдобуры не были рассчитаны на толщину льда в местных озерах (она часто достигала 2 м), а тракторы плохо шли по бездорожью, уже к первому кварталу подледный лов дал 673 ц. свежей рыбы, и план был перевыполнен. В 1960 г. подледный лов производился на 10 рыбугодьях [АМАЭ, там же, Л. 23].

В это же время стал внедряться лов котцами. Главным преимуществом котцовых заповор было то, что после вычерпывания они давали рыбе выход по всей реке, чего не могли делать старинные запоры (для этого их нужно было снимать). В 1961 г. в Нахрачинский рыбзавод Ханты-Мансийского округа для обучения устройству котцовых заповор был послан бригадир Толькинского совхоза С.В. Чекурмин. По возвращению, в 1962 г., он во главе бригады рыбаков из 19 человек занимался подледным ловом рыбы с помощью котцовых устройств [АМАЭ, там же, Л.24].

Среди селькупов-рыбаков выявлялись мастера подледного лова. «Рыбак толькинского совхоза И.Г.Агичев за успехи в рыбном промысле 14 апреля 1963 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР был награжден медалью «За трудовое отличие». В 1963 г. совхоз Толькинский сдал рыбы в два с лишним раза больше, чем было в плане. За эти успехи совхозу Толькинскому было присуждено переходящее Красное знамя Обкома КПСС и Окрисполкома» [АМАЭ, там же, Л. 24]. В 2016 г. я встречалась с Иваном Гавриловичем Агичевым, 1933 г.р., в с. Толька, и

видела его медаль (Рис. 1, 2). Он хорошо помнил 1960-е: «Рыбу на Засольную сдавали. Сначала она вниз по Тазу была, потом на Печальку перевели ее. Рыбы много было, не пугали ее моторами. Заставляли рыбачить. День и ночь рыбачили. Награды у меня были за работу. Был комсомольцем. Был коммунистом. Бригадиром... Рыбу раньше в Тазовск возили на пароходе. Потом летом не стали ловить. Зимой ловили» [ПМА].

Принятые меры привели к тому, что в первой половине 1960-х гг. план добычи рыбы в районе стал выполняться и перевыполняться.

В деле освоения новых водоемов большое значение приобрело опромышление системы Чертовых озер, имеющей протяженность в 100 км и соединяющейся с р. Таз речкой Толькой. Система Чертовых озер богата кормовой базой, и в летний период здесь происходит нагул рыб. В озерах Лозыль-то и Нум-то, входящих в эту систему, рыбу можно добывать круглогодично, так как зимой в них не бывает замора. Летом промысловым рыболовством на Чертовых озерах никто не занимался. Добычу рыбы сдерживало расстояние до ближайшего села Толька (тазовская) - куда могла бы вывозиться рыба - составляющее 150 км по р. Тольке, а также невозможность судоходства по Тольке судов с осадкой более 1,5 м. Зимой дорога от озер до с. Толька сокращалась до 60 км, поэтому, как уже говорилось, начиная с 1930-х гг., подледным ловом на озерах занимались рыбаки верхнетазовского колхоза «Победа».

Промышленное освоение Чертова озера требовало новых рабочих рук. В Красноселькупском районе рыбаков не хватало. Увеличивать число рыбаков за счет уменьшения числа охотников было нельзя, это могло привести к ослаблению охотничьего промысла, а план по пушнине был на предприятиях не менее высокий, чем по рыбе. Поэтому в 1962 г. на Чертово озеро из Тазовского района была переселена бригада из 22 ненцев-рыбаков с семьями. На озере был создан поселок оседлых рыбаков, летом 1962 г. в нем жило 100 семей. Прямым результатом решения проблемы трудовых кадров и опромышления Чертова озера стало перевыполнение районом плана по рыбодобыче в 1963 г. [АМАЭ, там же, Л. 26].

Выполнение планов по рыбодобыче давалось селькупским колхозам с большим трудом, причин этому было несколько. Рыбаки вынуждены были возить рыбу на приемные пункты за 10-12 км от места добычи. Почти вся погрузка и разгрузка рыбы велась вручную. Добытая рыба с верховьев и со среднего Таза доставлялась на Тазовский рыбоперерабатывающий комбинат за 400-800 км. Для производства консервов, которым занимался комбинат, пригодна была только рыба 1 сорта, т.е. свежая. Летом колхозы Таза сдавали рыбу 2 сортом (3 сорт в план сдачи не засчитывался), поскольку доставить ее на комбинат свежей, как правило, удавалось редко. Виной тому были не только расстояния, но и нехватка приемных судов, заряженных льдом - плашкоутов. В ожидании плашкоутов рыбаки простаивали, а уже выловленная рыба портилась. Эти проблемы возникали даже на рыбучастке в пос. Сидоровск, ближайшем к пос. Тазовский. Ситуацию в промысловом рыболовстве хорошо отражает фраза бригадира В. Сайготина: «Скажите правительству, что мы понимаем, стране нужна рыба. Мы можем перевыполнять план, но не для того, чтобы выловленная наша рыба портилась, и ее бросали в реку» [АМАЭ, там же, 26-27, 36].

В очень невыгодные условия был поставлен Тазовский рыбоперерабатывающий комбинат. Много лет он получал рыбу низкого сорта, из-за чего терпел убытки и не выполнял план. Рыбаки при этом не ощущали материального ущерба, т.к. за каждый килограмм сданной рыбы им платили независимо от того, что с ней в дальнейшем будет. Убыток ложился на комбинат.

Рыба портилась также в плашкоутах, где лед в жару слишком быстро таял. Испорченную рыбу везли на Салехардский рыбоперерабатывающий завод, где ее перерабатывали в муку. Переработка в муку приносила, после нее оставалось 14-18 % первоначального веса рыбы [АМАЭ, там же, Л. 27, 33].

Колхозники пытались решить вопрос с сохранением рыбы сами. Так, в колхозе «Восход» устраивали на озерах Хале-то и Парусовом специальные естественные садки, туда выпускали выловленную рыбу, и она жила

там до зимы. Тогда ее вычерпывали и в свежемороженом виде сдавали [АМАЭ, там же, Л. 28].

Из-за сложностей с транспортом, значительная часть рыбы стала использоваться на месте, - ее пускали на нужды развивающегося звероводства.

Осенью 1961 г. селькупские колхозы были реорганизованы в совхозы. Пять колхозов Красноселькупского района объединились в два совхоза – «Полярный» с усадьбой в с. Красноселькуп и «Толькинский» с усадьбой в с. Толька. У баихинских селькупов колхоз «им. Смидовича» был преобразован в госпромхоз «Северотуруханский», а позже в совхоз «Тунгусский» [12, с. 29]. Новообразованным совхозам было предписано, изучив опыт колхозной работы и опираясь на него, найти рациональное решение проблем в промысловом рыболовстве.

В начале 1960-х район добывал около 6 тыс. ц. рыбы в год. Продолжал пополняться новыми приобретениями теперь уже совхозный рыболовный флот. В 1962 г. толькинский совхоз получил из Салехарда от совхозно-территориального производственного управления один метчик (малое рыболовное судно) в 20 лошадиных сил, железный паузок (парусно-гребное плоскодонное судно для перевозки грузов) на 20-50 т и 4 лодочных мотора. Совхоз «Полярный» в том же году имел 9 неводников, 4 мотолодки и 1 метчик. В ближайший год каждая совхозная бригада на неводном и сетевом лове получила отдельную моторную лодку [АМАЭ, там же, Л.30, 32]. Обеспечение рыбаков новыми современными плавсредствами чувствительно облегчало их работу.

До июля 1962 г. рыбаки получали 50 % стоимости добытой ими рыбы. Совхозу оставались другие 50 %, это было больше, чем он получал от охоты (15 %). Позже процент, приходящийся на рыбаков, еще увеличился. Заработанных на охоте денег совхозу не хватало для покрытия расходов по охотничьему промыслу, и он компенсировал недостающие суммы из денег, заработанных на рыбодобыче.

При неводном лове заработок рыбаков рассчитывался по паям. У бригадира был пай на 0,25% больше, чем у простых членов бригады, ученик имел 0,75% пая. При сетевом

лове всем членам бригады выдавалось по 15 сетей, каждый рыбак обслуживал свои сети индивидуально. При зимнем подледном лове рыбачили маленькими бригадами по 3-4 человека. Постройка и ремонт запоров и котцов и вычерпывание рыбы также производились коллективно. Простой оплачивались по среднему заработку рыбака.

На рыбугодьях, как и прежде, по традиции, рыбаки жили с семьями. Женщины тоже числились совхозными рыбаками и участвовали в промысле. Во время простоев и в свободное время рыбаки заготавливали рыбу для собственного потребления. Раз в месяц на угодыя приезжал бухгалтер, выдающий зарплату, лавка с продуктами, а также культработники с культурной программой для рыбаков [АМАЭ, там же, Л.31-32]. Получить зарплату и закупить продукты рыбаки могли и во время визитов в поселок, где многие из них обзавелись домами, построенными по ссудам от государства. Было налажено медобслуживание рыбаков, дети их жили и учились в интернатах. Старики-информанты, с которыми автор имела беседы во время полевой работы, вспоминают 1960-е гг. как благодатное для жизни и работы время.

Итак, собранные автором из найденных источников данные по истории рыбного промысла северных селькупов позволяют сделать следующие выводы. Началом становления промыслового рыболовства у селькупов следует считать 1920-е гг., когда существовавшее до того лишь у единичных селькупских групп товарное рыболовство стало принимать общеселькупский характер. Этот период связан с советизацией селькупов, появлением у них на базе кооперативных обществ первых коллективных хозяйств, построением единой системы вылова, вывоза и сбыта рыбы, внедрением в традиционное селькупское рыболовство новых орудий, средств и методов работы.

Промысловое рыболовство селькупов развивалось под руководством и при поддержке государства, тяжело, преодолевая трудности, создаваемые временем и природой, приобретая опыт методом проб и ошибок. При анализе материалов была выявлена прямая зависимость успешности работы рыбодобывающей отрасли от степени ее техни-

ческого оснащения. Наибольшую эффективность вносили в селькупское рыболовство моторные суда, моторные лодки, трактора, льдобурильные аппараты и другие технические средства с моторным двигателем, в том числе подключенная к работе отрасли авиация; нехватка технических средств мешала работе отрасли и вызывала задержку в ее развитии.

Завершилось формирование селькупского промыслового рыболовства к середине 1960-х гг. В основу работы отрасли была положена селькупская рыболовная традиция, с которой сочетались принципы плановости, централизованного управления, рационализма, постоянной модернизации методов и средств производства, подготовки смены трудовых резервов и др. В 2018 г. автор работала в муниципальном архиве Красноселькупского района с отчетами совхозов «Полярный» и «Толькинский» за период 1970-2005 гг. и может утверждать, что с 1970 г., придерживаясь всех этих принципов, совхозы работали стабильно и спокойно, выполняли план. Никаких перестроек в деятельности совхозов отчеты не отображают, объемы добываемой рыбы из года в год были примерно одинаковые. Стабильность в работе совхозов сохранялась до государственного экономического кризиса 1990-х гг.

К середине 1960-х гг. промышленное рыболовство превратилось в базовую отрасль селькупского хозяйства. В отличие от

охоты и оленеводства оно обеспечивало круглогодичную занятость большей части населения и постоянство его доходов. Свою немалую лепту вносило рыболовство и в совхозный бюджет. На эти средства совхозы строили дома своим работникам, содержали детсады, школы-интернаты, бани, клубы, больницы (или ФАПы), общежития для рабочих и специалистов, молочные фермы, конюшни, гаражи, лесопилки, столярные мастерские, выращивали овощи и т.д. Стало быть, развитие рыбного промысла в советский период было не только экономическим, но и социальным проектом. Это значение промыслового рыболовства и тот общеизвестный факт, что уровень материального благосостояния коренных малочисленных народов Севера во второй половине советского периода значительно улучшился по сравнению с уровнем их материального положения в досоветский и раннесоветский период, позволяют сделать вывод, что промышленное рыболовство улучшило уровень материального благополучия северных селькупов. Является фактом и увеличение численности селькупов к концу советского времени, его тоже нужно отнести к заслугам промышленного рыболовства.

Таким образом, становление отрасли промышленного рыболовства, действительно, не только продолжило технологическую адаптацию селькупской культуры к суровым условиям Арктики, но и стало качественным скачком в ее развитии.

Источники

АМАЭ. Ф.6. Оп. 1. № 104. Е.Д. Прокофьева «Рыболовство тазовско-туруханских селькупов», 69 л.

ПМА – полевые материалы автора.

Список литературы

1. Доброва-Ядринцева Л.Н. Туземцы Туруханского края. Новониколаевск. Изд. Сибревкома. 1925. 101 с.
2. Доннер К. У самоедов Сибири. Томск: Изд-во «Ветер». 2008. 175 с.
3. Дудников Н.Ф. Свет далеких факторий. М., ПЦ «Вертикаль». 2005. 192 с.
4. Островских П.Е. Баишенские остяки (остяко-самоеды) Туруханского края в конце XIX в. // Советский Север. 1931. № 7-8. С.161-181
5. Решетов А.М. Поездка к селькупам летом 1962 г. // Моя избранница наука, наука, без которой мне не жить. Барнаул: Изд-во АГУ. 1995. С.195-207
6. Скалон В.Н. Рыбные промыслы в бассейне р. Таза // Советский Север. 1930. № 9. С. 42-65
7. Степанова О.Б. Красные селькупы: революционные преобразования среди населения Таза и Турухана // Уральский исторический вестник. № 1 (58). 2018. С.91-100

8. Степанова О.Б. Особенности современного хозяйственно-культурного положения коренных народов Севера Красноселькупского района Ямало-Ненецкого автономного округа// Культурное наследие народов Сибири и Севера: Материалы Шестых Сибирских Чтений. Санкт-Петербург, 27-29 октября 2004 г. СПб.: МАЭ РАН, 2005. С. 167-173
9. Степанова О.Б. Отношения государства и коренных малочисленных народов Севера в начале XXI в. в Красноселькупском районе ЯНАО // Вестник угроведения. 2018. Т. 8. № 2. С. 365-374
10. Степанова О.Б. Село Толька и не только// Материалы полевых исследований МАЭ РАН. СПб.: МАЭ РАН. 2016. Вып. 16. С. 46-66
11. Степанова О.Б. Селькупы села Совречка// Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 3 (30). С. 126-134
12. Степанова О.Б. Современное положение коренных малочисленных народов Севера в Красноселькупском районе ЯНАО// Сибирь на рубеже тысячелетий: традиционная культура в контексте современных экономических, социальных и этнических процессов. СПб.: Европейский Дом. 2005. С.30-66
13. Степанова О.Б. Социальная политика государства по отношению к коренным малочисленным народам Севера в начале XXI в. (на примере северных селькупов)// Социальные отношения в историко-культурном ландшафте Сибири. СПб.: МАЭ РАН. 2017. С. 349-444
14. Степанова О.Б. Туруханские селькупы: взгляд со стороны//Материалы полевых исследований МАЭ РАН. СПб.: МАЭ РАН. Вып. 15. 2015. С.23-43
15. Уайт Л. 2004. Избранное: наука о культуре. М.: РОССПЭН. 960 с.

INDUSTRIAL FISHERY OF THE NORTHERN SELKUPS: TO THE HISTORY OF FORMATION

The author's interest in the development of industrial fishing in the northern Selkups was caused by two points related to Selkup fishing. Firstly, the establishment of Selkup industrial fisheries was part of an inherently energetic process for the development of Arctic lands by the northern peoples, the technological adaptation of their traditional culture to the extremely harsh natural conditions of the Arctic. Secondly, the establishment of Selkup industrial fisheries was coordinated with the beginning of the use of a motor engine working on coal and oil products in the Selkup economy and, according to the energy concept of culture [15], represented a leap in the development of Selkup culture. The author examines the formation of the fishing industry in the northern Selkups in detail, referring to the history of Selkup fishing.

Keywords: Selkups, ethnography, history, commercial fishing, traditional culture, adaptation, energy.

References

1. Dobrova-Yadrintseva L.N. Tuzemtsy Turukhanskogo kraya [The natives of the Turukhansk region]. Novonikolayevsk, Sibrevkom, 1925. 101.
2. Donner K. U samoyedov Sibiri [At the Samoyeds of Siberia]. Tomsk, Veter, 2008. 175.
3. Dudnikov N.F. Svet dalekikh faktoriy [Light of distant trading stations]. Moscow, PTS «Vertikal'», 2005. 192.
4. Ostrovskiykh P.E. Baishenskiye ostyaki (ostyako-samoyedy) Turukhanskogo kraya v kontse XIX v. [Baishen Ostyaks (Ostyak-Samoyeds) of the Turukhansk region at the end of the XIX century]. In Sovetskiy Sever [Soviet North], 1931, 7-8, 161-181.
5. Reshetov A.M. Poyezdka k sel'kupam letom 1962 g. [A trip to the Selkup in the summer of 1962]. In Moya izbrannitsa nauka, nauka, bez kotoroy mne ne zhit' [My chosen science is science, science, without which I cannot live]. Barnaul: AGU, 1995, 195-207.
6. Scalon V.N. Rybnyye promysly v basseyn r. Taza [Fisheries in the vicinity of the river Taz]. In Sovetskiy Sever [Soviet North], 1930, 9, 42-65.
7. Stepanova O.B. Krasnyye sel'kupy: revolyutsionnyye preobrazovaniya sredi naseleniya Taza i Turukhana [Red Selkups: revolutionary changes among the population of Taz and Turukhan]. In Ural'skiy istoricheskiy vestnik, 2018, 1 (58), 91-100.
8. Stepanova O.B. Osobennosti sovremennogo khozyaystvenno-kul'turnogo polozheniya korennykh narodov Severa Krasnosel'kupskogo rayona YaNAO [Features of the modern economic and cultural situation of the indigenous peoples of the North of the Krasnoselkup district of the YaNAO].

In Materialy Shestikh Sibirskikh Chteniy [Materials of the Sixth Siberian Readings]. St. Petersburg: MAE RAN, 2005, 167-173.

9. Stepanova O.B. Otnosheniya gosudarstva i korennykh malochislennykh narodov Severa v nachale XXI v. v Krasnosel'kupskom rayone YNAO [Relations between the state and the indigenous peoples of the North at the beginning of the 21st century in the Krasnoselkupsky District of the Yamalo-Nenets Autonomous District]. In Vestnik ugrovedeniya, 2018, 2, 365-374.

10. Stepanova O.B. Sovremennoye polozheniye korennykh malochislennykh narodov Severa v Krasnosel'kupskom rayone YaNAO [The Present Situation of the Indigenous Peoples of the North in the Krasnoselkup District of the YNAO]. In Sibir' na rubezhe tysyacheletiy [Siberia at the turn of the millennium], 2005, 30-66.

11. Stepanova O.B. Sotsial'naya politika gosudarstva po otnosheniyu k korennym malochislennym narodam Severa v nachale XXI v. (na primere severnykh sel'kupov) [Social policy of the state in relation to indigenous small-numbered peoples of the North at the beginning of the XXI century. (on the example of the northern Selkup)]. In Sotsial'nyye otnosheniya v istoriko-kul'turnom landshafte Sibiri [Social relations in the historical and cultural landscape of Siberia]. St. Petersburg: MAE RAN, 2017, 349-444.

12. Stepanova O.B. Selo Tol'ka i ne tol'ko [The village of Tolka and not only]. In Materialy polevykh issledovaniy MAE RAN [Materials of field research MAE RAS]. St. Petersburg: MAE RAN, 2016, 16, 46-66.

13. Stepanova O.B. Selkupy village Sovrechka [Selkups of the village Sovrechka]. In Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii, 3, 2015, 126-134.

14. Stepanova O.B. Turukhanskiye sel'kupy: vzglyad so storony [Turukhan Selkup: view from the side]. In Materialy polevykh issledovaniy MAE RAN [Field research materials of the MAE RAS], 15, 2015, 23-43.

15. White L. Izbrannoye: nauka o kul'ture [Selected: the science of culture]. Moscow, ROSSPEN, 2004. 960.

Об авторе

Степанова Ольга Борисовна, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН (Россия); stepanova67@mail.ru

Stepanova Olga Borisovna, Candidate of Science in History, Researcher, Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS (Russia); stepanova67@mail.ru

Столяров Е.В., к.и.н., Государственный музей-заповедник «Куликово поле» (Россия)
Радюш О.А., Институт археологии Российской академии наук (Россия)

ГОРИЗОНТ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ГОРОДИЩА НОВОСИЛЬ.

В статье рассматриваются древности раннего железного века (конец I в. до н.э. – I в. н.э.), происходящие из нижнего слоя городища Новосиль Орловской области. Материалы представляют собой комплекс лепной керамики лесостепной скифоидной культуры (сейминский вариант) и уникальную для территории Верхнего Поочья находку медной пантикопейской монеты Асандра 34 г. до н.э.

Ключевые слова: городище, ранний железный век, скифоидная культура, Верхнее Поочье, р. Зуша.

DOI: 10.22281/2413-9912-2020-04-02-106-112

Городище Новосиль одно из крупнейших поселений домонгольского времени и позднего средневековья Верхнего Поочья. Городище известно из летописных источников с 1155 г. В XIII–XIV вв. оно было центром удельного Новосильского княжества, крепостью Засечной черты в XVI–XVII вв.

И.К. Фролов в ходе археологической разведки обследовал этот памятник в конце 60-х гг. XX века [9]. С 2008 по 2014 гг. городище изучалось О.А. Радюшем: был снят современный топографический план, обследована округа городища. Для определения мощности культурного слоя поселения и времени его функционирования им были заложены раскопы общей площадью 84 кв. м [7, с. 146-147].

По результатам работ исследователей были установлены следующие этапы освоения площадки городища: ранний железный век (I тыс. до н.э. – первая половина I тыс. н.э.), X–XV вв. и XVI–XVIII вв.

Если материалы домонгольского и позднесредневекового периодов городища Новосиль привлекали внимание исследователей [11], то древности раннего железного века никогда не становились объектом специального изучения. В ходе работ 2008-2011 гг. из нижнего слоя эпохи раннего железного века (сохранился участками), была получена серия лепной керамики и достаточно редкая для территории Верхнего Поочья находка античной медной монеты. В данной работе будут рассмотрены материалы только эпохи раннего железного века из этих раскопок.

Методологическая база исследования основывается на современных принципах российской археологии как исторической науки, изучающей историю человечества по

материальным остаткам. В качестве руководящих принципов использованы принципы объективности, системности и историзма. Решение поставленных задач потребовало применения аналитических методик, адекватных специфике имеющихся в нашем распоряжении материалов. В работе задействованы традиционные археологические методы: типологический, классификационный, сравнительно-статистический и сравнительно-аналитический. Данные методы были направлены на определение времени бытования находок и их культурного контекста. При поиске аналогий учитывались материалы исследований сопредельных территорий: Посеймье, Подесенье и Подонье.

Поселение находится в черте современного г. Новосиль (Новосильский район Орловской области) на юго-восточной его окраине, в 350 м к югу от ц. Святого Николая. Оно расположено на вытянутом мысу (Острожная гора) высокого правого берега р. Зуша (правый приток р. Ока, правого притока р. Волга), который с одной стороны отделен глубокой балкой (Градский овраг). Размеры подтреугольной в плане площадки составляют около 150х40-70 м, высота над уровнем уреза воды в р. Зуша до 50 м. Площадка городища распаивается местными жителями практически по всей территории. В северной части поселения расположена электроподстанция. На территории площадки городища прослеживаются следы фундаментов от разрушенных кирпичных построек новейшего времени. Площадка городища сильно пострадала за годы Великой отечественной войны (см. рис. 1).

Городище отделено от напольной стороны рвом, по дну которого проходит современная проселочная дорога, и валом. Склоны

площадки городища имеют значительную крутизну, особенно с восточной и западной сторон. С западной стороны по склону проходит дорога, в верхней части прикрытая валами, у выхода из оврага, в начале подъема дороги, сохранился каменный однопролетный мост, перекинутый через устье Градской балки [7, с. 146-147].

В 2008-2011 гг. О.А. Радюшем на городище были проведены спасательные археологические исследования [6]. Раскопы 1-3 были заложены в центре мысовой площадки и по итогам работ представили собой единый раскоп. Общая площадь исследованной раскопками территории составила 79 кв. м. Мощность напластований культурного слоя на раскопанной площади составляла в среднем 0,8-0,9 м, в заглубленных в материк объектах свыше 2,2 м. Слой в основном представлял различной степени гумусированную золистую супесь. Была выявлена следующая

стратиграфия культурного слоя: под дерном толщиной от 15 до 20 см залегал слой темно-серой супеси с прослойками темно-серой углистой супеси, серой золистой супеси, темно-коричневой супеси. Материком являлся плотный светло желтый суглинок.

В результате исследований была прослежена сложная стратиграфическая ситуация. Нижний слой, содержащий остатки поселенческой структуры эпохи раннего железного века и в значительной степени разрушенный последующими перестройками, представлял собой светло-коричневый очень плотный суглинок мощностью 0,1-0,2 м. Он сохранился небольшими участками в пределах исследованной раскопками площади. Именно в нем была найдена античная монета и развалы лепных сосудов. Слой был перекрыт мощным культурным слоем роменской культуры, эпохи древней Руси и позднего средневековья [6, л. 27].

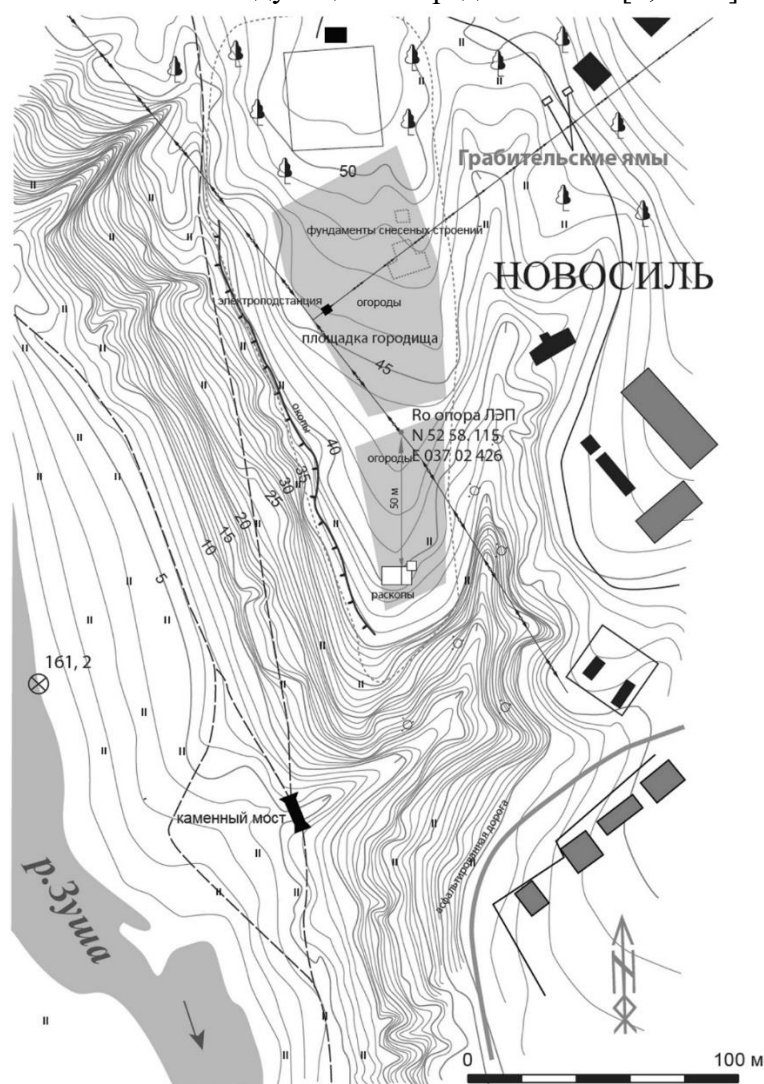

Рис. 1. Городище Новосиль. Топографический план (инструментальная съемка – О.А. Радюш)

Подавляющее большинство лепной керамики нижнего слоя городища Новосиль, относящейся к эпохе раннего железного века, – груболепная, с незначительным количеством заглаженной керамики (следы вертикального заглаживания снаружи и горизонтального внутри). Формовочные массы приготовлены из ожелезненных глин, лишённых грубых примесей. Главным отощителем в тесте выступает примесь песка и дресвы разной степени измельченности, редко встречается примесь шамота и известняка. Обжиг данной керамики неравномерный, производился при непродолжительном воздействии температур каления. Цвет черепка может быть светло-коричневый, светло-оранжевый, бежевый, серый или темно-серый. Вся лепная керамика гладкостенная (см. рис. 2-3).

Керамику нижнего слоя городища Новосиль отличает разнообразная орнаментация сосудов: круглоямочные вдавления по шейке сосуда снаружи (см. рис. 2, 1-2; 3, 18, 22, 24-25) и ямочные изнутри («жемчужины», в виду сильной измельченности на рисунке не приводятся), проколы по шейке изнутри (см. рис. 3, 10, 11, 12, 13), вдавления палочкой и насечки по срезу венчика, пальцевые вдавления по срезу венчика (см. рис. 3, 4, 7), пальцевые вдавления с отпечатком ногтя по шейке сосуда (рис. 3, 5, 9, 10, 14). Иногда венчик не орнаментирован (см. рис. 2, 3; 3, 1-3, 14-17).

Следует отметить, что в нашем распоряжении практически нет целых форм. Исключение составляет небольшой профилированный горшочек (раскоп 1, кв. 12/13, пл. 5, №94 по полевой описи (см. рис. 1, 3). Керамический материал сильно фрагментирован, что объясняется общей сохранностью слоя.

Поэтому на данном этапе исследований представляется целесообразным ограничиться делением керамической тары на варианты, основанном на профилировке верхней трети сосуда. Типологически определяемые сосуды относятся к 3 основным вариантам: 1) округлобокие горшки с отогнутым наружу изогнутым венчиком и выпуклой дугой в верхней части профиля (см. рис. 3, 5-8). Максимальное расширение тулова приходится на середину высоты или несколько выше (численно преобладают); 2) горшки с прямым отогнутым наружу раструбообразным венчиком (см. рис. 2, 3; 3, 11); 3) округлобокие открытые горшки, т.н. тюльпановидные (диаметр венчика больше или равен диаметру наибольшего расширения тулова (раскоп 2, кв. 25, пл. 5, развал (см. рис. 2, 1).

Необходимо отметить, что горшки первого типа численно преобладают в материалах всех поселений и городищ лесостепной скифоидной культуры Посеймья. Горшков второго типа встречено гораздо меньше [5, с. 38].

Функциональный набор посуды дополняют миски или мисковидные сосуды, которые были самым распространенным после горшков типом посуды во всех синхронных и сопредельных культурах. Фрагменты венчиков мисок имеют характерный уплощенный и слегка загнутый вовнутрь край (см. рис. 2, 2; рис. 3, 1-3). Диаметр горла реконструируемой миски равен 27 см, диаметр донца около 12 см (см. рис. 2, 2). Миски изготовлены из более качественной глины, хорошо отмученной и промешанной. Поверхность их ровная, часто со следами заглаживания, без выступающих наружу кусков примесей.

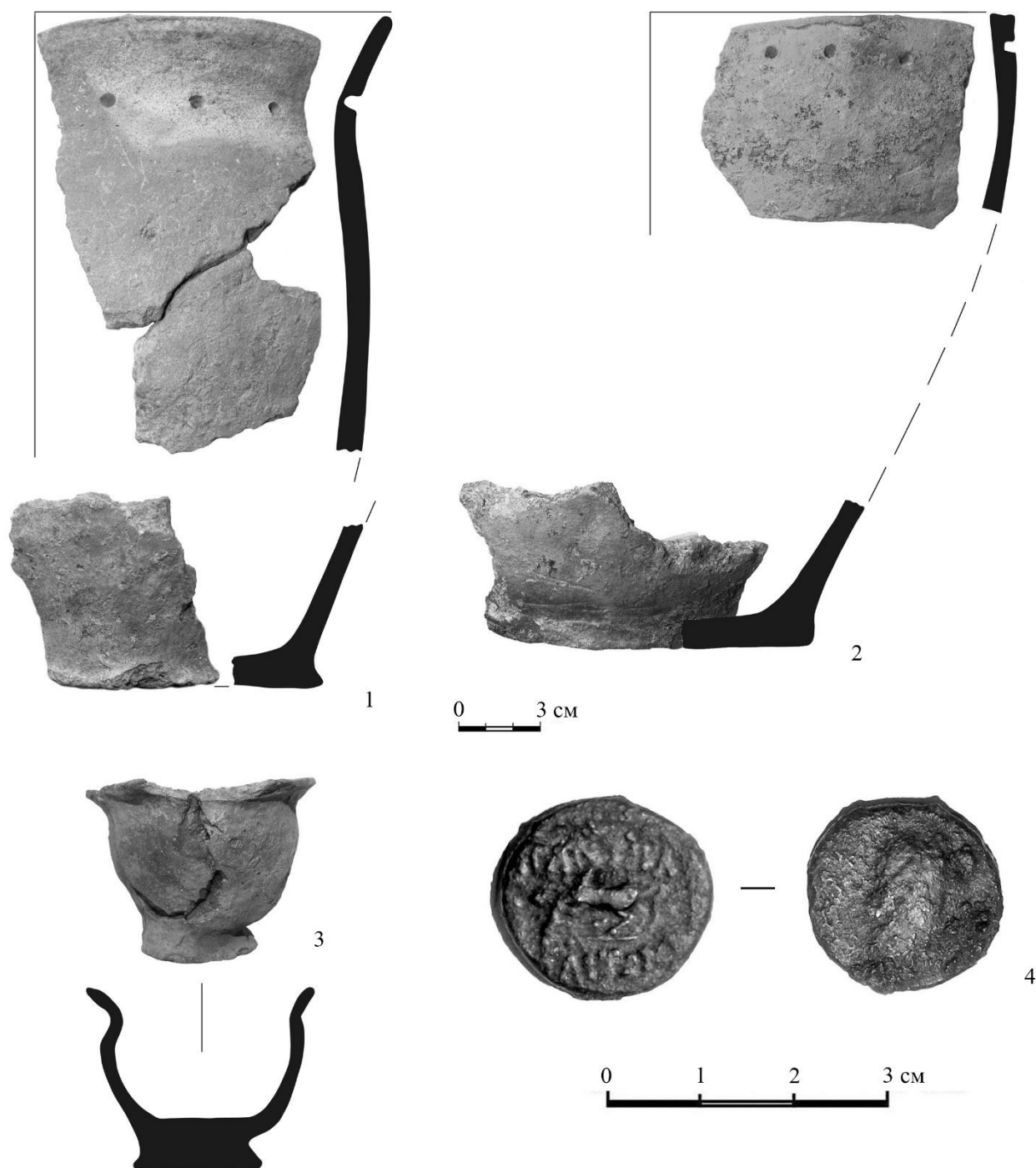

Рис. 2. Грубая лепная керамика (1-3) и находка медной античной монеты (4) из нижнего слоя городища Новосиль.

Этот вариант мисок (№2 по А.И. Пузиковой) наиболее встречаемый при раскопках поселений и городищ лесостепной скифоидной культуры Посеймья [5, с. 40].

Таким образом, керамический комплекс раннего железного века городища Новосиль (нижний слой) представлен сосудами

профилированных форм, с толщиной стенок в среднем 5-9 мм, с «закраинами» у основания днищ (толщина 10-14 см) и мисками. Обращают на себя внимание два донца, имеющие поддон (рис. 3, 19-20). Практически все сосуды (их профильные части) имеют какую-либо орнаментацию.

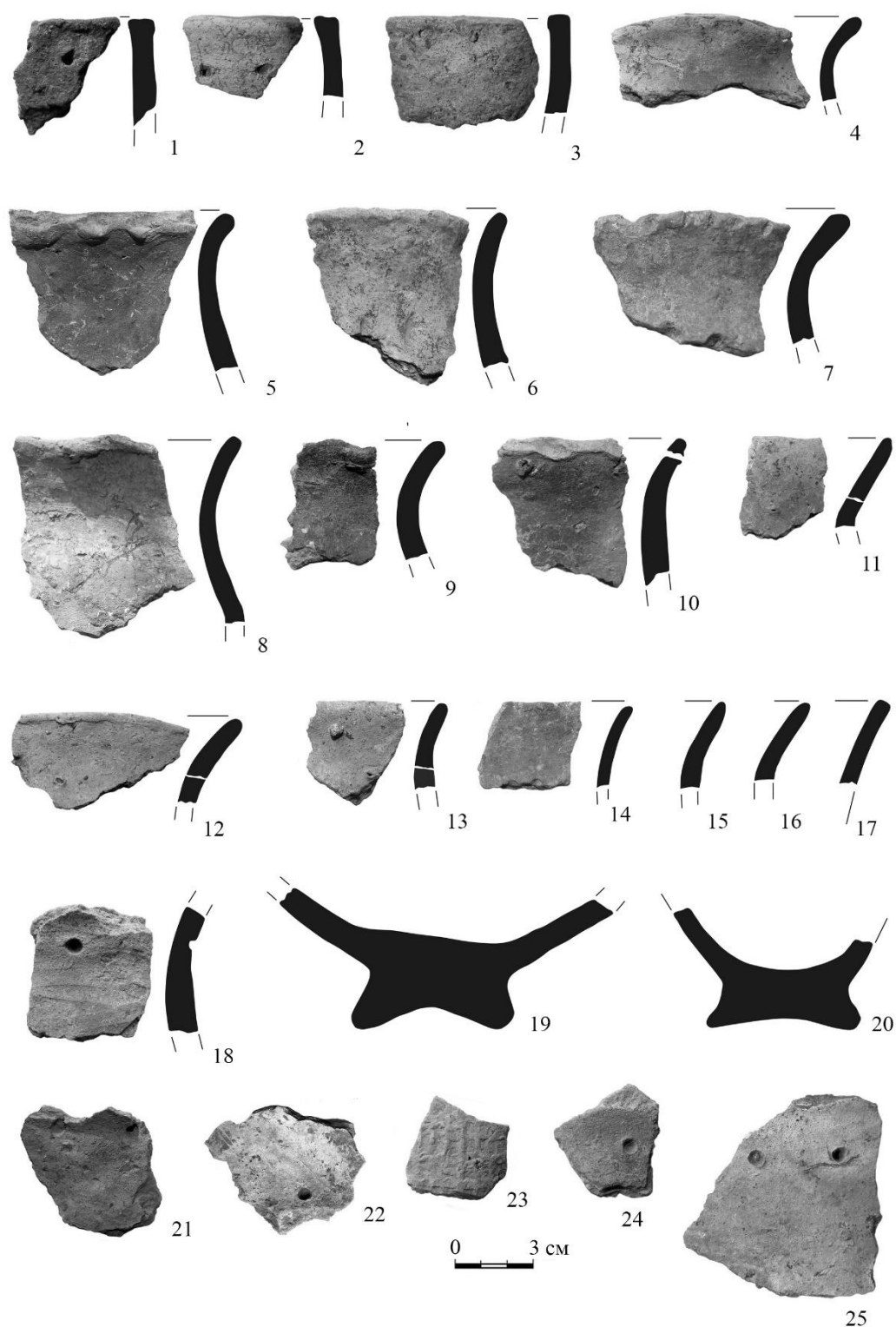

Рис. 3. Грубая лепная керамика из нижнего слоя городища Новосиль.

Специфика керамического комплекса эпохи раннего железного века городища Новосиль позволяет рассматривать его в раках керамических традиций, присущих носителям лесостепной скифоидной культуры (окская группа памятников сейминского варианта лесостепной скифоидной культуры).

Среди индивидуальных находок,

которые могли бы помочь в датировании нижнего слоя, следует обратить внимание на крайне интересную нумизматическую находку (см. рис. 2, 4) медной пантикапейской монеты Асандра 34 г. до н.э. [7, с. 146, рис. 5, 2).

Диаметр 19 мм

Л.С.: Голова Аполлона вправо.

О.С.: Пасущийся пегас влево. Надпись в две строки:

ΠΑΝΤΙΚΑ –
ΠΑΙΤΩΝ.

Н.А. Фролова относит такую монету к II типу тетрахаалков Асандра (49/18 – 21/20 г.г. до н.э.) [10, с. 176, таб. Ша-14]. В.А. Анохин уточняет время её выпуска периодом 37-27 г.г. до н.э. [1, серия П-52, табл. 10, 250]. Находки монет I в. до н.э. в лесостепной зоне до сих пор редки. Это вторая известная находка. На территории Украины (Харьковская область) найдена медная монета городского чекана города Агриппии (Фанагории), датированная Н.А. Фроловой 18-12 г.г. до н.э. [2, с. 159, рис. 1, 13].

Монета с Новосилья происходит непосредственно из нижнего слоя раскопа 2. На основании этой находки слой раннего железного века и исследуемый керамический комплекс следует датировать рубежом эр (конец I в. до н.э. – I в. н.э.).

Необходимо отметить, что материалы рубежа эр лесостепной скифоидной культуры ранее были открыты Т.Н. Никольской в ходе работ на городище Шуклинка близ г. Курска [4, с.

69]. Она датировала полученные материалы I в. н.э. на основании находок двух пряслиц из обломков краснолакового сосуда. Следует заметить, что в непосредственной близости от городища Новосиль в ходе разведочных исследований был выявлен комплекс памятников (городища и селища) с керамикой аналогичной нижнему слою городища Новосиль [8].

Материалы раннего железного века городища Новосиль позволяют по новому рассматривать сложную культурную ситуацию этого периода на территории Верхнего Поочья. До недавнего времени все древности раннего железного века верхнеокского бассейна рассматривались в рамках верхнеокской культуры. Новые материалы показывают, что это далеко не так. Напротив, новейшие археологические исследования открывают сложную картину культурных процессов в исследуемом регионе на рубеже эр [3]. Возможно, материалы лесостепной скифоидной культуры из нижнего слоя городища Новосиль позволят прояснить финал этих древностей, а также приблизиться к пониманию происхождения памятников типа Упа 2 (I в. до н.э. – I в. н.э.) на территории правобережья Верхней Оки.

Авторы выражают огромную благодарность Г.В. Бейдину и К.В. Мызгину за определение нумизматической находки.

Список литературы

1. Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев, Наукова Думка, 1986 - 223 с.
2. Бейдин Г.В., Григорьянц М.Н. Связи племен скифо-сарматского времени левобережной Украины с Северным Причерноморьем по нумизматическим данным // Древности 2010. Харьковский историко-археологический ежегодник. Вып. 9. Харьков: ООО «НТМТ», 2010. С. 156-165.
3. Воронцов А.М., Столяров Е.В. Война I века на границе лесной зоны: Окско-Донской водораздел // Stratum plus. 2019. №4. С. 51-74.
4. Никольская Т.Н. Шуклинское городище // КСИИМК. Вып. 72. 1958. С. 66-78.
5. Пузикова А.И. Памятники скифского времени бассейна р. Тускарь (Посеймье). М., 1997. -126 с.
6. Радюш О.А. Археологические исследования городища Новосиль в Орловской области в 2011 году. Москва, 2012 // Архив ИА РАН. Р-1. б/н.
7. Радюш О.А. 2016. Городище Новосиль // Россия как археологическое пространство М., ИА РАН. С.146-147 .
8. Столяров Е.В. Отчет об археологических разведках в Тульской и Орловской областях в 2012 г. Часть II. Работы в Новосильском и Малоархангельском районах Орловской области. Тула, 2012 // Архив ИА РАН. Р-1. б/н.
9. Фролов И.К. Отчёт Орловского отряда Верхнеокской экспедиции. 1968-1970 гг. // Архив ИА РАН. Р-1. №4920.
10. Фролова Н.А. Монетное дело Боспора (середина I в. до н.э. - середина IV в. н.э.). Часть I. Монетное дело Боспора 49/48 г. до н.э. - 210/211 г. н.э. М.: Эдиториал УРСС, 1997. - 448 с.
11. Шеков А. В. Верховские княжества. Середина XIII - середина XVI в. (Историко-географические исследования). М.: Квадрига; Русская панорама, 2012. - 364 с.

HORIZON OF THE EARLY IRON AGE OF THE HILLFORT OF NOVOSIL.

The article discusses the antiquities of the early Iron Age (end of the 1st century BC - 1st century AD) originating from the lower layer of the settlement of Novosil, Oryol Region. The materials are a complex of stucco ceramics of the forest-steppe Scythoid culture (Seym variant) and a unique find of the copper Pantikopeyan coin Asandra, 34 BC, unique for the territory of Upper Oka river.

Keywords: Hillfort, Early Iron Age, Scythoid culture, Upper Oka river, Zusha river.

References

1. Anohin V.A. Monetnoe delo Bospora [The coinage of the Bosporus.]. Kiev, Naukova Dumka, 1986. 223 p.
2. Bejdin G.V., Grigor'yanc M.N. Svyazi plemen skifo-sarmatskogo vremeni levoberezhnoj Ukrainy s Severnym Prichernomor'em po numizmaticheskim dannym [Relations of the Scythian-Sarmatian tribes of the left-bank Ukraine with the Northern Black Sea coast according to numismatic data] // Drevnosti 2010. Har'kovskij istoriko-arheologicheskij ezhegodnik. — Vyp. 9. Har'kov: OOO «NTMT». P. 156-165.
3. Voroncov A.M., Stolyarov E.V. Vojna I veka na granice lesnoj zony: Oksko-Donskoj vodorazdel [The 1st Century War on the Border of the Forest Zone: the Oka-Don watershed] // Stratum plus. 2019. №4. P. C.51-74.
4. Nikol'skaya T.N. Shuklinskoe gorodishche [Hillfort of Shuklinskoe] // KSIIMK. Vyp. 72. 1958. P. 66-78.
5. Puzikova A.I. Pamyatniki skifskogo vremeni bassejna r. Tuskar' (Posejm'e) [Archaeological sites of the Scythian time of the river basin Tuskar (Seym)]. M., 1997. 126 p.
6. Radyush O.A. Arheologicheskie issledovaniya gorodishcha Novosil' v Orlovskoj oblasti v 2011 godu [Archaeological research of the settlement Novosil in the Oryol region in 2011]. Moskva, 2012 // Arhiv IA RAN. R-1. b/n.
7. Radyush O. A. 2016. Gorodishche Novosil' // Rossiya kak arheologicheskoe prostranstvo [Hillfort Novosil // Russia as an archaeological space]. M., IA RAN. P.146-147 .
8. Stolyarov E.V. Otchet ob arheologicheskikh razvedkah v Tul'skoj i Orlovskoj oblastyah v 2012 g. Chast' II. Raboty v Novosil'skom i Maloarhangel'skom rajonah Orlovskoj oblasti [Report on archaeological exploration in the Tula and Oryol regions in 2012. Part II. Works in the Novosilsky and Maloarkhangel'sky districts of the Oryol region. 2012]. Tula, 2012. // Arhiv IA RAN. R-1. b/n
9. Frolov I.K. Otchyot Orlovskogo otryada Verhneokskoj ekspedicii [Report of the Oryol detachment of the Upper Oka river expedition]. 1968-1970 gg. // Arhiv IA RAN, R-1, №. 4920.
10. Frolova N. A. Monetnoe delo Bospora (seredina I v. do n.e. seredina IV v. n.e.). CHast' I. Monetnoe delo Bospora 49/48 g. do n.e. - 210/211 g. n.e. [The coinage of the Bosporus (mid-1st century BC, mid-4th century BC). Part I. The coinage of the Bosporus 49/48 BC - 210/211 AD] M.: Editorial URSS, 1997. - 448 p.
11. Shekov A. V. Verhovskie knyazhestva. Seredina XIII - seredina XVI v. (Istoriko-geograficheskie issledovaniya) [Verhovskie principalities. The middle of the XIII - the middle of the XVI centuries. (Historical and geographical research)]. M.: Kvadriga; Russkaya panorama, 2012. - 364 p.

Об авторах

Столяров Е.В. — к.и.н., заведующий отделом археологических исследований, Государственный музей-заповедник «Куликово поле» (Россия), E-mail: stolarov_e@mail.ru

Радюш О.А. — научный сотрудник отдела археологии эпохи Великого переселения народов и раннего средневековья, Институт археологии Российской академии наук (Россия), E-mail: radjush@mail.ru

Stolarov E.V. - Candidate of Historical Sciences, Head of Archeological Research Department, Kulikov Pole State Museum and Reserve (Russia), E-mail: stolarov_e@mail.ru

Radyush O.A. - research fellow, Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences Department of Great Migration and Early Medieval archaeology, E-mail: radjush@mail.ru

Фельдман А.Д., бакалавр, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия).

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АМЕРИКАНСКОГО СТУДЕНЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ХОД ВЬЕТНАМСКОЙ ВОЙНЫ (1964-1973 ГГ.)

В данной статье поднимается проблема участия студентов, как специфической группы со своими психологическими особенностями в антивоенном движении и протестных акциях во время Вьетнамской войны и анализируется изменение мнения студентов на эскалацию и де-эскалацию конфликта в опросах американского института общественного мнения Gallup.

Ключевые слова: Л. Джонсон, Р. Никсон, США, Вьетнам, общественное мнение, антивоенное движение, студенты.

DOI: 10.22281/2413-9912-2020-04-02-113-118

Вьетнам – восточная страна со своим укладом жизни, характером, традициями, особенностями и историей, начинающейся с древнейших времён, затем, ставшая яблоком раздора в период «Холодной войны» между двумя сверхдержавами – США и СССР. Идеологически разные страны пытались поделить и определить дальнейшее будущее самобытного Вьетнама, предлагая каждый свою помощь, в основном, материальную. В этой статье стоит рассмотреть одну из сторон ведения Вьетнамской войны и влияние на ход военных действий и векторов политики общественного мнения.

Изучение проблемы взаимного влияния общественного мнения США на ситуацию в стране начнем с отечественных исследователей. Первая работа, изданная в нашей стране, вышла 1965 г. под названием «Движущие силы внешней политики США». В этом труде прослеживается важная тенденция: «общественное мнение становится могучей движущей силой: это не какое-то абстрактное понятие; это – чувства, настроения, чаяния... широчайших общественных кругов» [6; с. 214]. Ввиду идеологического пресса, под которым находились историки того времени, до 1970-1980-х гг. не было подвижек в сторону изучения взаимовлияния антивоенных движений и внешней политики США. По большому счёту, внимание исследователей уделялось массам населения не для того, чтобы доказать влияние их на политику США, а для того, чтобы показать роль компартии и угнетение американского населения к которому не прислушивается правительство.

В 1970-1980-е гг. ракурс изучения проблемы меняется из-за недавно

закончившейся Вьетнамской войны. Например, капитальный вклад в это время внёс Иванов В.В., который, в труде «Антивоенное движение в Соединённых Штатах Америки как политический фактор окончания интервенции в Индокитае 1964-1975 гг.», отмечал: «Антивоенное движение стало одним из основных факторов, оказавших влияние на решение правящих кругов США вывести войска из Индокитае и заключить Парижские мирные соглашения» [3; с. 90-113].

Ряд современных исследователей, таких как Баталов Э.Я. [1], Гаджиев К.С. [2], Согрин В.В. [9;10], Кузнецов Д.В. [5], и многие другие в своих работах обращают внимание на истоки формирования общественного мнения в менталитете американцев, их психологические особенности, раскрывают сущность и содержание основных мифологем, а также исследуют зависимость общественного мнения от социально-экономических факторов.

На основе различных направлений, изучение проблемы связи общественного мнения США и внешней политики в советской и российской историографии отсутствуют дискуссии, в отличие от зарубежных исследователей. В соответствии с этим, выделяют четыре точки зрения в западной историографии по этому вопросу [5; с.71].:

Во-первых, общественное мнение контролирует внешнюю политику, и она подчиняется диктату со стороны общественности. Но исследователи отмечают то, что общественный контроль над внешней политикой часто может быть пагубным и навредить ей. Такая точка вписывается в демократическую модель взаимодействия институтов власти и

общества, присущая США. Это господствующая точка зрения 1960-х гг., активно поддержанная Гэбриелом А. Алмондом [11]., У. Липпманом [22] («консенсус Алмонда-Липпмана»), Дж. Кеннаном [19]., Д. Перкинсом [26]. и другими.

2. Во-вторых, Вьетнамской войне, всколыхнувшей общественность, обязана появления новая, ревизионистская точка зрения: общественное мнение очень важно и достаточно влияет на правительство, но чаще всего контролируемо и правящая элита создает общественное мнение, которое, впоследствии, манипулируют общественностью и ситуацией, когда им это выгодно. Придерживались этой позиции Джордж Х. Гэллап [13]., Джон Э. Мюллер [25], М. Мэнделбаум, У. Шэйдер [23]., Барри Б. Хьюз [17] и другие.

3. В-третьих, в 1980-е взгляды ученых меняются. Г. Зинн [28]., Л. Гарднер [14], Д. Горовиц [16], Г. Колко [20] – представители радикально-демократического направления, рассматривали взаимовлияние общественного мнения и внешней политики с такой стороны: Истеблишмент и общественное мнение в значительной степени независимы: правящая элита не подчиняется общественному мнению, но она и не контролирует его. В результате, они идут раздельными путями.

4. Современный, четвертый подход, который поддерживают не только зарубежные, но и российские историки звучит так: общественное мнение и внешняя политика влияют друг на друга в зависимости от политических, экономических и социальных факторов. Эту точку зрения поддерживали и поддерживают Артур М. Шлезингер-младший [27], Р. Хофстедтер [15], Г. Коммаджер [12], Рэльф Б. Леверинг [21], Кузнецов Д. В. [5], Сегрин В.В. [10] и другие.

В связи с этим возникает вопрос, как именно общественное мнение повлияло на ход Вьетнамской войны и к каким последствиям это привело. На всем протяжении регионального конфликта во Вьетнаме, США пережил всплеск антивоенного движения, призывавшего главным образом прекратить вести военные действия на территории данного восточного региона.

Массовые расходы США на боевые действия (111 млрд. долларов) [5, с.177] способствовали резкому увеличению дефицита и

ухудшению экономических условий в стране, что привело к тому, что многие слои американской общественности, включая студентов, женщин, расовых меньшинств (чернокожие, коренные американцы, американские азиаты), духовенство, ветеранов, протестовали.

Отметим одну из групп гражданского населения, которая на протяжении всего хода войны активно протестовала против внешнеполитического курса США. Студенты являются специфической группой исследования, так как в биологическом понимании это возраст, связанный с процессом взросления. Им присуща высокая социальная активность, относительно высокая познавательная мотивация и гармоничное развитие с социальной и интеллектуальной зрелостью[4].

До Вьетнамской войны студенты были участниками различных протестов - за свободу слова, против расизма, за гражданские права, но по мере расширения участия США в войне во Вьетнаме, война стала главной целью студенческих протестов. На 1965 г., когда конфликт развивался постепенно, пребывание военного контингента во Вьетнаме стало постоянным, был проведён опрос среди гражданского населения: «Вы когда-нибудь чувствовали желание организовать или присоединиться к публичной демонстрации о чем-то?» [7], в котором 21% студентов и выпускников колледжей ответили согласием. Среди остальных отвечающих это был самый высокий процент.

Когда у отвечающих уточняли, против чего они бы хотели выступить, каждый десятый отвечал за де-эскалацию конфликта во Вьетнаме. Обратим внимание, что это процент отвечающих до событий Тетского наступления 1968 г. и в момент сокрытия информации о реальном положении военных дел.

Большинство студенческих антивоенных организаций базировались на местном уровне или в кампусе. Организации, созданные изначально для борьбы за гражданские права, против расизма и свободу слова (Студенческое демократическое общество (SDS), Студенческий ненасильственный координационный комитет (SNCC) и другие) [24, р.114] с момента вступления войны во Вьетнаме, меняют фокус на антивоенные протесты.

Студенческие группы помимо акций протеста и демонстраций, сжигали черновики карточек, рассылали фотографии мёртвых младенцев [18; p.481] и скандировали лозунги: «Эй, эй, ЛБД (прим. LBJ – Lndon Bayne Jonson), сколько детей ты убил сегодня?» С изменением сил и перелома в войне в виде Тетского наступления (1968 г.) общественное мнение поляризуется. Так же, на это повлияли СМИ, открывшие правду на реальное положение военных дел во Вьетнаме, которые скрывали президент Джонсон и генерал Уэстморленд.

По результатам опроса [8] среди студентов в 1969 г. согласные с действиями Никсона составляли 50% и 11% не согласных, остальные, не захотели отвечать на этот вопрос. Среди политического спектра, поддерживающих был 81% республиканцев из общего числа опрошенных студентов (1092 человек из 57 учебных заведений), соответственно 42% демократов и 45% независимых одобряло действия Никсона. Что касается территориального расположения колледжей студентов, максимальную поддержку президент получал от Юга (60% против 34%), ввиду ментальных особенностей южан, так как они более консервативные, чем остальное население. Соответственно, не поддерживали и не одобряли действия Никсона на Востоке (36% против 58%). Жители востока имели высокий уровень жизни, а колледжи востока были ближе к идеям пацифизма, чем учебные заведения Юга.

В опросе, проводившийся американским институтом общественного мнения Gallup (институт, основанный профессором-социологом Джорджем Гэллопом), вводили категории «Hawk» и «Dove» («Ястреб» и «Голубь»), показывающие отношение общества к внешней политике США [8]. «Ястребами» называли тех, кто был сторонником жёсткой внешней политики, а «Голубями» - сторонников взвешенной, пацифистской политики. В опросе, проведённый поздней весной 1967 г., из студентов (1092 человека) «Ястребы» 49% поддерживали эскалацию конфликта, в то время, как 35% «Голубей» выступали против неё. Фокус общественного мнения среди студентов меняется в связи с Тетским наступлением, подключением СМИ к освещению войны для гражданских, приходом Никсона в

Белый дом. В декабре 1969 г. в том же опросе, «Ястребы» почти в 2,5 раза меньше выступают за эскалацию (20%), а «Голуби» составляют 69% (т.е. 2 из каждых 3-х студентов) и передают настроения общества, связанные с ожиданием выхода США из войны.

Отдельно стоит обратить внимания на мнения студентов, приводящиеся после опросов [8]: «Давайте дадим себе твёрдое обещание больше никогда не вмешиваться в проблемы других стран. У нас своих достаточно дома». (Колледж Лафайетт. Истон, Пенсильвания), «Я почти всегда плачу, когда думаю о бессмысленных убийствах, происходящих там. Я не знаю, почему мы не можем выбраться оттуда. Неужели это так сложно понять?» (выпускница без указания колледжа), «А что он (прим. Ричард Никсон) ещё может сделать? Вы не можете назначить дату вывода войск домой» (Пенсильванский университет. Филадельфия, Пенсильвания.) Мнения студентов, которые учёл Gallup, были преимущественно из восточных университетов, поэтому целой картины агрессивно настроенных студентов по всему США не рисует, но показывает настроения в студенческой среде.

Агрессивный характер протестов усилился в период с 1969 по 1970 г., было зафиксировано 197 случаев нападения студентов на корпуса подготовки офицеров резерва, находящихся в студенческих городках [24, p.290]. Новый всплеск начался в ответ на расстрел в штате Кент и вторжение в Камбоджу. Это стало крупнейшей студенческой забастовкой в истории Америки с мая по июнь 1970 г., в которой приняли участие более четырех миллионов студентов. В то время как очередной опрос от Gallup на вопрос «Одобряете или не одобряете ли вы то, как президент Никсон справляется с ситуацией в Камбодже?» [18, p.169] показал 50% одобрения и 35% против. Студенты не были выделены как отдельная группа выборки, поэтому можем лишь предполагать, что мнения студентов входили в 35% не одобряющих.

К 1970 г., когда Никсон постепенно уменьшал военный контингент на территории Вьетнама, проходил «национальный митинг» против войны во Вьетнаме, студенческие выступления сократились, а так же, это связывают с разочарованием в

антивоенном движении, не дававшее результаты.

Таким образом, на примере этой социальной группы можно проследить поляризацию общественного мнения с момента начала войны и пика эскалации, учитывая, что студенты являются специфической группой населения с повышенной социальной активностью, которая проявлялась ещё до Вьетнамской войны. С тех событий, как студентов забирали добровольцами в армию, как

группа с повышенной познавательной мотивацией, они активизировались и составили большую часть мирного населения, выступавшего за де-эскалацию войны и немедленного вывода войск из Вьетнама. Нельзя забывать тот факт, что студенты и их протесты из другой социальной базы участвующих в акциях, стали одним из факторов к сокращению военного контингента и в последующем прекращении конфликта во Вьетнаме.

Список литературы

1. Баталов Э.Я. Социальная утопия и утопическое сознание в США. М. Наука. 1982. 335 с.
2. Гаджиев К.С. Сравнительный анализ национальной идентичности США и России. М. Логос. 2013. 420 с.
3. Иванов В.В. Антивоенное движение в Соединённых Штатах Америки как политический фактор окончания интервенции в Индокитае 1964-1975 гг. // Чтения памяти профессора Евгения Петровича Сычевского: Сборник докладов. В.14. Издательство БГПУ. Благовещенск. 2014. С.90-113
4. Жуматаева М.С., Балаева М.К., Шайжанова К. У. Психологические и психофизические особенности студентов. / Современные инновации. №5. Казахский государственный женский педагогический университет. Г. Алматы. 2016. [Электронный ресурс]: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-i-psihofiziologicheskie-osobennosti-studentov/viewer> дата обращения 22.03.2020
5. Кузнецов Д.В. «Тень» Вьетнама над Америкой. Американское общественное мнение и использование военной силы США после войны во Вьетнаме (1973-2009). СПб. Нестор-История. 2016. 752 с.
6. Движущие силы внешней политики США. Ред. коллегия: И. Лемин (отв. ред.). М. Наука. 1965. 528 с.
7. Опрос Gallup: URL: <https://news.gallup.com/vault/230501/gallup-vault-1969-college-students-resistance-vietnam.aspx> дата обращения 22.03.2020
8. Опрос Gallup: URL: <https://news.gallup.com/vault/191828/gallup-vault-hawks-doves-vietnam.aspx> дата обращения 22.03.2020
9. Согрин В.В. «Американская исключительность»: мифы и реальность. М. Знание. 1986. 64 с.
10. Согрин В.В. Исторический опыт США. М. Наука. 2010. 581 с.
11. Almond G.A. The American People and Foreign Policy. New York. Harcourt, Brace and Company. 1950. 259 p.
12. Commager H. The Defeat of America: War, Presidential Power, and the National Character. New York. Random House. 1974. 159 p.
13. Gallup, George H. The Sophisticated Poll Watcher's Guide. Princeton; Opinion Press, 1972. 587 p.
14. Vietnam: The Early Decisions. Eds. by Lloyd C. Gardner and Ted Gittinger. Austin. University of Texas Press. 1997. 228 p.
15. Hofstadter R. The Paranoid Style of American Politics. New York. Knopf. 1966. 330 p.
16. Horowitz D. The Free World Colossus: A Critique of American Foreign Policy in the Cold War. New York. Hill & Wang. 1971. 465 p.
17. Hughes, Barry B. The Domestic Context of American Foreign Policy. San Francisco. Freeman. 1978. 240 p.
18. Kissinger, Henry. Ending the Vietnam war: a history of America's involvement in and extrication from the Vietnam war. New York. Touchstone. 2014. 635 p.

19. Kennan G. The American Diplomacy, 1900-1950. Chicago. University of Chicago Press. 1951. 450 p.
20. Kolko G. Anatomy of a War; Vietnam, the United States, and the Modern Historical Experience. New York. The New Press. 1985. 688 p.
21. Levering, Ralph B. Public Opinion, Foreign Policy and American Politics since the 1960s // Diplomatic History. V. 13. № 3. 1989. pp. 382-393.
22. Lippman W. Essays in the Public Philosophy. Boston. Little, Brown. 1955. 189 p.
23. Mandelbaum M., Schaeider W. The New Internationalism: Public Opinion and Foreign Policy // Eagle Entangled: US Foreign Policy in a Complex World / Ed. by K. Oye et al. New York, London. 1979.
24. Edward P Morgan. 60's experience: Hard lessons about modern America. Philadelphia. Temple Univ. Press, 1991. 357 p.
25. Mueller, John E. War, Presidents and Public Opinion. New York. Wiley. 1973. 300 p.
26. Perkins D. The American Approach to Foreign Policy. Cambridge: Harvard University Press, 1962. 256 p.
27. Schlesinger, Arthur M. Jr. The Bitter Heritage: Vietnam and American Democracy, 1941-1966. Boston: Houghton Mifflin Company, 1967. 126 p.
28. Zinn H. A. People's History of the United States: 1492 – Present. New York. Harper and Row. 1980. 745 p.

THE ACTIVITIES OF THE AMERICAN STUDENT MOVEMENT AND ITS INFLUENCE ON THE COURSE OF THE VIETNAM WAR (1964-1973)

This article raises the problem of student participation as a specific group with its psychological characteristics in the antiwar movement and protests during the Vietnam War and analyzes the change in students' opinions on the escalation and de-escalation of the conflict in surveys of the American Gallup Public Opinion Institute.

Keywords: L. Johnson, R. Nixon, USA, Vietnam, public opinion, anti-war movement, students.

References

1. Batalov E.YA. Social'naya utopiya i utopicheskoe soznanie v SSHA. M. Nauka. 1982. 335 s.
2. Gadzhiev K.S. Sravnitel'nyj analiz nacional'noj identichnosti SSHA i Rossii. M. Logos. 2013. 420 s.
3. Ivanov V.V. Antivoennoe dvizhenie v Soedinyonnyh SHtatah Ameriki kak politicheskij faktor okonchaniya intervencii v Indokitae 1964-1975 gg. // CHteniya pamyati professora Evgeniya Petrovicha Sychevskogo: Sbornik dokladov. V.14. Izdatel'stvo BGPU. Blagoveshchensk. 2014. S.90-113
4. ZHumataeva M.S., Balaeva M.K., SHajzhanova K. U. Psihologicheskie i psihofizicheskie osobennosti studentov. / Sovremennye innovacii. №5. Kazahskij gosudarstvennyj zhenskij pedagogicheskij universitet. G. Almaty. 2016. [Elektronnyj resurs]: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-i-psihofiziologicheskie-osobennosti-studentov/viewer> data obrashcheniya 22.03.2020
5. Kuznecov D.V. «Ten'» V'etnama nad Amerikoj. Amerikanskoe obshchestvennoe mnenie i ispol'zovanie voennoj sily SSHA posle vojny vo V'etname (1973-2009). SPb. Nestor-Istoriya. 2016. 752 s.
6. Dvizhushchie sily vneshnej politiki SSHA. Red. kollegiya: I. Lemin (otv. red.). M. Nauka. 1965. 528 s.
7. Opros Gallup: URL: <https://news.gallup.com/vault/230501/gallup-vault-1969-college-students-resistance-vietnam.aspx> data obrashcheniya 22.03.2020
8. Opros Gallup: URL: <https://news.gallup.com/vault/191828/gallup-vault-hawks-doves-vietnam.aspx> data obrashcheniya 22.03.2020
9. Cognin V.V. «Amerikanskaya isklyuchitel'nost'»: mify i real'nost'. M. Znanie. 1986. 64 c.
10. Cognin V.V. Istoricheskij opyt SSHA. M. Nauka. 2010. 581 c.
11. Almond G.A. The American People and Foreign Policy. New York. Harcourt, Brace and Company. 1950. 259 p.
12. Sommager H. The Defeat of America: War, Presidential Power, and the National Character. New York. Random House. 1974. 159 p.
13. Gallup, George H. The Sophisticated Poll Watcher's Guide. Princeton; Opinion Press, 1972. 587 p.

14. Vietnam: The Early Decisions. Eds. by Lloyd C. Gardner and Ted Gittinger. Austin. University of Texas Press. 1997. 228 p.
15. Hofstadter R. The Paranoid Style of American Politiss. New York. Knopf. 1966. 330 p.
16. Horowitz D. The Free World Solossus: A Sritique of Amerisan Foreign Policy in the Sold War. New York. Hill & Wang. 1971. 465 p.
17. Hughes, Barry B. The Domestic Sontext of American Foreign Policy. San Francisco. Freeman. 1978. 240 p.
18. Kissinger, Henry. Ending the Vietnam war: a history of America's involvement in and ex-
trication from the Vietnam war. New York. Touchstone. 2014. 635 p.
19. Kennan G. The Amerisan Diplomacy, 1900-1950. Shicago. University of Shicago Press.
1951. 450 p.
20. Kolko G. Anatomy of a War; Vietnam, the United States, and the Modern Historical Expe-
rience. New York. The New Press. 1985. 688 p.
21. Levering, Ralph B. Public Opinion, Foreign Policy and American Politics since the 1960s
// Diplomatic History. V. 13. № 3. 1989. pp. 382-393.
22. Lirrman W. Essays in the Rublic Rhilosophy. Boston. Little, Brown. 1955. 189 p.
23. Mandelbaum M., Schaeider W. The New Internationalismus: Public Opinion and Foreign
Policy // Eagle Entangled: US Foreign Policy in a Somplex World / Ed. by K. Oyeet al. New York,
London. 1979.
24. Edward P Morgan. 60's experiense: Nard lessons about modern America. Rhiladelphia.
Temple Univ. Press, 1991. 357 p.
25. Mueller, John E. War, Rresidents and Rublic Orinion. New York. Willey. 1973. 300 p.
26. Perkins D. The American Approach to Foreign Rolicy. Cambridge: Harvard University
Press, 1962. 256 p.
27. Schlesinger, Arthur M. Jr. The Bitter Heritage: Vietnam and American Democracy, 1941-
1966. Voston: Houghton Mifflin Sompany, 1967. 126 p.
28. Zinn H. A. People's History of the United States: 1492 – Present. New York. Harper and
Row. 1980. 745 p.

Об авторе

Фельдман Анастасия Дмитриевна – бакалавр факультета истории и международных отно-
шений Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского (Россия),
E-mail: ru_nasty00@mail.ru

Feldman Anastasia Dmitrievna – Bachelor of the Department of History and International Relations
of Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky (Russia), E-mail:
ru_nasty00@mail.ru

Чубур А. А., кандидат исторических наук, профессор РАЕ, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

Шафенкова Ю. В., студентка, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

О СЕВЕРНЫХ ГРАНИЦАХ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПОСТКАТАКОМБНЫХ ДРЕВНОСТЕЙ СРЕДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА В ПОДЕСЕНЬЕ¹

Демонстрируются свидетельства присутствия на территории Брянского Подесенья (среднее течение Десны) артефактов, связанных с катакомбной культурной общностью (среднедонская катакомбная культура) и посткатакомбной бабинской культуры (культура многоваликовой керамики). Таким образом, в относительно однородный культурный массив лесных (пра-балтских?) культур шнуrowой керамики в среднем бронзовом веке с юга вклинились обитатели лесостепной и степной природных зон. Выводы сделаны по результатам типологического и пространственного анализа находок каменных топоров из фондов краеведческих музеев Брянской области. Задача археологов на настоящем этапе исследований – это поиск в установленных ареалах распространения случайных находок поселенческих, а возможно и погребальных памятников многоваликовой керамики.

Ключевые слова: катакомбная культура, бабинская культура, культура многоваликовой керамики, каменный топор, бассейн Десны, бронзовый век, ополье.

DOI: 10.22281/2413-9912-2020-04-02-119-128

Традиционно территория Среднего Подесенья (включая Брянское течение Десны) в раннем и среднем бронзовом веке считается зоной повсеместного распространения Среднеднепровской археологической культуры, а позднее – местного варианта сосницкой культуры, генетически вырастающего непосредственно из среднеднепровских корней [2].

Большая часть случайных находок каменных топоров на территории Брянского Подесенья вполне соответствует набору вещей из исследованных здесь среднеднепровских и сосницких памятников. Однако, работая над составлением свода, авторы обратили внимание на ряд находок каменных топоров, типологически не вмещающихся в привычный местный культурный контекст.

Первая находка – это секировидный клиновидно-обушковый сверленный каменный топор с изогнутым в профиль расширенным лезвием. Найден он на Десне между селами Будимир и Селец в Трубчевском районе. Длина 15 см, ширина 7 см, высота 6,5 см, диаметр проушины 2,5 см, высота лезвия 8,5 см. Обух округлый в сечении, грибовидный. Изготовлен из серого гранита. (Рис.1.1) (Трубчевский краеведческий музей (далее – ТКМ) 3376).

По мнению С.Н. Братченко, такие топоры являются производными от гладких топоров кабардино-пятигорского типа с Северного Кавказа и Кубани [6, С.99: 10], а их возможным металлическим прототипом, как нам представляется, можно считать обушковый бронзовый топор с секировидным лезвием из станицы Воздвиженская [11, Рис.6.3]. Сходные изделия известны как случайные находки из с. Выползово Солнцевского района Курской обл. (верхнее течение р. Сейм) [1, Рис.4: 2], с территории Полтавской обл. и из с. Вышетарасовка Днепровской обл. Украины, в других пунктах. Аналогичный топор из культурного слоя стоянки Университетская-2 на территории Воронежа, благодаря нахождению *in situ*, имеет достаточно четкую хронологическую позицию и культурную привязку [16, С.81-86]. По сопутствующим материалам А.Д. Пряхин относит это поселение к среднему этапу среднедонской катакомбной культуры [14]. Таким образом, изделия этого типа могут быть, с одной стороны, датированы XVII-XVIII вв. до н.э., а с другой – быть связаны с катакомбной культурной общностью. Сходный топор с аналогичной датировкой известен из погребения 6 кургана 5 в могильнике Западный (Ростов-на-Дону) манычской катакомбной

¹ Работа выполнена при частичной поддержке РФФИ, грант 18-45-320001 Природные и социальные факторы динамики сельскохозяйственного освоения Среднего Подесенья

культуры [7, Рис.55: 29, С.98].

Второй группой находок являются каменные шлифованные изделия с желобчатым перехватом, подразделяющиеся на два типа: клиновидные топоры и булавовидные молоты. Всего их на территории Брянской области на данный момент выявлено 12 экземпляров, почти все они группируются в южной части региона.

1. Трубчевский район. Топор. Длина 13,5, ширина 3,5, высота 4,5 см. Ширина желобка 2 см. Гранит. (Рис.2: 1). Трубчевский краеведческий музей (далее ТКМ) №2753.

2. Радутино с., Радутинское городище. Трубчевский район. Топор. Длина 15 см, высота 4,8 см, ширина 4 см, ширина желобка 2 см. Кварцит. (Рис. 2: 2) (ТКМ 4782).

3. Трубчевский район. Топор. Длина 13, высота 5, ширина 2,5 см, ширина желобка 2 см. (Рис. 2: 3). ТКМ, без номера.

4. Новозыбковский район. Топор-молоток. Кварцит (?) сургучного цвета. Длина 8,2, высота 4, ширина 3 см, ширина желобка 1,5 см. Обушок с сильной забитостью. (Рис. 2: 4). (Новозыбковский краеведческий музей (далее – НКМ) 2671).

5. с. Внуковичи, Новозыбковский район. Топорик. Серый долерит. Длина 14,5, ширина 3,5, высота 5,5 см, ширина желобка 2 см. (Рис. 2: 5). (НКМ 932).

6. с. Долботово с., Погарский район. Топор. Найден в торфянике. Серый кварцит. Длина 13, ширина 5, высота 5,5 см, ширина желобка 2 см. (Рис. 2: 6). Брянский краеведческий музей (БОМ 7406).

7. г. Почеп, Почепское селище. Топор-молоток. Раскопки Ф.М. Заверняева [9. Рис.4] Длина 11, ширина 4,5, высота 5,5 см, ширина желобка 1,5 см (Рис. 2: 7).

8. г. Почеп, Почепское селище. Булаво-видное орудие. Раскопки Ф.М. Заверняева [9. Рис.4]. Длина 8,8, ширина 6,5, высота 5,6 см, ширина желобка 1,8 см (Рис. 2: 8).

9. Селецкая ж/д платформа, урочище Красота, Трубчевский район. Топор. Красно-коричневый песчаник. Длина 12,8 см, высота у перехвата 6,3 см, сужается к лезвию и обуху до 5 и 4,6 см. Обушок неправильно-овальный. Найден на дне песчаного карьера на глубине 4 м. [12. Рис.3:2]. (Рис. 2: 9)

10. Стародубский район. Топор-молоток. Гранит. Длина 9, высота 6,5 см, ширина

желобка 1,8 см. (Рис.2: 10). Стародубский краеведческий музей, экспозиция.

11. Почепский район. Топор. Длина 13, высота 6,5 см, ширина желобка 3 см. Долерит. (Рис. 2: 11) Мглинский краеведческий музей.

12. Почепский район. Топор. Длина 9,5, высота 5, ширина 2,5 см, ширина желобка 2 см. (Рис. 2: 12) Почепский краеведческий музей, экспозиция.

Типологически сходные орудия встречаются на памятниках балановской культуры [4] в Среднем Поволжье, Вятско-Ветлужском и Волго-Камском междуречье и нижней Оке. Но их ареал географически чрезвычайно удален от Подесенья. При этом на разделяющем пространстве ни один известный памятник фатьяновской культуры не принес подобных орудий, нет их там и в числе случайных находок. О.Н. Бадер и А.Х. Халиков связывают генезис изделий с полтавкинской культурой Нижнего Поволжья и хронологически относят к раннебалановским памятникам I половины II тыс. до н.э. [4. с.65].

Если и допустить наличие столь удаленных и, судя по количеству находок, регулярных культурных связей, между носителями балановской и деснинского варианта среднеднепровской культуры, то ненамного сложнее окажется вообразить связи населения Десны с жителями Нигера или древними обитателями равнин и Атлантического побережья Северной Америки: ведь в этих регионах также использовали каменные топоры с желобчатым перехватом (рис.3). Разумней признать, что в случае с балановской культурой мы имеем дело с конвергенцией: ограниченность технологических приёмов часто проводит к независимому возникновению сходных типов изделий в культуре разных племён, никак не связанных меж собой и, порой, разделенных огромными расстояниями.

Орудия с желобчатым перехватом (часто их в литературе называют «привязными топорами и молотами») характерны для бабинской культуры среднего бронзового века, известной еще как общность культур многоваликовой керамики (КМК). А.Т. Синюк полагает, что КМК может быть генетически связана с памятниками среднего этапа среднедонской катакомбной культуры, для которой характерна наиболее ранняя посуда,

украшенная наlepными валиками [15. С.89, 134: Рис.70]. Типичные клиновидные топоры и молоты с желобчатым перехватом происходит с поселений КМК (Днепро-Донской бабинской культуры) Подгоровка, Проказино (Луганская обл., Украина), Поляны (Харьковская обл., Украина) [5. Рис.3: 21; 6. С.23-24, Рис 7: 6, 15]. В виде случайных находок изделия с желобчатым перехватом широко представлены непосредственно к югу от Брянской области: как минимум 6 находок известно с территории центра и северо-запада Курской области [1. Рис.8]. Не меньшее их число происходит из Посеймья с территории Сумской области Украины. Таким образом, культурная принадлежность и наиболее вероятная датировка находок с территории юга и центра Брянской области становится ясной. Более того, она вполне совпадает и с датировкой рассмотренных выше секировидных сверленных топоров.

Наконец следует упомянуть еще одну группу находок, не относящуюся к каменным изделиям: это медные и бронзовые кованые кельты, одна из наиболее ранних и простых форм бронзовых втульчатых топоров, относящаяся к типу К-2 [18]. На территории Брянской области их в настоящее время известно два. Один – на р. Колодезь в Суземском районе [20] (Рис. 1: 2) (максимальная длина 11,5 см, поперечник втулки 4 см, длина лезвия 3 см), другой близ пос. Вышков в Злынковском районе (Рис. 1: 3) (длина 8,8 см, ширина 3,6 см, поперечник втулки 1,5 см), не орнаментирован, венчик втулки не укреплен валиком,

О подобных изделиях пишет К.М. Поликарпович: «В северной части Украины встречаются медные и бронзовые долотоподобные орудия, которые можно рассматривать, скорее всего, как мотыги. Ближайшая к Белоруссии находка таких мотыг известна на Десне в Сосницком районе. А.М. Тальгрэн указал в 1926 г. три таких находки» [13, л.7]. Серию подобных случайных находок кованых безушковых кельтов на берегах Верхнего и Среднего Поднепровья можно уверенно отнести к среднему бронзовому веку и связать с бабинской культурной общностью [10].

Заметим, что топоры катакомбного-посткатакомбного типа в Брянском Подесенье и сопредельных территориях не могут

быть свидетельствами межкультурных браков, поскольку браки с большой степенью вероятности (о более высоком статусе мужчин говорит погребальный обряд) носили экзогамный характер, а топор являлся мужским инструментом, оружием, символом власти и социального статуса.

Основываясь на рассмотренном корпусе случайных находок и находок с некоторых поселений в Брянском Подесенье и сопредельных территориях, можно предположить, что в среднем бронзовом веке, в XVIII–XVII вв. до н.э. в южные пределы этой территории из Черниговского Подесенья и Сумского Посеймья смещается северная граница ареала общности КМК (днепро-донецкая бабинская культура). Следуя по наиболее открытым ландшафтам ополей, носители этих традиций могли подниматься вдоль долины Судости, «отсекая» Деснинскую группу среднелюбовской культуры от основного ареала, лежащего западнее. Не исключено, что КМК в итоге оказала влияние и на формирование местного варианта сосницкой культуры позднего бронзового века. «Параллельным курсом» уже по левобережью Десны с юга через Комаричский степной «коридор» из Курского Посеймья продвигались носители абашевской археологической культуры (Рис.4).

Бабинско-абашевский “Drang nach Norden” мог быть связан с резким похолоданием наступившим после суббореального термического максимума с жесткой аридизацией климата. Усиленное серией вулканических катастроф сильное глобальное похолодание XVIII-XVI вв. до н.э. [21] на фоне продолжающегося иссушения способствовало еще большей деградации сомкнутых лесных массивов и остепнению ландшафтов, открывая путь на север степным и лесостепным группам земледельцев и скотоводов. Установлено, что граница между степью и лесостепью 4000 л.н. была смещена к северу своего современного положения на 140-200 км [17], вероятно сходно смещались границы и лесной зоны.

Задача полевой археологии на настоящем этапе исследований – это поиск в установленных ареалах распространения случайных находок поселенческих, а возможно и

погребальных памятников, оставленные носителями южных культур. Это тем более перспективно, что присутствие фрагментов характерных сосудов с наклепными валиками уже установлено для ряда поселений бронзового века в данном регионе [8; 19].

Детальное изучение коллекций провинциальных музеев, в том числе категории

«случайных находок», накапливающихся в некоторых случаях уже более века, и в дальнейшем может способствовать уточнению наших знаний о распространении древностей различных периодов и ареалов древних племён и культур.

Список литературы

1. Апальков А.Н. Каменные топоры Курского Посеймья и южного Попселья // Курские тетради. Курск и куряне глазами ученых. Тетрадь 5, ч.1. Курск, 2004. С.7-19.
2. Артеменко И.И. Культуры шнуrowой керамики: среднеднепровская, подкарпатская, городоцко-здолбицкая, стжижовская // Эпоха бронзы лесной полосы СССР (Археология СССР). – М.: Наука, 1987, С.35-50.
3. Артеменко І.І., Пронін Г.М. Пам'ятки абашевської культури на Десні // Археологія, 1976. Вип. 20. С.66-77.
4. Бадер О.Н., Халиков А.Х. Памятники балановской культуры / Свод археологических источников. Вып. В 1–25. М., 1976. – 170 с.
5. Березанская С.С. Северная Украина в эпоху бронзы. – Киев: Наукова думка, 1982. – 212 с.
6. Березанская С.С., Отрощенко В.В., Чередниченко Н.Н., Шарафутдинова И.Н. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. – Киев: Наукова думка, 1986. – 168 с.
7. Братченко С.Н. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев: Наукова думка. 1976. – 247 с.
8. Заверняев Ф.М. Поселения эпохи бронзы на Десне // Краткие сообщения института археологии ИА АН УССР. Киев, 1960. Вып.10. С. 65-69.
9. Заверняев Ф.М. Памятники эпохи поздней бронзы в бассейне Верхней Десны // Советская археология, 1964. № 1. С.146-156.
10. Куштан Д. Ранние металлические серпы и кельты эпохи бронзы на территории Среднего Поднепровья // Revista Arheologica. Serie noua. – Vol. IX, nr. 1. – Omagiu domnului Valentin Dergaciou cu ocazia implinirii a 70 de ani. – Chisinau, 2013. P. 131-143.
11. Марковин В.И. Культура племён Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н.э.) / Материалы и исследования по археологии СССР. Т.93. – М.-Л.: АН СССР. 1960. – 151 с.
12. Миненко В.В., Гурьянов В.Н. Новые памятники археологии на левобережье Десны // Русский сборник. Вып.2-3. – Брянск: БГУ, 2006. С. 50-54.
13. Поликарпович К.М. Черновики рукописей по бронзовому веку // Научный архив Юдиновского краеведческого музея, ф.1, д.117.
14. Пряхин А.Д. Поселения катакомбного времени лесостепного Подонья. – Воронеж: ВГУ, 1982. – 160 с.
15. Синюк А.Т. Бронзовый век бассейна Дона. – Воронеж: ВГПУ, 1996 – 352 с.
16. Тихонов Б.Г., Матвеев Ю.П. Университетские поселения среднедонской катакомбной культуры в пойме р. Воронежа // Эпоха бронзы Волго-Уральской лесостепи: сборник научных трудов. Воронеж, 1981. С.75-88.
17. Чендев Ю. Г. Закономерности формирования лесостепного ландшафта на территории Среднерусской возвышенности (по результатам почвенно-эволюционных исследований) // Научные ведомости Белгородского государственного университета (серия естествознание). 2008. №3. С.176-187.
18. Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). – М.: Наука, 1989. – 320 с.
19. Чубур А.А. Поздний бронзовый век нижней Судости по материалам микрорегиона

Курово // Деснинские древности Материалы межгос. науч. конф., посв. памяти брянского археолога и краеведа, Заслуженного работника культуры РСФСР Ф.М. Заверняева. – Брянск, 2014. С. 46-64.

20. Шафенкова Ю.В. Каменные и бронзовые топоры из Суземского полесья // Древности Средне-Западной России и сопредельных территорий. Материалы XXXII межд. конф. – Брянск: БГУ, 2016. С. 104-107.

21. Siklosy Z., Demeny A., Vennemann T.W., Kramers J., Lauritzen S.E., Leel-Ossy Sz. Middle bronze age climate change recorded in a Hungarian stalagmite: triggering by volcanic activity? // Geophysical Research Abstracts. 2007. Vol. 11, No 00777.

Подписи к иллюстрациям.

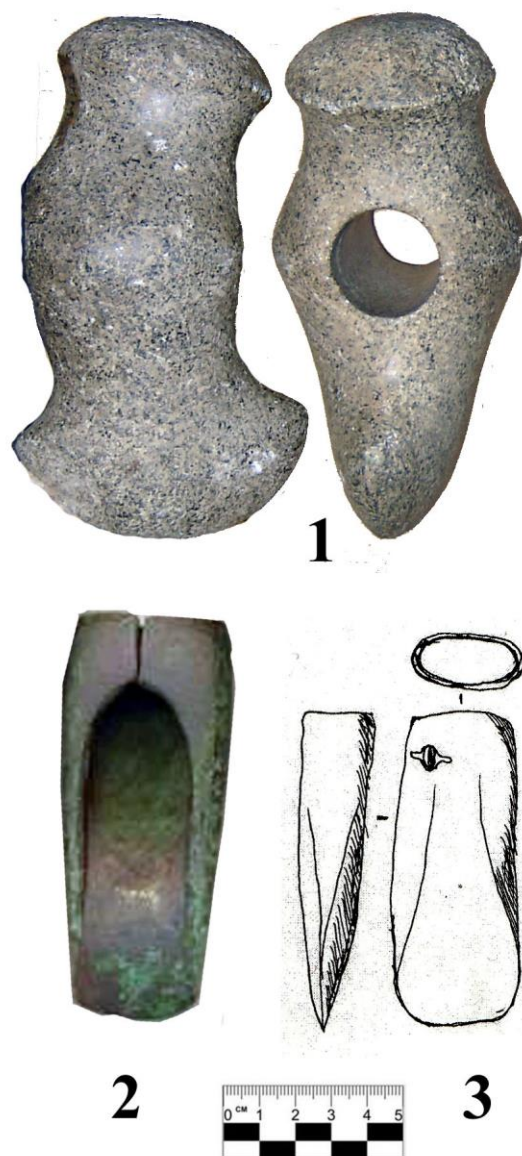

Рис.1. Каменные и бронзовые топоры из Брянской области. 1 - секировидный сверленный шлифованный каменный топор кабардино-пятигорского типа из с. Будимир, Трубчевский район Брянской обл. 2-3 - кованые безушковые кельты, Брянская область (2 – р. Колодезь, Суземский р-н. 3 – пос. Вышков, Злынковский р-н).

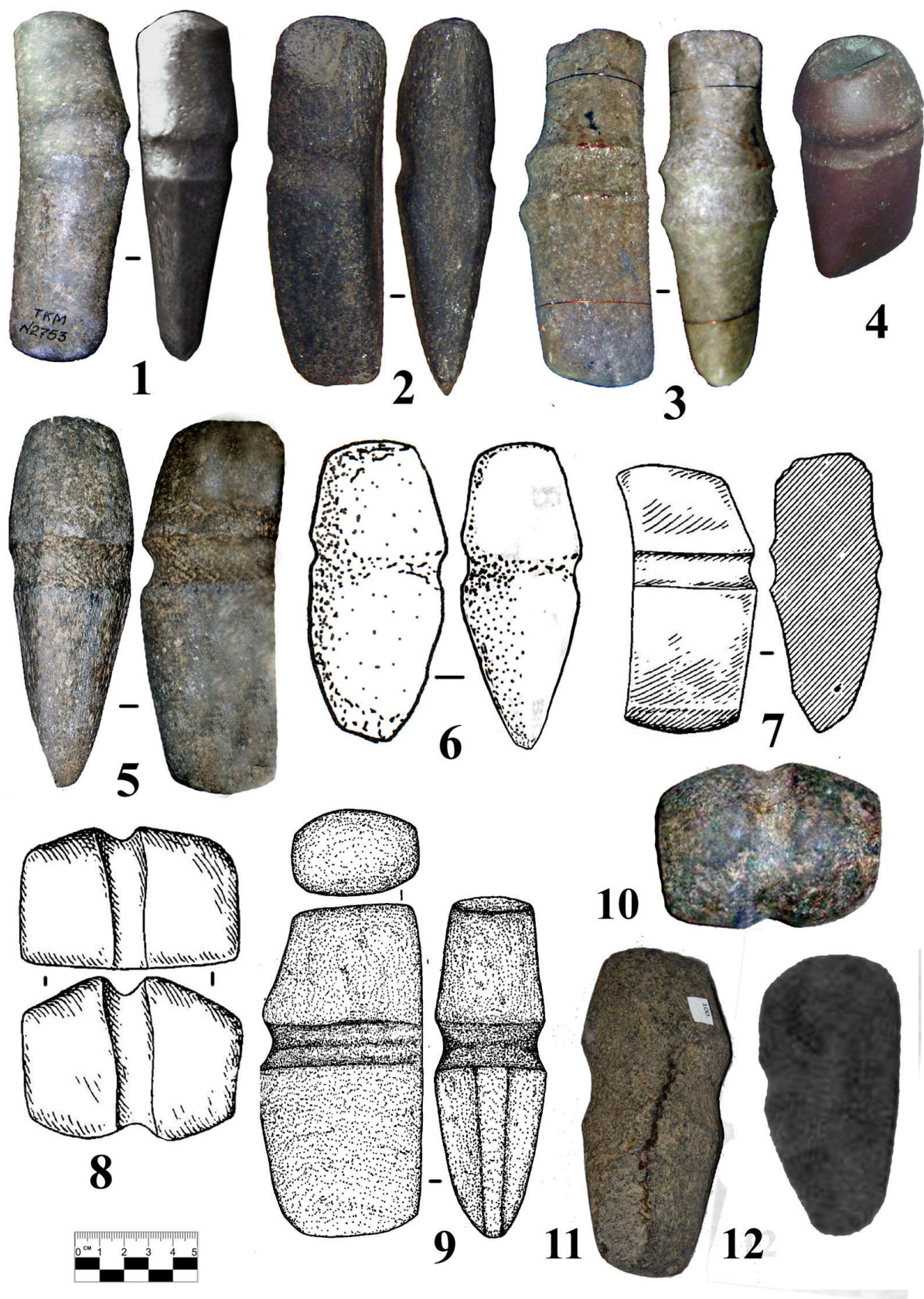

Рис.2. Шлифованные каменные топоры и булавовидные молоты с желобчатым перехватом из Брянской обл. 1 – Трубчевский р-н, 2 – с. Радутино Трубчевского р-на, 3 – Трубчевский р-н, 4 – Новозыбковский р-н, 5 – с. Внуковичи Новозыбковского р-на, 6 – с. Долботово Погарского р-на, 7-8 – Почепское селище, 9 – ур. Красота Трубчевского р-на, 10 – Стародубский р-н, 11, 12 – Почепский р-н.

Рис. 3. Шлифованные топорики с желобчатым перехватом с территории Северной Америки и Африки, как пример технологической конвергенции. 1, 2 – Иллинойс, США. 3 – Коннектикут, США. 4 – Миссури, США. 5 – Нигер.

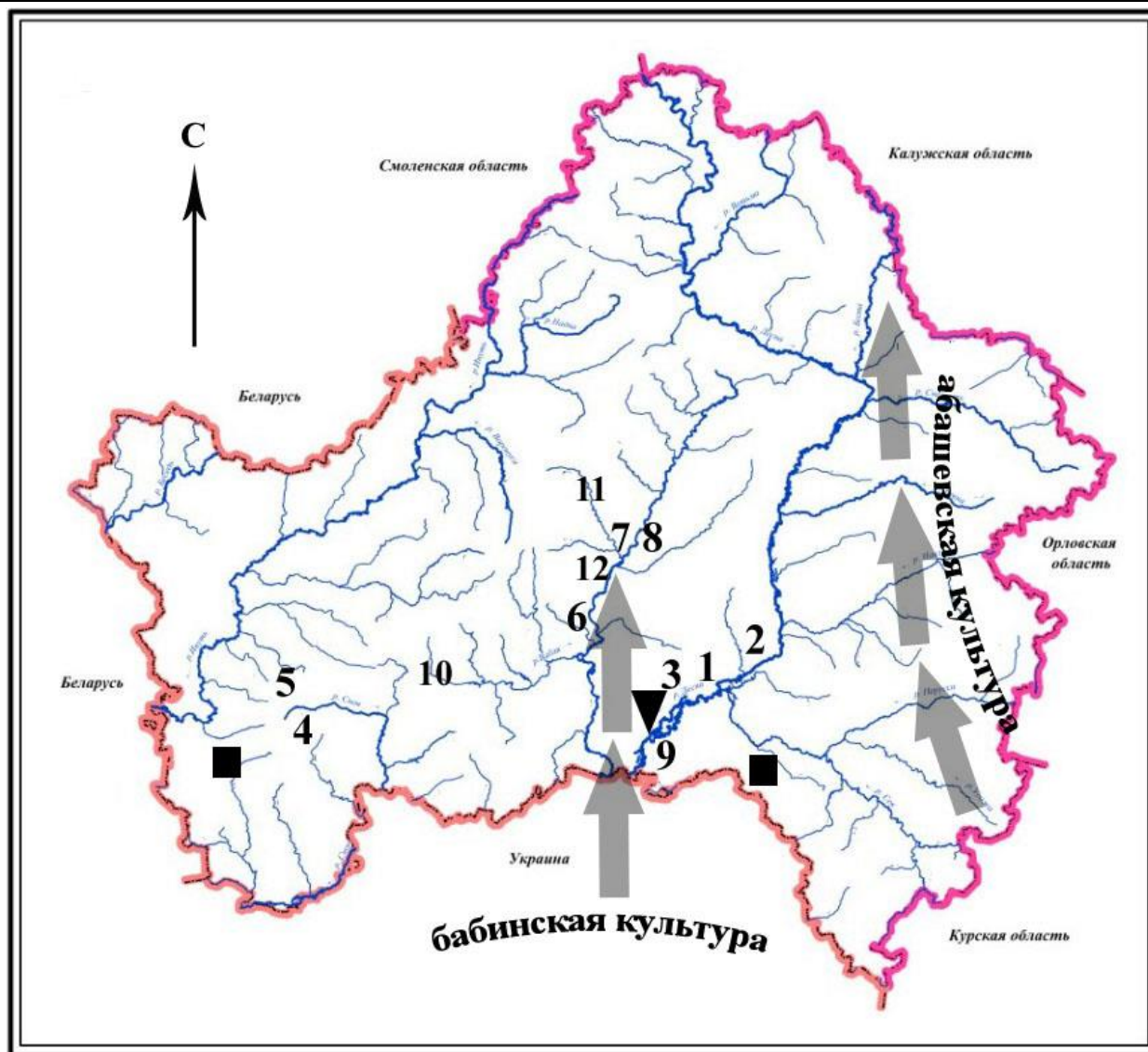

Рис.4. Брянская область в среднем бронзовом веке. Треугольником показано место находки сверленного секировидного топора, квадратами – места находки кованых кельтов, цифрами 1-12 - орудия с желобчатым перехватом (нумерация соответствует описанию в тексте статьи).

ON THE NORTHERN BOUNDARIES FOR THE DISTRIBUTION OF POSTCATACOMBAL ANTIQUITIES OF THE MIDDLE BRONZE AGE IN DESNA REGION

Evidence of the presence of artifacts associated with the catacomb cultural community (Middle Don catacomb culture) and post-catacomb Babinskaya culture (multi-roll ceramics culture) is demonstrated on the territory of the Bryansk Suburb (middle course of the Desna). Thus, in the middle Bronze Age, inhabitants of the forest-steppe and steppe zones, is wedged into the relatively homogeneous cultural massif of forest (Pra-Baltic?) Cultures of cord ceramics. Conclusions are made based on the results of a typological and spatial analysis of finds of stone axes from the collections of local history museums in the Bryansk region. The task of archaeologists at the present stage of research is to search in established areas for the distribution of random finds of settlement, and possibly funerary monuments of multi-rolls ceramics.

Keywords: catacomb culture, Babinskaya culture, multi-roll ceramics culture, stone ax, Desna basin, Bronze Age, landslide.

References

1. Apal'kov A.N. 2004. Stone axes of Kursk Poseimye and southern Popselie [Kamennye topory Kurskogo Poseym'ya i yuzhnogo Popsel'ya] // Kursk notebooks. Kursk and Kursk through the eyes of scientists. Notebook 5, part 1. Kursk. P.7-9.
2. Artemenko I.I. 1987. Cord ceramics cultures: Middle Dnieper, Subcarpathian, Gorodotsk-

Zdolbitsky, Stzhizhovskaya [Kul'tury shnurovoy keramiki: srednedneprovskaya, podkarpatskaya, gorodotsko-zdolbitskaya, stzhizhovskaya] // Bronze Age of the USSR forest belt (Archeology of the USSR). - Moscow: Science. P.35-50.

3. Artemenko I.I., Pronin G.M. 1976. Monuments of Abashev culture on the Desna [Pam'yatki abashevs'koy kul'tury na Desne] // Archeology. Issue 20. P.66-77.

4. Bader O.N., Khalikov A.Kh. 1976. Monuments of Balanovo culture [Pamyatniki balanovskoy kul'tury] / Archaeological sources. Vol. In 1–25. Moscow. 170 p.

5. Berezanskaya S.S. 1982. Northern Ukraine in the Bronze Age [Severnaya Ukraina v epokhu bronzy]. Kiev: Scientific thought. 212 p.

6. Berezanskaya S.S., Otroshchenko V.V., Cherednichenko N.N., Sharafutdinova I.N. 1986. Culture of the Bronze Age in Ukraine [Kul'tury epokhi bronzy na territorii Ukrainy]. Kiev: Scientific thought. 168 p.

7. Bratchenko S.N. 1976. Lower Don region in the Middle Bronze Age. [Nizhnee Podon'ye v epokhu sredney bronzy]. Kiev: Scientific thought. 247 p.

8. Zavernyaev F.M. 1960. Settlements of the Bronze Age on the Desna [Poseleniya epokhi bronzy na Desne] // Brief Communications of the Institute of Archeology of the Academy of Sciences of the Ukrainian SSR. Kiev. Issue 10. P.65-69.

9. Zavernyaev F.M. 1964. Monuments of the Late Bronze Age in the Upper Desna Basin [Pamyatniki epokhi pozdney bronzy v bassejne Verkhney Desny] // Soviet Archeology. №1. P.146-156.

10. Kushtan D. 2013. Early metal sickles and Celts of the Bronze Age in the Middle Dnieper [Rannie metallicheskie serpy i kel'ty epokhi bronzy na territorii Srednego Podneprov'ya] // Revista Arheologica. Serie noua. – Vol. IX, nr. 1. – Omagiu domnului Valentin Dergaciov cu ocazia implinirii a 70 de ani. – Chisinau. P.131-143.

11. Markovin V.I. 1960. The culture of the tribes of the North Caucasus in the Bronze Age (II millennium BC) [Kul'tura plemen Severnogo Kavkaza v epokhu bronzy (II tys. do n.e.)] / Materials and research on archeology of the USSR. T.93. Moscow - Leningrad: USSR Academy of Sciences. 151 p.

12. Minenko V.V., Gur'yanov V.N. 2006. New monuments of archeology on the left bank of the Desna [Novye pamyatniki arkheologii na levoberezh'ye Desny] // Russian collection. Issue 2-3. p.50-54.

13. Polikarpovich K.M. Drafts of manuscripts on the Bronze Age [Chernoviki rukopisey po bronzovomu veku] // Scientific archive of the Yudinovsky Museum of Local Lore. F.1, d. 117.

14. Pryakhin A.D. 1982. Catacomb settlements of the forest-steppe Don region [Poseleniya katakombnogo vremeni lesostepnogo Podon'ya]. Voronezh: VGU. 160 p.

15. Sinyuk A.T. 1996. Bronze Age of the Don Basin [Bronzovyy vek basseyna Dona]. Voronezh: VGPU. 352 p.

16. Tikhonov B.G., Matveev Y.P. 1981. University settlements of the Middle Don catacomb culture in the floodplain of the river Voronezh [Universitetskie poseleniya srednedonskoy katakombnoy kul'tury v poyme r. Voronezha] // Bronze Age of the Volga-Ural Forest-Steppe: a collection of scientific papers. Voronezh. p.75-88.

17. Chendev Y.G. 2008. Patterns of formation of the forest-steppe landscape on the territory of the Central Russian Upland (according to the results of soil-evolutionary studies) [Zakonomernosti formirovaniya lesostepnogo landshafta na territorii Srednerusskoy vozvyshennosti (po rezul'tatam pochvenno-evolyutsionnykh issledovaniy)] // Scientific reports of Belgorod State University (natural science series) №3 vol. 43. p.176-187.

18. Chernykh E.N., Kuz'minykh S.V. 1989. Ancient metallurgy of Northern Eurasia (Sejm-Turbino phenomenon) [Drevnyaya metallurgiya Severnoy Evrazii (seyminsko-turbinskiy fenomen)]. Moscow: Science. 320 p.

19. Chubur A.A. 2014. Late Bronze Age of the Lower Judgment based on materials from the Kurovo microregion [Pozdniy bronzovyy vek nizhney Sudosti po materialam mikroregiona Kurovo] // Desninsky antiquities Materials of an interstate scientific conference dedicated to the memory of the Bryansk archaeologist and local historian, Honored Worker of Culture of the RSFSR F.M. Zavernyaeva. Bryansk. p.46-44.

20. Shafenkova Y.V. 2016. Stone and bronze axes from Suzemsky woodland [Kamennye i

bronzovye topory iz Suzemskogo poles'ya] // Antiquities of Midwest Russia and adjacent territories. Materials of the XXXII international conference. p.104-107.

21. Siklosy Z., Demeny A., Vennemann T.W., Kramers J., Lauritzen S.E., Leel-Ossy Sz. 2007/ Middle bronze age climate change recorded in a Hungarian stalagmite: triggering by volcanic activity? // Geophysical Research Abstracts. Vol. 11, No 00777.

Об авторах

Чубур Артур Артурович – кандидат исторических наук, профессор РАН, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: fennecfox66@gmail.com

Шафенкова Юлия Витальевна – студентка, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail:

Chubur Arthur Arturovich - Candidate of Historical Sciences, Professor of RANH, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky (Russia), E-mail: fennecfox66@gmail.com

Shafenkova Julia Vitalievna Student, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky (Russia), E-mail:

Александров Д.В., аспирант, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

ЭВОЛЮЦИЯ ПОДХОДОВ К МОДЕЛИРОВАНИЮ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

В статье представлены результаты исследования эволюции подходов к моделированию регионального развития в странах с различными экономическими и политическими системами. Важной целью является сравнение решаемых региональных проблем и используемых для этого количественных методов в рыночной и плановой экономике. Предпринята попытка продемонстрировать, как моделирование используется в качестве инструмента для решения региональных проблем в рамках осуществления планирования регионального развития. Освещены как стратегии роста для развивающихся регионов, так и проблемы экономически развитых регионов, сталкивающихся с быстрыми структурными изменениями. Акцент сделан на распределение ресурсов между регионами, а не на проблемы внутрирегионального распределения. Моделирование регионального развития рассматривается как инструмент, играющий конструктивную роль в муниципальном, региональном и национальном экономическом управлении и развитии. Планирование регионального развития определяется как процесс решения долгосрочных общих структурных экономических проблем регионов внутри страны. Очевидно, что планирование регионального развития имеет разные значения в разных странах и на разных уровнях управления. Это может быть связано с национальными различиями модели регионального развития или отражением роли планирования.

Ключевые слова: региональное развитие, региональное управление, планирование, территориальное планирование, регион, национальное развитие.

В странах с рыночной экономикой планирование регионального развития играет незначительную роль, поскольку планирование рассматривается главным образом как инструмент для исправления несовершенств рынка. Региональное развитие обычно не рассматривается как внешнее по отношению к рынку, и в результате региональной политике уделяется меньше внимания. Так обстоит дело, например, в США, где региональное планирование является довольно недавним явлением.

В смешанной экономике западноевропейского типа планирование регионального развития традиционно направлено на устранение межрегиональных различий в доходах и возможностях трудоустройства. Рамки регионального планирования ориентированы на благосостояние, а не на эффективность. Даже при анализе долгосрочных последствий, например, постепенного отказа от ядерной энергетики для Швеции, региональные последствия оцениваются в основном по показателям занятости [2, с. 146].

В странах с плановой экономикой региональное планирование всегда использовалось как средство повышения общей экономической эффективности. В то время как поддержка в форме увеличения инвестиций может быть оказана депрессивным регионам

в странах с рыночной экономикой или смешанного типа, в странах с плановой экономикой инвестиции направляются, в первую очередь, в регионы с потенциалом роста. Данный процесс наглядно прослеживается в развитии территориальных производственных комплексов и других проектов промышленной экспансии в Сибирском федеральном округе Российской Федерации.

Конечно, в рыночной экономике, ориентированной на эффективность региональное распределение инвестиционного капитала регулируется региональными различиями в доходности капитала. Использование данного типа распределения капитала, в принципе, приведет к экономически эффективному региональному распределению труда. С этой точки зрения, естественно, что оптимальное территориальное планирование также должно использоваться в странах с плановой экономикой для достижения межрегиональной эффективности. Поэтому в обоих типах систем могут возникать межрегиональные потоки рабочей силы и капитала, необходимые и достаточные для стимулирования роста [3, с. 568].

Планирование регионального развития, безусловно, требует многопланового подхода. Независимо от географической, экономической или политической структуры

исследуемого региона, цель состоит в том, чтобы анализировать и влиять на различные компоненты экономических и социальных процессов одновременно. Сложность планирования регионального развития проистекает из того факта, что существуют как пространственные, так и временные взаимозависимости, которые необходимо учитывать. Полнота требует анализа неопределенностей и долгосрочных вариантов, поскольку многие региональные процессы инертны и содержат временную неделимость.

Представленное рассуждение позволяет предположить, что полезно оценить роль системно-аналитических подходов в планировании регионального развития. Через краткое рассмотрение с помощью исторического анализа и сравнения некоторых подходов, возможно создать основу для прикладного моделирования регионального развития. Существует ряд различных способов, с помощью которых можно изучить эволюцию теорий и моделей планирования регионального развития.

В первую очередь необходимо рассмотреть наиболее важные события в области межрегионального или многорегионального моделирования.

Вслед за первоначальной работой В.В. Леонтьева (1951) по моделированию «затраты-выпуск» У. Исард (1951) сформулировал общую межрегиональную модель «ввод-вывод». Хотя данная модель была сформулирована в 1950-х годах, она до сих пор не получила широкого применения [7, с. 25].

Прямая формулировка модели В.В. Леонтьева как региональной модели «ввод-вывод» имела большой успех. Она применялась в различных странах на всех географических уровнях, часто дополняя независимыми эконометрическими оценками функций импорта, экспорта и потребления.

Пространственные модели общего равновесия недостаточны из-за отсутствия теорий и статистической информации для их поддержки или отклонения. У.Ф. Лафибер (1958) сформулировал модель такого типа, хотя попытка реализации в транспортном секторе привела к проблемам. Теоретический анализ местоположения, выполненный Т. Купмансом и И. Бекманом (1957), а также классические исследования Г. Хотеллинга

(1929), указывают на различные причины этого факта, рыночные равновесия не могут, даже теоретически, поддерживаться в много-региональной системе. Т. Купманс и И. Бекман (1957) выделяют неделимость определенных факторов, как одно из возможных объяснений, в то время как Г. Хотеллинг (1929) подчеркивает небольшое число действующих лиц. Хотя оба эти результата были поставлены под сомнение в более позднем исследовании, прикладные модели общего равновесия межрегионального развития все еще редки. Однако многие недавние эконометрические региональные модели неявно опираются на концепции равновесия.

Далее наблюдается заметное развитие использования моделей равновесия для изучения внутрирегиональных моделей землепользования. Эти модели, часто называемые «новыми моделями городской экономики», вытекают из работ У. Алонсо (1964) и О. Мута (1969) о функционировании рынка городского жилья. Они достигли стадии применения на многих территориях, особенно в сочетании с моделями городского транспорта, которые также довольно часто бывают равновесного типа [7, с. 51].

На региональном и муниципальном уровнях возрос интерес к всесторонним моделям землепользования и транспорта неравновесного или частичного равновесного типа. Первые масштабные модели городских и региональных процессов попадают в данную категорию. Некоторые из них, такие как базовая модель «городской мультипликатор», разработанная Лоури (1964), были достаточно успешными, что привело к разработке нового класса моделей, называемых «моделями пространственного взаимодействия».

Г. Уилсон (1970) является наиболее известным представителем данного подхода к моделированию. Другие модели, разработанные, например, крупными компаниями в США, не были успешными и не достигли стадии реализации.

Сложные крупномасштабные модели подвергались серьезной критике, основаниями которой были «чрезмерно оптимистичные» взгляды на полезность компьютерных технологий в региональном планировании. Тем не менее, модели пространственного взаимодействия предоставили специалистам по

планированию компьютерные инструменты для количественного моделирования, которых не было в начале 1960-х годов [5, с. 47].

Развитие моделирования внутрирегиональных процессов производства было очень медленным. Распределение городских земель обычно сводится к вопросу разделения земли между жилым и транспортным использованием, предполагая тот факт, что производство всегда превосходит другие виды деятельности.

Экономические географы и теоретики местоположения опирались на работу В. Кристаллера (1966), пытаясь утвердить и применить концепции «центрального места» в планировании регионального развития. Вместо того, чтобы работать с зональными подразделениями, эти подходы предполагают, что региональное развитие происходит в сети взаимосвязанных деревень, поселков и городов, которые образуют иерархию. Эта концепция в некоторой степени связана с идеей полюсов роста, которая была разработана на основе французской системы территориального планирования. Тем не менее, центральные понятия, хотя и теоретически приятные, не сыграли важную роль в разработке количественных моделей. Несмотря на это, не следует недооценивать концептуальную важность моделей центральных мест и полюсов роста. Эти идеи были использованы для разработки политики, а также в качестве основы для оценки политики в нескольких европейских странах.

Нет четкого различия между «описательным» и «плановым» региональным моделированием. Это особенно верно для математических описаний различных подходов. Во многих случаях одни и те же условия могут быть получены как из программных, так и из имитационных моделей [4, с. 85].

Первоначально двойственные отношения программирования обеспечивают основу, в которой результаты подхода оптимизации могут быть интерпретированы как рыночное равновесие. В качестве альтернативы, основная проблема, выраженная в распределении количества, может быть использована для оптимизации распределения ресурсов в плановой экономике.

В случае если данное сходство в структуре модели отражало сходство в реальных

экономических процессах, плановая и рыночная экономика были бы по-настоящему двойственными, и оба вида сходились бы к одному и тому же стационарному состоянию. Однако одни и те же математические теории не использовались в разных экономических системах. Западные экономисты предполагают, что модели программирования применимы только (или в первую очередь) к плановой экономике, в то время как восточные экономисты не считают систему теневых цен нереальной.

Модели многорегионального планирования были разработаны Я. Тинбергеном (1967), а также советскими учеными. Система Тинбергена была основана на иерархической структуре с секторальным, межрегиональным и местным уровнями. Предполагалось, что планирование регионального развития также должно осуществляться на этих трех уровнях и что модели планирования, подходящие для каждого уровня, должны использоваться последовательно. Хотя модели Тинбергена были установлены во всеобъемлющей структуре, они в значительной степени основывались на минимизации затрат. За ними последовал ряд других моделей планирования, основанных на минимизации транспортных и/или инвестиционных затрат.

В СССР бурное развитие регионального моделирования началось в начале 1960-х годов с попытки помочь развитию существующих и недавно созданных промышленных регионов. На первом этапе были смоделированы межсекторальные отношения для страны в целом и для отдельных регионов, а также были разработаны национально-региональные модели для основных секторов [1, с. 34].

С самого начала основной акцент был сделан на национальном межотраслевом анализе (И.М. Ефимов, 1965), но некоторые работы были также посвящены исследованию региональных проблем (В.В. Коссов, 1973). В то же время опыт моделирования отраслевого роста и местоположения привел к обобщению существующих методов решения проблем методами оптимизации.

Независимый анализ национальных, региональных и отраслевых проблем заложил основы для системы национально-региональных межотраслевых моделей. Работа

была начата в Новосибирске и Москве. Были разработаны довольно сложные системы для координации важных характеристик национальных и региональных планов (таких как конечное потребление, объем производства, межрегиональное распределение капитала и рабочей силы). Эти схемы оказались очень сложными для реализации на компьютере. Одним из примеров была общая модель У. Исарда (1951). По этой причине была закончена только одна версия модели. Исследовательские работы в этой области, проведенные в Москве, описаны в работе Э.Ф. Баранова (1969).

Упрощенный набор межрегиональных межотраслевых моделей, разработанный М.М. Албеговым (1970), оказался более успешным. В этой системе межрегиональное распределение рабочей силы дано экзогенно, а транспорт описан недостаточно, но, модель позволяет анализировать проблемы на практике [1, с. 35].

В начале 1970-х годов интерес сместился от секторального к многосекторальному анализу и анализу территориально-производственных комплексов. В другом направлении интерес от регионального экономического анализа с использованием методов «ввод-вывод» к развитию региональных модельных систем.

В первой из этих разработок М.М. Албегов и А.В. Солодилов (1970) проанализировали многосекторальную систему, принимая во внимание нелинейную зависимость стоимости ресурсов и влияния агломерации. Многосекторальный анализ на местном уровне проводился с помощью многоступенчатых моделей территориально-производственных комплексов. Этот анализ включал не только производство, но и население, регулирование и обслуживание, а также системы охраны окружающей среды. Это привело к сбалансированному развитию основных секторов экономики регионов и вспомогательных подсистем.

В более поздних разработках этого подхода как на Востоке, так и на Западе иерархическая структура была смягчена, и межотраслевые отношения были введены на межрегиональной стадии. Дальнейшие исследования в области рыночной, смешанной и плановой экономики включают введение нескольких

целей в эти мультирегиональные модели.

Еще один теоретический прогресс в моделировании регионального планирования был сделан А.Б. Рахманом (1963) в виде модели, которая была разработана для изучения того, существует ли конфликт между экономическим ростом страны и региональным равенством. Основным результатом состоял в том, что технологически менее эффективный регион мог бы компенсировать неэффективность более высоким коэффициентом сбережений, так что для долгосрочного национального роста было бы выгодно инвестировать в отстающие регионы, а также в развитые районы. Этот подход был расширен несколькими японскими исследователями, чтобы показать, что результаты верны даже в более общих региональных экономических условиях. Этот класс моделей роста был проанализирован М. Фуджита (1978) с помощью различных производственных функций.

Хотя эти модели роста не использовались в практике регионального развития, их значение для формирования региональной политики не следует недооценивать. Они отличаются от других моделей своей ориентацией во времени и показывают, что это может привести к результатам, которые сильно отличаются от результатов статических моделей [7, с. 47].

Модели пространственной конкуренции схожи с моделями регионального роста в отношении динамических аспектов регионального развития. Они дают возможное объяснение формирования и развития сервисных центров и поэтому полезны при планировании и разработке политики.

Далее в более современных подходах единственным измененным элементом является пространственная эластичность спроса. Тот факт, что в моделях пространственного спроса существует фактор расстояния, обычно отражается введением индикаторов доступности в региональные модели. Такие показатели были введены в классической экономической географии, но были приняты такими исследователями, как Т. Хагерstrand (1970).

Более поздние исследования проводились по аксиоматическим теориям мер доступности. Эти исследования указывают на необходимость уделять больше внимания

формулированию целей и показателей взаимозависимости в моделях регионального планирования. Нормативные модели транспорта для землепользования, использующие данные показатели, были разработаны в некоторых странах со смешанной экономикой [8, с. 4974].

Обзор многорегиональных экономических моделей, проведенный в Международном институте прикладного системного анализа в 1980-х годах, показывает, что количество эконометрических многорегиональных и региональных моделей, разработанных в США, значительно выросло. Эта тенденция впервые стала очевидной в конце 1970-х годов.

Основной вывод состоит в том, что не было серьезных изменений в теоретических основах для моделирования регионального развития. Следовательно, с заметными исключениями, упомянутыми выше, следует признать, что текущие проблемы регионального развития решаются с помощью старых теорий. Нет существенных различий между моделями, используемыми на практике в разных странах, будь то на востоке или на западе.

С другой стороны, следует признать, что с течением времени произошли существенные изменения в реальных проблемах, с которыми сталкиваются лица, принимающие решения, как на региональном, так и на национальном уровнях. В результате экономического развития регионы стали более уязвимыми для внешних изменений за пределами регионального или даже национального контроля. Проблемы нехватки ресурсов вышли на первый план. Группы давления сделали более строгие требования в отношении сохранения ресурсов и окружающей среды, особенно в их собственных районах [7, с. 38].

Инструменты планирования регионального развития, как теории, так и практики, должны быть адаптированы к этой изменяющейся и сложной ситуации. Современные теории и модели регионального развития и его планирование должны быть синхронизированы с достижениями современных компьютерных технологий. Недостатки более ранних теорий и моделей с системно-аналитической точки зрения должны быть устранены в более новых версиях; системный подход

может затем позволить глубже понять текущие экономические, социальные и политические процессы. Системно-аналитические модели должны исследовать внешние неопределенности, а также многоцелевой аспект планирования регионального развития в будущем.

Теоретическая основа моделирования регионального развития в течение последних нескольких десятилетий практически не изменилась, несмотря на изменение фундаментальных проблем планирования, для обработки которых эти модели предназначены. В качестве важных факторов регионального планирования начинают проявляться следующие:

- возросли фундаментальные неопределенности в отношении экономического развития в среднесрочной и долгосрочной перспективе;

- возросла экономическая интеграция как на местном, так и на международном уровнях, это означает, что регионы становятся все более уязвимыми для внешних экономических процессов;

- нехватка топлива и другого сырья привела к смещению акцента анализа критических экономических процессов в сторону проблем технологических изменений.

Изложенные пункты не касаются региональных процессов как таковых, но представляют собой примеры общих экономических явлений, имеющих региональное воздействие, которое может существенно повлиять на будущее региональное развитие. Изменения в экономическом развитии могут подразумевать новые региональные модели роста как на национальном, так и на местном уровнях. Экономическая стагнация или быстрые структурные изменения в промышленных секторах, даже в высокоиндустриальных странах, являются характеристиками нового уровня.

Таким образом, следует отметить, что в региональном моделировании между рыночной и плановой экономикой существует довольно заметная разница.

Исследования в Северной Америке были сосредоточены на моделировании городов с недавним смещением интереса к многорегиональному анализу.

Обратная ситуация в СССР ясно

показывает акцент советского планирования на многорегиональный анализ или региональный анализ неурбанизированных регионов. Это изменение на региональном уровне отражается в повышенном интересе к эконометрическому анализу и использованию имитационных моделей.

Другой особенностью многорегионального моделирования является интерес к связыванию моделей региональных подсистем, который проявляется в стремлении к применению многорегиональных, многосекторальных моделей со значительной степенью отраслевой и региональной дезагрегации.

Другим примером такого интереса к связанным модельным системам является растущее внимание, уделяемое экономическим аспектам миграционных процессов и детерминантам предложения рабочей силы.

Прикладное региональное моделирование должно найти баланс между общностью и спецификой не только в теории, но и на практике. Совместимость теоретических и практических версий региональных экономических моделей имеет решающее значение для достоверности моделирования и, следовательно, к системным анализикам следует относиться более серьезно [6, с. 82].

Изменения в реальных проблемах привели не только к смещению акцента в анализе целей планирования регионального развития, но также к новому взгляду на внутреннюю структуру региональной экономики. Поскольку взаимозависимость между нациями и регионами возрастает. Неопределенность, присущая экономическому развитию, предполагает, что следует провести анализ распределения прибыли, вариаций бизнес-цикла и инвестиционного поведения. Динамичное поведение рынков труда и других региональных экономических подсистем также вызывает больший интерес. В настоящее время структурный анализ региональных экономических систем обсуждается с разных точек зрения.

Таким образом, можно сделать вывод, что моделирование регионального развития движется к более всеобъемлющим моделям, включающим элементы из различных экономических, географических и демографических теорий, а также растет интерес к подходам общего равновесия. Все эти тенденции могут быть частью их успеха в практическом применении благодаря быстрому развитию компьютерных технологий.

Список литературы

1. Бабич, О.В. Особенности системы управления диверсифицированной компанией / О.В. Бабич, А.М. Левин, А.С. Афанасьев // Ученые записки Российской академии предпринимательства. – 2019. – т.18 №1. – С. 29-39.
2. Гершанок, Г.А. Формирование стратегии устойчивого развития локальных территорий на основе оценки социально-экономической и экологической емкости: диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук / Гершанок Геннадий Александрович. – Екатеринбург, 2006. – 325 с.
3. Земедлина, Е.А. Теория управления: Учебное пособие / Е.А. Земедлина. – М.: Риор, 2017. – 752 с.
4. Пчелинцев, О.С. Региональная экономика в системе устойчивого развития / О.С. Пчелинцев. – М.: Наука, 2004. – 258 с.
5. Социально-экономические факторы реализации политики регионального развития: учебное пособие / О.А. Козлова, А.Г. Шеломенцев, К.В. Смицких, Е.Г. Шумик. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, Владивосток: ВГУЭС, 2014. – 108 с.
6. Управление экономическими системами различного уровня: теория и практика: коллективная монография. / Под общ. редакцией Т.А. Головиной. – Орел: Издательство Среднерусский институт управления - филиала РАНХиГС, 2019. – 272 с.
7. Albegov, M. Regional development modeling: theory and practice / M. Albegov, A.E. Andersson, F. Snickars. - International institute for applied systems analysis, 1982. – 440 p.
8. Babich, O.V. Innovative aspects of managing the development of territories in the Russian Federation: conceptual approaches and practice / O.V. Babich, I.V. Igolnikova, L.S. Mityuchenko, Y.A. Matyushkina, O.M. Mikhaleva // 34th International Business Information Management

Association Conference (IBIMA) - Vision 2020: Sustainable Economic Development and Application of Innovation Management from Regional expansion to Global Growth: 13-14 November 2019, Madrid, Spain. - P. 4967-4977.

EVOLUTION OF APPROACHES TO MODELING REGIONAL DEVELOPMENT

The article presents the results of a study of the evolution of approaches to modeling regional development in countries with different economic and political systems. An important goal is to compare the solved regional problems and the quantitative methods used for this in a market and planned economy. An attempt was made to demonstrate how modeling is used as a tool to solve regional problems as part of regional development planning. Both growth strategies for developing regions and the problems of economically developed regions facing rapid structural changes are highlighted. The emphasis is on the distribution of resources between regions, and not on the problems of intra-regional distribution. Modeling regional development is seen as a tool that plays a constructive role in municipal, regional and national economic management and development. Regional development planning is defined as the process of solving the long-term overall structural economic problems of the regions within the country. Obviously, regional development planning has different meanings in different countries and at different levels of government. This may be due to national differences in the regional development model or a reflection of the role of planning.

Keywords: regional development, regional management, planning, territorial planning, region, national development.

References

1. Babich, O.V. Osobennosti sistemy` upravleniya diversifitsirovannoj kompaniej / O.V. Babich, A.M. Levin, A.S. Afanas`ev // Ucheny`e zapiski Rossijskoj akademii predprinimatel`stva. – 2019. – t.18 №1. – S. 29-39.
2. Gershanok, G.A. Formirovanie strategii ustojchivogo razvitiya lokal`ny`x territorij na osnove ocenki social`no-e`konomicheskoy i e`kologicheskoy emkosti: dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni doktora e`konomicheskix nauk / Gershanok Gennadij Aleksandrovich. – Ekaterinburg, 2006. – 325 s.
3. Zemedlina, E.A. Teoriya upravleniya: Uchebnoe posobie / E.A. Zemedlina. - M.: Rior, 2017. - 752 c.
4. Pchelincev, O.S. Regional`naya e`konomika v sisteme ustojchivogo razvitiya / O.S. Pchelincev. - M.: Nauka, 2004. - 258 c.
5. Social`no-e`konomicheskie faktory` realizacii politiki regional`nogo razvitiya: uchebnoe posobie / O.A. Kozlova, A.G. Shelomencev, K.V. Smiczik, E.G. Shumik. – Ekaterinburg: Institut e`konomiki UrO RAN, Vladivostok: VGUE`S, 2014. – 108 s.
6. Upravlenie e`konomicheskimi sistemami razlichnogo urovnya: teoriya i praktika: kollektivnaya monografiya. / Pod obshh. redakciej T.A. Golovinoj. - Orel: Izdatel`stvo Srednerusskij institut upravleniya - filiala RANXiGS, 2019. – 272 s.
7. Albegov, M. Regional development modeling: theory and practice / M. Albegov, A.E. Andersson, F. Snickars. - International institute for applied systems analysis, 1982. – 440 p.
8. Babich, O.V. Innovative aspects of managing the development of territories in the Russian Federation: conceptual approaches and practice / O.V. Babich, I.V. Igolnikova, L.S. Mityuchenko, Y.A. Matyushkina, O.M. Mikhaleva // 34th International Business Information Management Association Conference (IBIMA) - Vision 2020: Sustainable Economic Development and Application of Innovation Management from Regional expansion to Global Growth: 13-14 November 2019, Madrid, Spain. - P. 4967-4977.

Об авторе

Александров Дмитрий Васильевич – аспирант, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail:

Aleksandrov Dmitry Vasilievich - postgraduate student, Bryansk State Academician I.G. Petrovski University (Russia), E-mail:

УДК 347.121.2

Исаева В. В., студентка 4 курса юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (Россия)

Сахарова Ю. В., кандидат юридических наук, доцент, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

МЕЖДУНАРОДНЫЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ И ПРАВА НА ЧАСТНУЮ ЖИЗНЬ

Актуальность темы настоящей статьи опосредована тем, что на сегодняшний день в российском законодательстве не закреплено понятие «частной жизни». Такое нематериальное благо, как «частная жизнь» в российском праве рассматривается только в контексте защиты ее неприкосновенности или закрепления режима тайны, что влечет проблему единообразного понимания сущности рассматриваемого блага. Основные методы исследования: анализ, синтез, сравнительно-правовой. В статье рассмотрено понятие «частная жизнь», соотношение нематериального блага «частная жизнь» с неимущественным правом на частную жизнь, отмечена их несинонимичность. Названа проблема отсутствия в российском законодательстве легального закрепления исследуемых дефиниций, хотя на международно-правовом уровне понятие частной жизни приобрело четкую нормативную трактовку в заявлении Европейского суда по правам человека. В отечественной же правоприменительной практике российские суды в большинстве случаев оперируют дефиницией «частная жизнь» только в контексте защиты ее неприкосновенности. В нормах Конституции РФ юридически закреплено право человека на неприкосновенность частной жизни и недопустимость сбора, сохранения, применения и распространения данных о личной жизни лица без его согласия. Однако эти нормы Конституции РФ (ст. 23 и 24) не получили дальнейшей детализации в специальном законодательстве. Отмечено неудовлетворительное состояние российского законодательства в вопросах средств обеспечения правовой защиты личной жизни и персональной информации по сравнению с аналогичными зарубежными и международными стандартами в исследуемой сфере.

Ключевые слова: частная жизнь; неприкосновенность частной жизни; нематериальное благо; право на частную жизнь; неимущественное право

В 2013 г. Федеральным законом № 142-ФЗ [17] нормы Гражданского кодекса Российской Федерации [6] (далее – ГК РФ) были существенно изменены. В частности, в ст. 150 были внесены изменения о разграничении нематериальных благ и личных неимущественных прав. Новая (ныне действующая) редакция п. 1. ст. 150 закрепляет: «Жизнь и здоровье, достоинство личности, личная неприкосновенность, честь и доброе имя, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, неприкосновенность жилища, личная и семейная тайна, свобода передвижения, свобода выбора места пребывания и жительства, имя гражданина, авторство, иные нематериальные блага, принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона, неотчуждаемы и непередаваемы иным способом».

Иными словами, на сегодняшний день ст. 150 ГК РФ содержит нормы, регулирующие только нематериальные блага. Первоначальная же редакция данной статьи смешивала дефиниции «благо», «нематериальное благо» и «личные неимущественные права».

Применительно к теме настоящей статьи сказанное приобретает особую актуальность, поскольку частная жизнь, в т.ч. и ее

неприкосновенность – это нематериальное благо, а право на частную жизнь, в т.ч. на ее неприкосновенность, стоит отнести к категории личных неимущественных прав. Соответственно, возникает вопрос об их соотношении.

Представители правовой доктрины до 01 октября 2013 г. (вступление в силу ФЗ № 142-ФЗ) многократно указывали на проблемы соотношения категорий «нематериальные блага» и «неимущественные права» и их определения. И. А. Михайлова говорила, что нематериальные блага не только отличаются от личных неимущественных прав, но отличаются и друг от друга. Соответственно, нематериальные блага и личные неимущественные права нельзя объединять и называть их нематериальными ценностями. По мнению названного автора, исключение из текста ст. 150 ГК РФ указания на «иные личные неимущественные права» будет означать определенное снижение уровня легальной регламентации данного вида гражданских прав [13, с. 4].

И. В. Бакаева также отмечала дискуссионность соотношения дефиниций «нематериальные блага» и «личные неимущественные права». Названный автор полагала, что

критика представителей правовой доктрины имеет в качестве своего основания то, что смешение понятий происходит из-за наименования нормы ст. 150 ГК РФ «нематериальные блага» и единого перечня, обозначенного в данной норме, где наряду с собственно нематериальными благами как таковыми обозначены личные неимущественные права [3, с.10].

Иными словами, по мнению не только приведенных авторов, но и ряда других, объединение нематериальных благ и личных неимущественных прав как правовых институтов неверно. Ведь нематериальные блага выступают объектами личных неимущественных прав. По всей видимости, российский законодатель услышал голос представителей правовой доктрины и внес соответствующие изменения в ст. 150 ГК РФ.

Как отмечалось выше, до 01 октября 2013 г. в нормах ГК РФ имело место отождествление нематериальных благ и личных неимущественных прав. Стоит отметить, что схожее законодательное регулирование исследуемой сферы в настоящее время имеет место в странах союзных государств (Белоруссии, Казахстане). Гражданский кодекс Белоруссии и ГК Казахстана признают в качестве объектов гражданского регулирования личные неимущественные отношения, связанные и не связанные с имущественными, а в качестве объектов гражданских прав - нематериальные блага. При этом Гражданский кодекс Казахстана закрепляет строгое разделение нематериальных благ и неимущественных прав. А наиболее схожий с ГК РФ Гражданский кодекс Белоруссии на сегодняшний день допускает смешение рассматриваемых дефиниций.

Нормы же Гражданского кодекса Украины существенно отличаются от вышерассмотренных. Примечательно, что, очерчивая круг своего регулирования, ГК Украины не содержит указания на объекты гражданских прав. При этом в ГК Украины имеется отдельная глава о невещественных благах, среди которых названы информация, личные неимущественные блага и личные неимущественные права, подразделяемые на права, обеспечивающие естественное и социальное существование человека [5, с. 34, 36].

Представляется верным, что объединение в одной дефиниции благ и прав не

корректно. Личное неимущественное право и его объект взаимосвязаны, но не тождественны.

На сегодняшний день в российском законодательстве не установлено четких критериев отнесения каких-либо сведений о человеке к частной жизни. Поэтому представляет интерес позиция Конституционного Суда РФ (далее – КС РФ), что «в понятие "частная жизнь" включается та область жизнедеятельности человека, которая напрямую относится к нему, касается только его и не подлежит контролю со стороны общества и государства, если она носит непротивоправный характер» [14].

Вышеприведенное определение частной жизни не отвечает на вопрос о субъекте, который вправе определить границы частной жизни. Конституционный Суд РФ в Определении от 28.06.2012 г. № 1253-О [15] обозначил: «Лишь само лицо вправе определить, какие именно сведения, имеющие отношение к его частной жизни, должны оставаться в тайне, а поэтому сбор, хранение, использование и распространение такой информации, не доверенной никому, не допускается без согласия конкретного человека».

Однако на практике без четких критериев не всегда легко определить, что именно является частной жизнью или личной или семейной тайной, и где та граница, переход которой влечет нарушение этих благ.

На международно-правовом уровне дефиниция «частная жизнь» приобрела четкое нормативное закрепление в заявлении Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ): «Частная (личная) жизнь - это емкая категория, которой невозможно дать исчерпывающее определение. Каждый человек волен развивать это понятие и наполнять его определенным смыслом. Было бы непозволительно ограничить понятие [личной жизни] «внутренним кругом» и исключить целиком внешний мир, не входящий в этот круг. Таким образом, понятие личной жизни с необходимостью включает право на развитие взаимоотношений с другими лицами и внешним миром».

Анализ международной судебной практики, проведенный О. Ю. Красотенко, позволяет назвать следующие составляющие частной жизни: 1) персональная идентификация; 2) установление законных связей конкретного

человека; 3) физическая (телесная) и моральная неприкосновенность человека; 4) индивидуальное пространство человека; 5) сбор и применение данных индивида; 6) доступ к персональной информации человека; 7) половые взаимоотношения; 8) социальная активность человека; 9) профессиональные взаимоотношения индивида [11, с. 52].

К сожалению, подобный анализ российской правоприменительной практики на сегодняшний день сделать невозможно, поскольку российские суды в большинстве случаев оперируют дефиницией «частная жизнь» только в контексте защиты ее неприкосновенности.

Право на неприкосновенность частной жизни является одним из основополагающих личных неимущественных прав гражданина. На международно-правовом уровне законодательное закрепление права на частную жизнь получило после Второй мировой войны, что в литературе объясняют двумя причинами: 1) наличием исторического опыта по злоупотреблению этим правом (фашизм, маккартизм и т.д.); 2) неизбежным ростом деприватизации человеческой жизни, связанным с научно-техническим прогрессом и экономической выгодой для государства «информационного портрета» человека [2, с. 36].

Европейскую конвенцию о правах человека [9] можно назвать самым старым международным договором, цель которого направлена на создание и обеспечение гарантий соблюдения прав человека и охрану частной жизни. В литературе Конвенцию называют уникальнейшей системой европейского права в области прав человека. Примечательно, что в сфере защиты частной жизни гражданина контрольные органы Совета Европы связаны с прецедентным правом и функционируют независимо от национальных судебных органов государств - участников Конвенции [1, с. 70].

Если сравнивать с Международным биллем о правах человека, то нетрудно заметить, что перечень прав и свобод, признаваемых Конвенцией, намного короче. Но при этом предоставляемые ею гарантии защиты прав человека жесткие, но развитые [12, с. 97].

Первыми актами в российской истории, закрепившими право на охрану частной жизни, были Конституции СССР 1977 г. и РСФСР 1978 г. Последующее закрепление

исследуемого нематериального блага в ныне действующей Конституции РФ стало результатом имплементации норм Международного билля о правах человека.

Конституция РФ в ст. 23 юридически закрепила право человека на неприкосновенность частной жизни и недопустимость сбора, сохранения, применения и распространения данных о личной жизни лица без его согласия (ст. 24). Однако данные нормы Конституции РФ не получили дальнейшей детализации в специальных федеральных законах. Если сравнивать с аналогичными зарубежными и международными стандартами в исследуемой сфере, то в российском законодательстве средства обеспечения правовой защиты личной жизни и персональной информации до настоящего времени находятся в неудовлетворительном состоянии [8, с. 49].

В западных странах неприкосновенность частной жизни рассматривается как защита личной жизни граждан от проникновения государственных органов в их частную жизнь. В этих странах в электронной форме хранятся информационные данные с очень большим количеством деталей частной жизни граждан. Это привело к необходимости подписанию Конвенции о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных 1981 г. [10], которую можно назвать основополагающим документом для европейских стран в сфере сбора, хранения и обработки информации в электронной форме.

Международная практика связывает право на частную жизнь с охраной той информации, которая может быть отождествлена с конкретным человеком. Документы, принятые в рамках Совета Европы, устанавливают основные принципы сбора, хранения, использования и передачи информации персонального характера. Кроме случаев, предусмотренных законодательством, персональные данные должны быть получены от лиц, к которым эти данные относятся, или из других источников с согласия субъекта данных. Сбор персональных данных, относящихся к расе, политическим или религиозным убеждениям, к сексуальной жизни, вообще не должен разрешаться [7, с. 52].

Анализ норм ст. 23 Конституции РФ, позволяет отметить, что, по сути, в ней скопирована классическая американская

концепция «privacy». Термин privacy не имеет аналогов в русском языке. Данное понятие выступает универсальным эквивалентом термина «неприкосновенность частной жизни», которое на практике используют в международных документах. Ввиду особенностей контекста перевода оно может означать частную жизнь либо право на частную жизнь либо право на защиту неприкосновенности частной жизни. В Большом юридическом словаре термин «прайвеси» определяется так: «(англ. privacy - тайна, уединение, частная жизнь) - особая правовая категория в англо-американской правовой системе, означающая тайну и неприкосновенность частной жизни, интимную сферу человека» [4].

Стоит отметить, что в действующем российском законодательстве право на частную жизнь в большинстве случаев рассматривается через дефиницию «неприкосновенность частной жизни». Как отмечалось ранее, Конституция РФ гарантирует каждому гражданину право на неприкосновенность его частной жизни, личную и семейную тайну. Сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица возможны лишь с его согласия. В связи с тем, что первоначальным и единственным источником регулирования права на неприкосновенность частной жизни выступала Конституция РФ, данное право было принято относить к конституционным. Однако с появлением соответствующих статей в ГК РФ ситуация изменилась, поскольку таким образом было сформировано специальное законодательство, раскрывающее содержание этого прав, и в настоящее время у большинства правоведов не возникает сомнений в его гражданско-правовой природе. Вместе с тем до сих пор остается дискуссионным вопрос о содержательной структуре данного права.

В ходе реформирования гражданского законодательства ранее названным Федеральным законом от 02.07.2013 № 142-ФЗ в главу 8 «Нематериальные блага и их защита» ГК РФ была включена статья 152.2, призванная регулировать вопросы охраны частной жизни гражданина. Первичной целью подобного дополнения послужило создание развернутой системы правовых норм, детально регламентирующих конкретные виды нематериальных благ и личных неимущественных прав граждан и их защиту на основании

достижений отечественной правовой науки и опыта других стран. Однако эта цель не была достигнута в полной мере, поскольку ст. 152.2 ГК РФ лишь конкретизировала правовую регламентацию одного из личных неимущественных прав граждан, которое изначально было закреплено в Конституции РФ (ч. 1 ст. 23 и ч. 1 ст. 24).

Статья 152.2 ГК РФ уточняет положения вышеприведенных статей Конституции. В ней, во-первых, приводятся примеры информации, которая относится к сфере частной жизни лица (например, сведения о месте пребывания или жительства, о личной и семейной жизни). Во-вторых, закрепляются случаи сбора, хранения, распространения и использования информации о частной жизни гражданина без получения его согласия (государственные, общественные и иные публичные интересы, общедоступная информация, а также распространение информации самим гражданином или по его воле). В-третьих, нормами п. 2 ст. 152.2 ГК РФ вводится презумпция конфиденциальности сведений о частной жизни гражданина, выступающего стороной или третьим лицом в обязательстве, которая стала известна при возникновении и (или) исполнении обязательства. В-четвертых, п. 3 рассматриваемой статьи закрепляет, что к неправомерному распространению информации о частной жизни относится ее использование при создании произведений науки, литературы и искусства, если такое использование нарушает интересы гражданина. И в-пятых, п. 4 и 5 конкретизируют и дополняют способы защиты частной жизни гражданина, а также обеспечивает преемственность права требования защиты на случай смерти гражданина.

Таким образом, право человека на неприкосновенность частной жизни нормативно было установлено во второй половине XX в. Последовательное закрепление этого права в международных документах, в частности его включение во Всеобщую декларацию прав человека (ст. 12), Пакт о гражданских и политических правах (статья 17), Конвенцию о защите прав человека и основных свобод (ст. 8), Конвенцию СНГ о правах и основных свободах человека (ст.9), а также во многие другие международные и региональные договоры о правах человека, стало ключевым моментом в признании данного права со

стороны международного сообщества.

Право на неприкосновенность частной жизни эволюционировало по двум различным путям. В указанных международных документах по правам человека основное внимание уделяется «негативному» аспекту права на неприкосновенность частной жизни, запрещающему любое произвольное вмешательство в личную неприкосновенность, семью, жилище или переписку человека, в то время как некоторые региональные и внутренние документы международного сообщества также включают «позитивно» измерение данного права: каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его/ее дома и переписки или права на то, чтобы его/ее достоинство, личная неприкосновенность или хорошая репутация признавались и уважались. Хотя конфиденциальность не всегда упоминается непосредственно как отдельное право, в конституциях почти все государства (члены ООН) признают его ценность как имеющую конституционное значение. В некоторых странах право на неприкосновенность частной жизни возникает путем расширения общего права нарушения доверия, права на свободу, свободу выражения мнений или надлежащего судебного разбирательства. В других странах право на неприкосновенность частной жизни

возникает как религиозная ценность [16, с. 105].

Таким образом, право на неприкосновенность частной жизни стоит отнести к ключевым личным правам. Ввиду своего комплексного характера данное личное право вследствие включает все гражданские права, характеризующие существо личной жизни человека, неприкосновенность и надлежащую защиту данной области жизнедеятельности человека, и общественные, экономические и культурные права людей, воздействующие на качество индивидуальной частной жизни индивида. Также данное право определяют как возможность каждого человека независимо от других субъектов совершать всевозможные выборы направлений и способов взаимодействия в обществе.

Частная жизнь и право на частную жизнь, в т.ч. ее неприкосновенность – не синонимичные дефиниции. Видится верным, что частная жизнь является нематериальным благом, которое на сегодняшний день в российском законодательстве, в отличие от международно-правовых актов, не нашло легальной фиксации и раскрытия. Наличие разъяснений КС РФ не решает проблему необходимости легального закрепления определения категории «частная жизнь» и раскрытия содержания права на частную жизнь.

Список литературы

1. Авдеев М.Ю. Законодательство Российской Федерации о неприкосновенности частной жизни: к вопросу о заимствовании зарубежного опыта // Евразийская адвокатура. 2013. № 2 (3). С. 67-77.
2. Авдеев М.Ю. Законодательство Российской Федерации о неприкосновенности частной жизни: к вопросу о заимствовании зарубежного опыта // Новый юридический журнал. 2014. № 1. С. 35-53.
3. Бакаева И.В. Понятие и признаки нематериальных благ: законодательство, теория и практика // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 4.
4. Большой юридический словарь // URL: <https://gufo.me/dict/law/%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B9%D0%B2%D0%B5%D1%81%D0%B8> (дата обращения: 04.04.2020).
5. Борычева Т.А. Гражданско-правовая охрана нематериальных благ юридических лиц : дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2017. – 231 с.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации, часть первая : Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. №32. Ст. 3301.
7. Иванский В.П. Персональные данные как основной объект посягательств на неприкосновенность сферы частной жизни: законодательный опыт в зарубежных государствах/// Административное право и процесс. 2012. № 8. С. 50-56.
8. Иванский В.П. К определению человека как субъекта права XXI века сквозь призму информационно-квантовой концепции права (часть 1) // Административное право и процесс. 2016. № 1. С. 48-53.
9. Конвенция о защите прав человека и основных свобод : заключена в г. Риме 04.11.1950

// Собрание законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

10. Конвенция о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных: Заключена в г. Страсбурге 28.01.1981 // Собрание законодательства РФ. 2014. № 5. Ст. 419.

11. Красотенко О.Ю. Понятие «частная жизнь» в решениях Европейского суда по правам человека // Сборник тезисов 68-й научно-практической конференции студентов, магистрантов и аспирантов факультета международных отношений БГУ (Минск, 27 апреля 2011) / Минск, 2011. - С. 51-53.

12. Мамут Л.С. Народ в правовом государстве. - М.: Норма, 1999. - 152 с.

13. Михайлова И.А. Личные неимущественные права и нематериальные блага: традиционное понимание и новые подходы // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 4.

14. Определение Конституционного Суда РФ от 09.06.2005 № 248-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Захаркина Валерия Алексеевича и Захаркиной Ирины Николаевны на нарушение их конституционных прав пунктом "б" части третьей статьи 125 и частью третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации» // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=7989373680398331966045677&cacheid=87AF4E684C890036CF422F178AB8078B&mode=splus&base=LAW&n=54736&rnd=0.3077391424690904#5zbm49g46jg> (дата обращения: 02.04.2020).

15. Определение Конституционного Суда РФ от 28.06.2012 № 1253-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Супруна Михаила Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 137 Уголовного кодекса Российской Федерации» // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=7989373680398331966045677&cacheid=236CC02A8B7F334B465BA7AFE2EADD8B&mode=splus&base=LAW&n=133029&rnd=0.3077391424690904#1x6db42kurs> (дата обращения: 02.04.2020).

16. Ромашов П.А. К вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни в цифровой век // Пермский юридический альманах. Ежегодный научный журнал. 2019. № 1. С. 103-118.

17. Федеральный закон от 02 июля 2013 г. № 142-ФЗ «О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2013. № 145.

INTERNATIONAL AND NATIONAL ASPECTS OF LEGAL REGULATION OF PRIVATE LIFE AND THE RIGHT TO PRIVACY

The relevance of the topic of this article is mediated by the fact that the concept of "private life" is not currently enshrined in Russian legislation. Such an intangible good as "private life" in Russian law is considered only in the context of protecting its inviolability or fixing the secrecy regime, which leads to the problem of uniform understanding of the essence of the considered good. Main research methods: analysis, synthesis, comparative law. The article considers the concept of "private life", the ratio of the intangible good "private life" with the non-property right to private life, and their non-synonymy is noted. The problem of the lack of legal consolidation of the studied definitions in the Russian legislation is named, although at the international legal level the concept of private life has acquired a clear normative interpretation in the statement of the European court of human rights. In domestic law enforcement practice, Russian courts in most cases use the definition "private life" only in the context of protecting its inviolability. The norms of the Constitution of the Russian Federation legally enshrine the human right to privacy and the inadmissibility of collecting, storing, using and distributing data about a person's personal life without their consent. However, these norms of the Constitution of the Russian Federation (articles 23 and 24) have not been further detailed in special legislation. The author notes the unsatisfactory state of Russian legislation in terms of legal protection of personal life and personal information in comparison with similar foreign and international standards in the field under study.

Keywords: private life; inviolability of private life; non-material good; right to private life; non-property right

References

1. Avdeev M.Yu. Zakonodatel'stvo Rossijskoj Federacii o neprikosновенности chastnoj zhizni: k voprosu o zaimstvovanii zarubezhного opy'ta // Evrazijskaya advokatura. 2013. № 2 (3). S. 67-77.

2. Avdeev M.Yu. Zakonodatel'stvo Rossijskoj Federacii o neprikosновенности chastnoj zhizni: k voprosu o zaimstvovanii zarubezhного opy'ta // Novy'j yuridicheskij zhurnal. 2014. № 1. S. 35-53.

3. Bakaeva I.V. Ponyatie i priznaki nematerial'ny'x blag: zakonodatel'stvo, teoriya i praktika // Zakony` Rossii: opy`t, analiz, praktika. 2012. № 4.

4. Bol'shoj yuridicheskij slovar' // URL: <https://gufo.me/dict/law/%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B9%D0%B2%D0%B5%D1%81%D0%B8> (data obrashheniya: 04.04.2020).
5. Borycheva T.A. Grazhdansko-pravovaya ohrana nematerial'ny'x blag yuridicheskix licz : dis. ... kand. yurid. nauk. - M., 2017. – 231 s.
6. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii, chast' pervaya : Federal'ny'j zakon ot 30 noyabrya 1994 g. № 51-FZ // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 1994. №32. St. 3301.
7. Ivanskij V.P. Personal'ny'e dannyye kak osnovnoj ob'ekt posyagatel'stv na neprikosновенность sfery chastnoj zhizni: zakonodatel'ny'j opyt v zarubezhny'x gosudarstvax// Administrativnoe pravo i process. 2012. № 8. S. 50-56.
8. Ivanskij V.P. K opredeleniyu cheloveka kak sub'ekta prava XXI veka skvoz' prizmu informacionno-kvantovoj koncepcii prava (chast' 1) // Administrativnoe pravo i process. 2016. № 1. S. 48-53.
9. Konvenciya o zashhite prav cheloveka i osnovny'x svobod : zaklyuchena v g. Rime 04.11.1950 // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2001. № 2. St. 163.
10. Konvenciya o zashhite fizicheskix licz pri avtomatizirovannoj obrabotke personal'ny'x dannyy'x: Zaklyuchena v g. Strasburge 28.01.1981 // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2014. № 5. St. 419.
11. Krasotenko O.Yu. Ponyatie «chastnaya zhizn'» v resheniyax Evropejskogo suda po pravam cheloveka // Sbornik tezisov 68-j nauchno-prakticheskoy konferencii studentov, magistrantov i aspirantov fakul'teta mezhdunarodny'x otnoshenij BGU (Minsk, 27 aprelya 2011) / Minsk, 2011. - S. 51-53.
12. Mamut L.S. Narod v pravovom gosudarstve. - M.: Norma, 1999. - 152 s.
13. Mixajlova I.A. Lichny'e neimushchestvenny'e prava i nematerial'ny'e blaga: tradicionnoe ponimanie i novyye podxody // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2012. № 4.
14. Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 09.06.2005 № 248-O «Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdan Zaxarkina Valeriya Alekseevicha i Zaxarkinoj Iriny Nikolaevny na narushenie ix konstitucionny'x prav punktom "b" chasti tret'ej stat'i 125 i chast'yu tret'ej stat'i 127 Ugolovno-ispolnitel'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii» // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=7989373680398331966045677&cacheid=87AF4E684C890036CF422F178AB8078B&mode=splus&base=LAW&n=54736&rnd=0.3077391424690904#5zmb49g46jg> (data obrashheniya: 02.04.2020).
15. Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 28.06.2012 № 1253-O «Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Supruny Mixaila Nikolaevicha na narushenie ego konstitucionny'x prav stat'ej 137 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii» // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=7989373680398331966045677&cacheid=236CC02A8B7F334B465BA7AFE2EADD8B&mode=splus&base=LAW&n=133029&rnd=0.3077391424690904#1x6db42kuc> (data obrashheniya: 02.04.2020).
16. Romashov P.A. K voprosu o prave na neprikosновенность chastnoj zhizni v cifrovoj vek // Permskij yuridicheskij al'manah. Ezhegodny'j nauchny'j zhurnal. 2019. № 1. S. 103-118.
17. Federal'ny'j zakon ot 02 iyulya 2013 g. № 142-FZ «O vnesenii izmenenij v podrazdel 3 razдела I chasti pervoj Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii» // Rossijskaya gazeta. 2013. № 145.

Об авторах

Исаева Виктория Владимировна - студентка 4 курса юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, E-mail: vicaisaeva2912@rambler.ru

Сахарова Юлия Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: 1887342@mail.ru

Isaeva Victoria Vladimirovna - student of the faculty of law of Saint Petersburg state University (Russia), E-mail: vicaisaeva2912@rambler.ru

Sakharova Julia Vladimirovna – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky (Russia), E-mail: 1887342@mail.ru

Устинов А. А., председатель Советского районного суда г. Брянска; преподаватель Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского (Россия)

ГЕНЕЗИС ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О СУДЕБНОМ КОНТРОЛЕ ЗА ДОСУДЕБНЫМ ПРОИЗВОДСТВОМ

В статье раскрывается становление и совершенствование института отечественного судебного контроля за досудебным производством; выделяются этапы его исторического развития: возникновение судебного контроля за досудебным производством (начало 60-х годов XIX века), развитие контрольных полномочий судебных инстанций в процессе проведения судебной реформы 1864 года (1864-1917 года), реформа системы судебных контрольных полномочий (1917-1923 года), упразднение судебного контроля на досудебной стадии (1923-1983 года), возрождение судебного контроля и усиление судебных контрольных полномочий (1983-2001 года), расширение действия судебного контроля на досудебной стадии (2001 год - настоящее время); делается вывод, что упразднение судебного контроля на досудебной стадии историческими событиями советского периода показало негативное значение отсутствия в уголовном судопроизводстве указанного института, а его возрождение явилось результатом реализации идеи назревшего изменения уголовного процесса, его принципов и форм в направлении гуманизации и демократизма.

Ключевые слова: судебный контроль, досудебное производство, судебная реформа, правосудие, судебная власть.

Основополагающее значение в правовых вопросах имеет выстроенное на опыте предыдущих научных достижений или, напротив, заблуждений, ясное представление о том, каким образом необходимо развиваться процессу общего правового регулирования и его постоянному совершенствованию.

В этой связи, исследование института судебного контроля в уголовном процессе, его зарождение на досудебной стадии, дальнейшее развитие и совершенствование позволяют понять сущность указанного института, определить его основные направления развития, выяснить способы совершенствования, усмотреть необходимость последующих изменений.

Появление в уголовном процессе разных стран судебного контроля происходило неодинаково, и по времени, и по форме, но было обусловлено необходимостью осуществления проверки законности применения уполномоченными лицами мер, ограничивающих права и свободы граждан.

Зарубежная история судебного контроля на досудебной стадии уголовного процесса началась с момента принятия в Англии процедуры «Habeas Corpus», в соответствии с которой в 1275 г. Вестминстерским статутом, как отмечает М.А. Чельцов-Бебутов, было провозглашено «право на обжалование свободному и независимому судье действий органов королевской власти, посмевших заключить их под стражу» [12. С. 354-356].

В отличии от западных стран, в

русском уголовном процессе указанный институт начал применяться только спустя почти 600 лет, в ходе судебной реформы XIX века, с которой традиционно связывается начало важнейших преобразований отечественного уголовного судопроизводства.

А. Ф. Кони во «Введении к систематическому комментарию Устава Уголовного судопроизводства», отмечая несовершенство национального дореформенного уголовного процесса, называет его «бессвязным собранием самых разнородных и разновременных постановлений, механически сливавшихся воедино статьи уложения Царя Алексея Михайловича, указы Петра и, как выразился в 1835 году Государственный Совет, «виды правительства», обнародованные в 1784, 1796–1809 и 1823 годах» [2. С. 3].

Прямым следствием неурегулированности судебной процедуры явилось бесконтрольность органов полиции. Усугублялось это и тем, что полиция осуществляла не только полномочия органа дознания, но и осуществляла производство предварительного следствия.

В 1832 году в России была проведена первая в истории кодификация законодательства, которая систематизировала отечественные правовые нормы в Свод Законов Российской империи. Безусловно, данное событие было важным этапом развития русского уголовного процесса, однако, в области осуществления контрольных процедур за полицейскими функциями ситуация оставалась на

прежнем уровне. По словам И.Я. Фойницкого в период действия Свода законов 1832 года «царил полный произвол полиции», в период предварительного расследования «задержанные лица нередко забывались в тюрьмах», конкретных условий и оснований применения мер пресечения уголовно-процессуальный закон не предусматривал, «каждая власть могла заключить человека под стражу», ситуация усугублялась и тем, что «не было определено, подлежит ли такое постановление полиции обжалованию, ревизии или нет; содержащийся в тюрьме более трех дней мог жаловаться совестному судье в том лишь случае, когда ему не объявлено, за что он содержится, или когда он не приведен к допросу, но и это правило не распространялось на преступления государственные, на смертоубийство, поджигательство, разбой, кражу и мошенничество» [11. С. 323].

Таким образом, дореформенный российский уголовный процесс в середине XIX века находился на том этапе развития, когда явно назрела необходимость в судебном контроле на досудебной стадии.

Первым шагом в процессе становления судебного контроля в России явилось издание в 1860 г. «Наказа судебным следователям», которым предписывалось «по каждому факту задержания составлять письменное постановление и передавать его суду в течение суток для проверки» [11. С. 323-324].

С этого момента российское правосудие в области судебного контроля, как в целом и весь отечественный уголовный процесс, встало на этап прогрессивного реформирования, продолжавшегося на протяжении более полувека.

Обратимся к «Основным положениям уголовного судопроизводства», утвержденным Александром II 29 сентября 1862 г., и содержащимся в них постулатам. Впервые законодатель указал, что «власть обвинительная отделяется от судебной. Власть обвинительная, то есть обнаружение преступлений и преследование виновных, принадлежит прокурорам. Власть судебная, то есть рассмотрение уголовных дел и постановление приговоров, принадлежит судам без всякого участия властей административных». Также были сформулированы основные правила доказывания, о том, что «приговор

постановляется не иначе, как по проверке и дополнении в заседании суда доказательств, обнаруженных предварительным следствием». Была исключена формальность в оценке доказательств, при определении вины (или невиновности) подсудимых судьи должны были руководствоваться «внутренним убеждением, основанным на совокупности обстоятельств, обнаруженных при производстве следствия и суда». Провозглашалась открытость судебного разбирательства и публичное проведение судебных заседаний, за исключением случаев, указанных в законе. Закреплялись принципы инстанцииности: «Дела о преступлениях, не изъятых особыми постановлениями из общей подсудности, ведаются: мировыми судьями, их съездами, окружными судами, судебными палатами и кассационными департаментами Правительствующего Сената», а также кассационного пересмотра дел: «Каждое дело решается не более, как в двух судебных инстанциях. Окончательные судебные приговоры могут быть отменяемы только в особом порядке кассации» [13. С. 125-126].

Совершенно очевидно, что указанное Положение, провозглашенное Высшей властью Российской Империи, закрепило основные условия для реализации судебного контроля, в том числе, на досудебной стадии уголовного процесса. Установленное ясное распределение компетенции административных и судебных полномочий вывело судебную власть из обвинительной плоскости, определило ее самостоятельность. Закрепление процессуальных правил по проверке судом всех доказательств, собранных на предварительном следствии, включая и дополнительно представленные сторонами, при публичном осуществлении правосудия, и объективной оценке судом указанных доказательств в их совокупности, наряду с возможностью обжалования судебных решений в кассационном порядке, наделило судебный контроль существенными правообеспечивающими функциями, а судебную власть – правовыми инструментами проверки выполнения требований закона органами расследования.

Прогрессивная динамика развития отечественного уголовного процесса, том числе, контрольных полномочий суда на стадии

досудебного производства, продолжилась в результате проведения судебной реформы 1864 года, которая явилась настоящим историческим «прорывом», определив формирование новой системы судебных органов, становление современного порядка уголовного судопроизводства, введение регламентированных процедур в уголовно-процессуальном законодательстве.

Как известно, судебная реформа была проведена изданием 20 ноября 1864 г. «Судебных уставов», состоявших из четырех законов: «Учреждение судебных установлений», «Устав уголовного судопроизводства», «Устав гражданского судопроизводства» и «Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями».

Представляется необходимым внимательно проанализировать положения главы 12 «О порядке обжалования следственных действий вообще» Устава уголовного судопроизводства. Данной главой, в развитие принципа равенства всех перед законом и судом, вводился четкий порядок судебного контроля за действиями органов предварительного следствия. Глава включала два отделения: «Порядок принесения жалоб» и «Порядок рассмотрения жалоб». Каждое отделение состояло всего из 10 и 9 статей соответственно, в которых лаконичным образом были определены предмет судебного контроля, субъекты обжалования, круг участников, регламент, сокращенные сроки, порядок исполнения принятого судебного решения.

Существенное значение для новой процедуры судебного контроля имело то, что право принесения жалоб предоставлялось всем участвующим в деле лицам на «всякое следственное действие, нарушающее или стесняющее их права». Иные участники (свидетели, понятые, «другие призываемые к следствию лица») также могли приносить жалобы, но лишь на «притеснения и неправильные взыскания, коим они сами подверглись при следствии» (ст. 491-492). Разграничивался порядок подачи жалоб на действия полиции, которые в соответствии со ст.493 приносились прокурору, а жалобы на непосредственные действия следователя или принятые последним по требованию прокурора (либо его товарища) подлежали рассмотрению окружным судом. На оперативность

судебного контроля указывала возможность подачи жалобы (как письменной, так и «словесной»), вносимой в протокол) и до поступления дела в суд (ст. 494-495). Особое внимание было уделено возможности подачи жалобы лицом, содержащимся под стражей, которому предоставлялись все необходимые к тому способы. Согласно порядку, установленному ст.497, жалоба подавалась тому должностному лицу, на действия которого она приносилась для направления ее по принадлежности. При этом, подавший жалобу мог требовать о выдаче ему соответствующей расписки (ст.498). Для проведения судебного контроля были определены минимальные сроки. Так, поданная жалоба с надлежащим по ней объяснением направлялась по принадлежности в течение трех дней со времени ее подачи, а в случаях, когда жалоба приносилась на лишение свободы, – в течение суток (ст.499). Также было введено общее для судебного контроля правило, предусматривающее, что принесение жалобы до ее разрешения не приостанавливало ни производства следствия, ни исполнения отдельных следственных действий (ст.500).

По порядку рассмотрения жалоб была избрана следующая модель. При поступлении жалобы суд незамедлительно приступал к ее разрешению в распорядительном заседании. Предмет жалобы и все относящиеся к ней сведения докладывались одним из членов суда. Истребование следственных материалов допускалось только в случаях невозможности обсудить принесенную жалобу. Заявителю, в случае его участия, предоставлялась возможность обосновать доводы жалобы. Перед разрешением жалобы заслушивалось заключение прокурора (ст. 501-505). По результатам рассмотрения жалобы определение суда вносилось в протокол с указанием оснований для ее разрешения. Также предусматривалась возможность, в случае необходимости, передачи дела в производство другого следователя, при этом в определение суда указывались основания и перечень следственных действий, признанных судом недействительными и подлежащих возобновлению (ст. 506-507). В соответствии со ст.508 определение суда, принятое по результатам рассмотрения жалобы, оглашалось в судебном заседании и подлежало

немедленному исполнению. По требованию заявителя копия определения суда выдавалась ему в трехдневный срок (ст.509).

Анализ указанных положений показывает, что достаточно упрощенная модель судебного контроля на досудебной стадии и доступность указанной процедуры, введенная на территории всего Российского государства Уставом уголовного судопроизводства, преследовали своей целью оперативное, то есть, своевременное восстановление нарушенных прав участников уголовного судопроизводства. Однако, с учетом начального этапа развития данного правоприменительного процесса, массового характера процедура судебного контроля не имела. Так, в 1867, 1870, 1875, 1881 годах окружными судами центральной России было удовлетворено только соответственно 45, 83, 28 и 26 жалоб [3. С. 211].

Вместе с тем, влияние данных изменений в развитие отечественной судебной системы было огромным. Следует согласиться с оценкой И.Я. Фойницкого о том, что по результатам судебной реформы «отделение судебной власти от административной поставило судебную деятельность на высоту, какой она никогда прежде не достигала». Последний, называя судебную реформу ничем иным, как «памятником, утвердившим в нашей жизни драгоценные ростки законности и правды», связывает с ней общий подъем юридического сообщества России на протяжении целых 35 лет [11. С. 43-44].

Однако ход исторического процесса, связанный с революционными событиями 1917 года, изменил систему уголовного судопроизводства в государстве. В процессе создания новой системы уголовного процесса были ликвидированы ряд процессуальных институтов, включая судебный контроль на досудебной стадии.

Так, изданием 22 ноября (5 декабря) 1917 года Декрета № 1 «О суде» существовавшая судебная система была упразднена. В соответствии с п. 5 данного документа суды должны были руководствоваться «в своих решениях и приговорах законами свергнутых правительств лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию» [1].

В течение 1917-1920 годов происходит упразднение системы судебных контрольных полномочий. Этот этап, в отличии, к сожалению, от предшествующего, развивался более стремительно. Потребовалось не так много времени для разрушения действовавшей более полувека процедуры судебного контроля на досудебной стадии.

25 мая 1922 года был принят первый УПК РСФСР, в котором, тем не менее, были сохранены некоторые элементы контрольных судебных функций. Так лицо, незаконно содержащееся под стражей, могло быть освобождено судом, судебной инстанцией также проверялась законность задержания, кроме того, в судебном порядке мог рассматриваться вопрос о мере пресечения в случае несогласия следователя с указаниями прокурора. Также к полномочиям суда были отнесены, в том числе, разрешение вопросов об отводе следователя, о продлении срока содержания под стражей, принятие решений о приостановлении (возобновлении) или о прекращении предварительного следствия. Также первый советский УПК содержал главу об обжаловании действий следователя [9]. Так, в частности, стороны и другие заинтересованные лица могли приносить жалобы на действия следователя, нарушающие или стесняющие их права. Жалоба (письменная либо устная, подлежащая внесению в протокол) подавалась в районный суд (или прокурору) по месту производства предварительного следствия (ст. 216). Устанавливался семидневный срок на подачу жалобы со дня, когда заявителю стало известно об обжалуемом действии следователя, за исключением жалоб на избрание меры пресечения, волокиту и незаконные действия следователя, которые сроком не ограничивались (ст. 219). Подача жалобы не приостанавливала действий следователя (ст. 220). Суд обязан был рассмотреть жалобу в течение трех суток со дня ее получения (ст. 222). Положения ст. 223 не исключали участия заявителя в судебном заседании. В соответствии со ст. 224 вынесенное судом по жалобе определение объявлялось заявителю и приводилось в исполнение незамедлительно.

Вместе с тем, указанным положениям УПК РСФСР довелось просуществовать всего менее года. Так, уже 11 ноября 1922

года было принято Положение о судостроительстве РСФСР, на основе которого 15 февраля 1923 года был утвержден новый Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, просуществовавший почти 28 лет. Указанным уголовно-процессуальным законом судебный контроль был заменен на прокурорский надзор. Возможность судебной проверки законности действий (бездействия) органов предварительного расследования и обоснованности их решений теперь имела только на стадии судебного разбирательства дела по существу. Таким образом, судебный контроль осуществлялся уже после окончания предварительного следствия (дознания), спустя достаточно продолжительное время. Процедура судебного контроля по уголовным делам, производство по которым было прекращено (частично прекращено) или приостановлено, не предусматривалась вообще.

В данный период развития уголовного процесса законодатель исходил из достаточности ведомственного контроля и прокурорского надзора за предварительным следствием и дознанием в целях соблюдения законности в ходе досудебного производства.

Отсутствие судебного контроля за деятельностью органов расследования послужило предпосылкой для массовых нарушений прав и свобод граждан в период сталинских репрессий и негативно отразилось на национальном уголовном судопроизводстве в целом. В период 30-х годов XX века в процессе борьбы с врагами революции и классовыми оппонентами происходит появление и укрепление чрезвычайных процессуальных процедур, когда приговоры стали постановляться даже не судебными органами, а «особым совещанием», «двойками», «тройками», а доказательствами вины признавались сомнительные донесения осведомителей, самооговор, «компрометирующие связи», «политическая неблагонадежность».

Так, принятым в день убийства в Ленинграде С.М. Кирова Постановлением ЦИК от 1 декабря 1934 г. по уголовным делам о террористических организациях и актах срок предварительного следствия сокращался до 10 дней, устанавливался порядок вручения обвиняемому обвинительного заключения за одни сутки до рассмотрения дела в суде, исключалось участие обвинителя и защитника

в судебном разбирательстве, не допускалось кассационное обжалование приговора [7]. В 1937 году также был введен запрет на кассационное обжалование приговоров по уголовным делам о контрреволюционных вредительствах и диверсиях. По делам данной категории также был сокращен до одних суток срок вручения копии обвинительного заключения [8]. Народным Комиссариатом Юстиции принимались различные циркуляры, устанавливающие «особый» порядок производства по «политическим» уголовным делам, ограничивавших обвиняемых (подсудимых) в реализации важнейших процессуальных прав. При этом, производство по делам об общеуголовных преступлениях осуществлялось в соответствии с УПК РСФСР. Данная ситуация привела к тому, что в уголовном процессе отсутствовал единый процессуальный закон, регулирующий порядок уголовного судопроизводства, применялись многочисленные «особые» режимы рассмотрения отдельных категорий уголовных дел, а существование судебного контроля за досудебным производством вообще исключалось.

С началом 40-х годов прошлого века в нашем государстве наступает труднейшее военное время, потребности которого вынужденно обусловили ужесточение процессуального порядка расследования и рассмотрения уголовных дел в боевых условиях на фронте и в тылу.

После окончания Великой Отечественной войны в уголовно-процессуальном праве советского периода начался новый этап развития.

Мирное время постепенно возвращало общественную жизнь в нормальное русло. Начался процесс, связанный с кодификацией уголовно-процессуального права, с целью исключения применения «особых» производств вне УПК и соблюдения прав личности.

В 1958 году были приняты «Основы уголовного судопроизводства СССР и союзных республик», в соответствии с которыми в 1960 году был утвержден новый Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР [10].

При разработке данных документов были использованы не только результаты правоприменения ранее действовавшего уголовно-процессуального закона и научно-

исследовательской деятельности, но и уже существовавшие в то время международные стандарты прав и свобод человека.

Вместе с тем, с принятием указанных нормативных актов процедура судебного контроля по сравнению с довоенным периодом не претерпела изменений, что не соответствовало ни общим тенденциям развития законодательства, направленным на укрепление законности и правопорядка, ни процессу расширения конституционных прав граждан, получившему свою реализацию с принятием Конституции СССР 1977 года, ни уровню общественного развития страны, что определяло необходимость совершенствования отечественного уголовного судопроизводства в данной области.

Первые проявления процесса возрождения судебного контроля произошли в 1983 году, когда в УПК РСФСР были внесены изменения о вынесении судом частного определения (постановления), которым, в случае обнаружения нарушений прав граждан и других нарушений закона, допущенных при производстве дознания, предварительного следствия, суд обязывал принять соответствующие меры, направленные на устранение указанных нарушений. При этом перечень оснований для вынесения данного судебного решения не являлся исчерпывающим, а органы предварительного расследования обязаны были не позднее месячного срока принять необходимые меры и о результатах сообщить суду, вынесшему частное определение (постановление).

Процесс усиления полномочий суда по досудебному контролю продолжился принятием в 1991 году Концепции Судебной реформы [4], установившей одним из важнейших направлений судебной реформы расширение возможностей обжалования в суд неправомερных действий должностных лиц, установление судебного контроля за законностью применения мер пресечения и других мер процессуального принуждения.

В этой связи в 1992 году в целях обеспечения конституционных прав граждан на защиту и неприкосновенность личности Верховным Советом Российской Федерации в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР были внесены изменения, устанавливающие судебный контроль на досудебной стадии

судопроизводства, в соответствии с которыми лицо, подвергнувшееся аресту, получило право на обжалование и судебную проверку законности и обоснованности содержания его под стражей. При этом, постановление судьи об освобождении лица из-под стражи, вынесенное в результате судебной проверки, подлежало немедленному исполнению. Также были расширены права подозреваемого и обвиняемого на защиту в ходе досудебного производства, а на суд в рамках полномочий по судебному контролю возлагалась обязанность обеспечить подозреваемому и обвиняемому возможность защищаться установленными законом средствами и способами, а также охрану их личных и имущественных прав.

Указанные изменения соответствовали положениям Декларации прав и свобод человека и гражданина, принятой Верховным Советом РСФСР 22 ноября 1991 года [5]. Таким образом, с 1992 года, спустя семьдесят лет, в российском уголовном судопроизводстве был возрожден судебный контроль на досудебной стадии уголовного процесса.

На первоначальном этапе к контрольным полномочиям суда относилось лишь проверка законности и обоснованности решений органов предварительного расследования, санкционированных прокурором, о заключении подозреваемых, обвиняемых под стражу и о продлении срока содержания обвиняемых под стражей. Однако в дальнейшем, с принятием в 1993 году Конституции Российской Федерации, а в 2001 году – Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, сфера действия судебного контроля на досудебной стадии была расширена и стала распространяться на решения (действия и бездействие) органов предварительного расследования, собственно нарушающие конституционные права граждан.

Это явилось результатом реализации идеи назревшего изменения уголовного процесса, его принципов и форм в направлении гуманизации и демократизма.

Так, к исключительной компетенции суда, в том числе в ходе досудебного производства, было отнесено разрешение вопросов об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста; о продлении срока содержания под стражей; о

помещении подозреваемого, обвиняемого, не находящегося под стражей, в медицинский или психиатрический стационар для производства соответственно судебно - медицинской или судебно - психиатрической экспертизы; о производстве осмотра жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц; о производстве обыска и (или) выемки в жилище; о производстве личного обыска, за исключением личного обыска подозреваемого в порядке ст.93 УПК РФ; о производстве выемки предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах в банках и иных кредитных организациях; о наложении ареста на корреспонденцию и выемке ее в учреждениях связи; о наложении ареста на имущество, включая денежные средства физических и юридических лиц, находящиеся на счетах и во вкладах или на хранении в банках и иных кредитных организациях; о временном отстранении обвиняемого от должности в соответствии со ст.114 УПК РФ; о контроле и записи телефонных и иных переговоров.

Также к полномочиям суда в ходе досудебного производства было отнесено рассмотрение жалоб на действия (бездействие) и решения прокурора, следователя, органа дознания и дознавателя в случаях и порядке, предусмотренном ст.125 УПК РФ.

При этом в основу процесса осуществления судебного контроля были положены такие принципы как, во-первых, оперативность. Срок рассмотрения ходатайства об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу не должен превышать 8 часов с момента поступления материалов в суд (ч.4 ст.108 УПК РФ), предусмотрено незамедлительное уведомление родственников подозреваемого или обвиняемого о месте содержания его под стражей или об изменении места содержания под стражей (ч.11 ст.108 УПК РФ), срок проверки судом законности и обоснованности действий (бездействия) и решений дознавателя, следователя, прокурора составляет не более 5 суток со дня поступления жалобы (ч.3 ст.125 УПК РФ), рассмотрение судом ходатайства о производстве следственного действия, связанного с ограничением конституционных прав граждан, осуществляется не позднее 24 часов с момента поступления указанного ходатайства (ч.2 ст.165 УПК

РФ). Во-вторых, открытость. В соответствии с указанным принципом, исходя из общих положений уголовно-процессуального закона, рассмотрение жалоб в порядке ст.125 УПК РФ в форме осуществления правосудия по правилам состязательного судопроизводства происходит в открытом судебном заседании, за исключением случаев, предусмотренных ст.241 УПК РФ. В-третьих, доступность обращения в суд с жалобой на действия (бездействие) и решения органов дознания, их должностных лиц или следователя, в случаях несогласия заявителя с постановлением прокурора или руководителя следственного органа, вынесенного в соответствии со ст.124 УПК РФ. В четвертых, осуществление судебного контроля в ходе досудебного производства на основе сменяемости судей. Так не допускается возложение полномочий по рассмотрению ходатайств об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу на одного и того же судью на постоянной основе. Эти полномочия распределяются между судьями соответствующего суда в соответствии с принципом распределения уголовных дел (ч.13 ст.108 УПК РФ). В-пятых, возможность повторного участия судьи в деле в случае осуществления полномочий в порядке ч.2 ст.29 УПК РФ в стадии предварительного расследования (ст.63 УПК РФ). В-шестых, возможность обжалования решений судьи в вышестоящие судебные инстанции в порядке апелляционного и кассационного производства (ч.1 ст.127 УПК РФ).

Следует отметить, что возрожденный в отечественном уголовном процессе судебный контроль за соблюдением конституционных прав и свобод граждан в ходе предварительного расследования направлен на реализацию провозглашенного Конституцией Российской Федерации принципа осуществления судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон. В Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 29 июня 2004 года № 13-П указано, что наличие судебного контроля в отношении действий и решений субъектов, осуществляющих уголовное преследование, включая контроль со стороны апелляционной, кассационной и надзорной инстанций, обеспечивает в рамках уголовного

судопроизводства выполнение государством своей обязанности по признанию, соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина, их обеспечению правосудием (статьи 2 и 18 Конституции Российской Федерации) [6].

Таким образом, возрождение полноценного судебного контроля на досудебной стадии стало не только действенным способом

полноценной реализации судом функций судебной власти, но и, что более значимо, усилило роль суда в уголовном процессе. В настоящее время продолжается процедура дальнейшего совершенствования судебного контроля за досудебным производством, как процессуального института, в целях обеспечения прав граждан на судебную защиту.

Список литературы

1. Декрет «О суде» № 1 от 22 ноября (5 декабря) 1917 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Text/DEKRET/o_sude1.htm (дата обращения: 27.03.2015)
2. Кони А. Ф. Введение к систематическому комментарию Устава Уголовного судопроизводства. М., 1913. 16 с.
3. Попова А.Д. Правда и милость да царствуют в судах (Из истории реализации Судебной реформы 1864 года). Рязань, 2005. 312 с.
4. Постановление ВС РСФСР от 24 октября 1991 г. N 1801-1 «О концепции судебной реформы в РСФСР». «Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР» от 31 октября 1991 г. N 44 ст.1435
5. Постановление ВС РСФСР от 22.11.1991 N 1920-1 «О Декларации прав и свобод человека и гражданина». «Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР», 26.12.1991, N 52, ст.1865
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 29.06.2004 N 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы». Абз.4 пункта 3. «Российская газета», N 143, 07.07.2004,
7. Постановление ЦИК СССР от 01.12.1934 «О внесении изменений в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик». «СЗ СССР», 1934, N 64, ст.459
8. Постановление ЦИК СССР от 14.09.1937 «О внесении изменений в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик». «СЗ СССР», 1937, N 61, ст.266
9. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1922 г. Принят Постановлением ВЦИК от 25.05.1922. «СУ РСФСР», 1922, N 20 - 21, ст.230
10. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1960 г. (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) «Ведомости ВС РСФСР», 1960, N 40, ст.592.
11. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996. Т. 2. 607 с.
12. Чельцов-Бебутов М.А. Возникновение судебной проверки ареста // Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб., 1995. 846 с.
13. Шувалова В. А. О сущности судебной реформы 1864 г. в России // Советское государство и право. 1964. № 10. 121-127 с.

GENESIS OF DOMESTIC LEGISLATION ON JUDICIAL CONTROL OF PRE-JUDICIAL PROCEEDINGS

The article reveals the establishment and improvement of the institution of domestic judicial control of pre-trial proceedings; The stages of its historical development are distinguished: the emergence of judicial control over pre-trial proceedings (early 60s of the XIX century), the development of the control powers of the courts in the process of judicial reform of 1864 (1864-1917), the reform of the system of judicial control powers (1917-1923 years), the abolition of judicial control at the pretrial stage (1923-1983), the revival of judicial control and the strengthening of judicial control powers (1983-2001), the expansion of judicial control at the pretrial stage (2001 - present) me); it is concluded that the abolition of judicial control at the pre-trial stage by the historical events of the Soviet period showed the negative significance of the absence of this institution in criminal proceedings, and its revival was the result of the idea of an overdue change in the criminal process, its principles and forms in the direction of humanization and democracy.

Keywords: judicial control, pre-trial proceedings, judicial reform, justice, judicial power.

References

1. Decree "On the Court" No. 1 of November 22 (December 5), 1917 [Electronic resource]. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Text/DEKRET/o_sude1.htm (accessed: 03/27/2015)
2. Koni A.F. Introduction to the systematic commentary of the Charter of the Criminal Procedure. M., 1913.16 s.
3. Popova A.D. Truth and grace reign in the courts (From the history of the implementation of the Judicial Reform of 1864). Ryazan, 2005.312 s.
4. The decision of the Supreme Court of the RSFSR of October 24, 1991 N 1801-1 "On the concept of judicial reform in the RSFSR". "Vedomosti of the Congress of People's Deputies of the RSFSR and the Supreme Council of the RSFSR" of October 31, 1991 N 44 st.1435
5. Resolution of the Supreme Soviet of the RSFSR of November 22, 1991 N 1920-1 "On the Declaration of the Rights and Freedoms of Man and Citizen". "Vedomosti SND of the RSFSR and the Armed Forces of the RSFSR", 12/26/1991, N 52, Article 1865
6. Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 29, 2004 N 13-P "In the case of the verification of the constitutionality of certain provisions of Articles 7, 15, 107, 234 and 450 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in connection with the request of a group of deputies of the State Duma". Paragraph 4 of paragraph 3. "Rossiyskaya Gazeta", N 143, 07.07.2004,
7. Decree of the CEC of the USSR dated 01.12.1934 "On Amending the Current Criminal Procedure Codes of the Union Republics". "SZ USSR", 1934, N 64, Article 459
8. Decision of the CEC of the USSR of September 14, 1937 "On Amending the Current Criminal Procedure Codes of the Union Republics." "NW USSR", 1937, N 61, Article 266
9. The Code of Criminal Procedure of the RSFSR of 1922. Adopted by the Decree of the All-Russian Central Executive Committee of 05.25.1922. "SU RSFSR", 1922, N 20 - 21, Art. 230
10. The Code of Criminal Procedure of the RSFSR in 1960 (approved by the Supreme Court of the RSFSR 10/27/1960) "Vedomosti Armed Forces of the RSFSR", 1960, No. 40, art. 592.
11. Foynitsky I.Ya. Course of criminal proceedings. SPb., 1996.V. 2.607 s.
12. Cheltsov-Bebutov MA The emergence of a judicial review of arrest // Criminal Procedure Law Course. Essays on the history of the court and criminal process in slave, feudal and bourgeois states. SPb., 1995.846 c.
13. Shuvalova V. A. About the essence of the judicial reform of 1864 in Russia // Soviet State and Law. 1964. No. 10. 121-127 p.

Об авторе

Устинов Артем Анатольевич – председатель Советского районного суда г. Брянска; преподаватель Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского (Россия), e-mail: artem.ustinov@mail.ru

Ustinov Artem Anatolyevich - Chairman of the Sovetsky District Court of Bryansk; lecturer of the Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky (Russia), e-mail: artem.ustinov@mail.ru

Правила предоставления рукописей

В журнале «Вестник БГУ» публикуются статьи теоретического, методического и прикладного характера, содержащие оригинальный материал исследований автора (авторов), ранее нигде не опубликованные. Материал исследований должен содержать научную новизну и/или иметь практическую значимость.

Статьи обзорного характера к публикации не принимаются.

Научный журнал формируется по следующим отраслям и группам научных специальностей:

07.00.00 – исторические науки и археология;

08.00.00 – экономические науки;

12.00.00 – юридические науки.

Требования к структуре статей

(см. образец оформления статьи)

Все указанные структурные элементы статьи отделяются друг от друга пропуском строки.

1. В начале статьи указываются:

- номер по Универсальной десятичной классификации – УДК (Times New Roman 14 pt, обычный, выравнивание по левому краю);
- фамилия и инициалы автора (Times New Roman 14 pt, жирный), ученая степень, ученое звание, название образовательной организации, страна – на русском языке (Times New Roman 14 pt, обычный, выравнивание по ширине, межстрочный интервал одинарный);
- название статьи (10-12 слов, заглавными буквами, Times New Roman, 14 pt, жирный, выравнивание по центру, межстрочный интервал – одинарный);
- аннотация на русском языке (150-250 слов, см. образец оформления статьи);
- ключевые слова (8-10 слов и словосочетаний, Times New Roman 14 pt, надпись «Ключевые слова» – жирный, выравнивание по ширине, междустрочный интервал одинарный).

2. Текст статьи на русском языке (Times New Roman 14 pt; обычный; выравнивание по ширине; междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 1 см.)

3. После текста статьи размещаются:

- список литературы на русском языке (Times New Roman 14 pt, выравнивание по ширине, междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 1 см., нумерация автоматическая, см. образец оформления статьи);
- название статьи на английском языке;
- аннотация на английском языке («Abstract»);
- ключевые слова на английском языке («Keywords»);
- список литературы на английском языке (References);
- информация об авторе (фамилия, имя, отчество полностью; ученая степень, ученое звание; должность; название образовательного учреждения, страна; адрес электронной почты) на русском и английском языках.

Статьи предоставляются в редколлегию в печатном и электронном виде, подготовленные с помощью текстового редактора Microsoft Word (*.doc, *.docx, *.rtf) и разбитые на страницы размером А4. Поля страницы: левое — 2 см, правое – 2 см, верхнее – 2 см, нижнее – 2 см. Текст – шрифтом Times New Roman, 14 pt, межстрочный интервал — одинарный, красная строка (абзац) 1 см (формата А-4), выравнивание по ширине. Страницы не нумеруются. Ручные и автоматические переносы **не допускаются**. Если статья выполнена при поддержке гранта или на основе доклада, прочитанного на конференции, то необходимо сделать соответствующую сноску в заголовке статьи (*). Объем статей, как правило, не должен быть менее 5 страниц А4 (14 000 знаков с пробелами) и не превышать 12 страниц А4 (32 000 знаков с пробелами), включая список литературы (10-15 источников). Желательно привлечение источников, индексируемых в Scopus. Все источники в тексте статьи обязательно должны быть процитированы хотя бы один раз.

Аннотация на русском языке должна содержать 150-250 слов (актуальность темы исследования, постановка проблемы, цели и методы исследования, результаты и ключевые выводы). После аннотации размещаются ключевые слова (8-10). Через строку размещается текст статьи, который должен содержать следующие обязательные элементы:

- **Введение** (актуальность темы, обзор литературы, постановка проблемы, формулирование целей и задач данного исследования);
- **Методы** (детально описываются методы и схема экспериментов/ наблюдений, позволяющие воспроизвести результаты, пользуясь только текстом статьи);
- **Результаты** (представляются фактические результаты исследования);
- **Обсуждение** (содержит интерпретацию полученных результатов исследования, включая: соответствие полученных результатов гипотезе исследования; ограничения исследования и обобщения его результатов; предложение по практическому применению; предложения по направлению будущих исследований);
- **Заключение** (содержит краткие итоги разделов статьи без повторения формулировок, приведенных в них).

После основного текста статьи автор или авторы могут поместить благодарности коллегам за помощь в подготовке статьи, за финансовую поддержку и другие.

На титульной странице оформляется исключительное авторское право на статью путем перечисления фамилий и инициалов всех авторов после знака Copyright © на русском и английском языках.

После текста статьи размещается «Список литературы» (14 pt) с выравниванием по ширине (см. пример оформления статьи). В этот список включаются только те источники, на которые в тексте статьи имеются ссылки. Он формируется в алфавитном порядке (вначале источники на русском языке, затем на иностранных языках).

Ссылки на литературу по тексту статьи необходимо давать в квадратных скобках, через запятую номер страницы [5, с. 17]. Ссылки оформляются в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Работы одного и того же автора цитируются в хронологическом порядке независимо от наличия соавторов.

Затем размещается английский блок: фамилия, имя, отчество автора, ученая степень, ученое звание, название организации, страна, название статьи, аннотация и ключевые слова (Abstract + keywords), список литературы (References), см. образец оформления статьи).

Если статья содержит таблицы или рисунки, в тексте должны быть ссылки на эти элементы (см. рис. 1 или см. табл. 1).

Оформление таблицы. Обратите внимание, что надпись «Таблица 1» не имеет знака номера и точки. Обязательно должно быть название таблицы (располагается перед самой таблицей), после которого также не ставится точка. Шрифт Times New Roman 14 pt, (жирный), интервал – одинарный.

Таблица 1

Результаты исследования уровня волевого самоконтроля

Все рисунки и чертежи выполняются четко, в формате jpeg, обеспечивающем ясность понимания всех деталей; это особенно относится к фотокопиям и полутоновым рисункам. Весь иллюстративный материал должен быть выполнен в черно-белой гамме. (Цветные иллюстрации будут удаляться). Язык надписей на рисунках (включая единицы измерения) должен соответствовать языку самой статьи. Поясняющие надписи следует по возможности заменять цифрами и буквенными обозначениями, разъясняемыми в подписи к рисунку или в тексте. Название иллюстративного материала оформляется исключительно под рисунком. Подписи к рисункам – шрифт Times New Roman 14 pt, (обычный), интервал – одинарный.

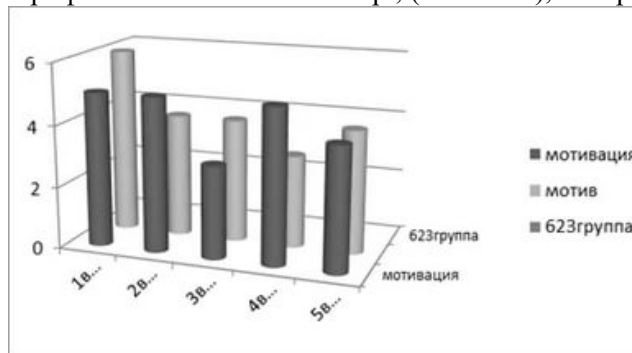

Рис.1. Результаты изучения мотивации студентов

Авторов, использующих при подготовке рисунков компьютерную графику, просим придерживаться следующих рекомендаций: графики делать в рамке; штрихи на осях направлять внутрь; по возможности использовать шрифт Times; высота цифр и строчных букв должна быть в пределах 3-4% от максимального размера (высоты или ширины) рисунков, это относится и к цифрам на осях вставки; обозначения единиц измерения на осях графиков приводить в скобках. Таблицы, рисунки и подписи к ним помещаются непосредственно в тексте. Векторные величины выделяются прямым полужирным шрифтом. Все сколько-нибудь громоздкие формулы выносятся на отдельные строки. В тексте статьи допускаются системы физических единиц СИ и СГСЭ.

Всего автор оформляет и подает 3 электронных документа:

1. Текст статьи, оформленный в соответствии с указанными требованиями;
2. Авторская справка (см. образец);
3. Отчет о проверке в системе «Антиплагиат». Оригинальность статьи должна быть от 80%.

К работам аспирантов или соискателей необходимо приложить рекомендацию, подписанную научным руководителем и справку из отдела аспирантуры, к статьям кандидатов и докторов наук должны быть приложены две рецензии (внутренняя и внешняя).

Каждая статья в обязательном порядке проходит процедуру закрытого рецензирования. По результатам рецензирования редколлегия оставляет за собой право либо вернуть автору статью на доработку, либо отклонить ее публикацию в журнале.

Контактная информация доступна на сайте журнала: vestnik-brgu.ru

Адрес: 241036, г. Брянск, Бежицкая, 20, редакционно-издательский отдел.

Телефон: (4832) 66-67-58; **E-mail:** gumvest.bgu@yandex.ru

ОТ РЕДАКЦИИ:

В научном журнале «Вестник БГУ» за 2014 год № 1 была опубликована статья Серебряковой Е.А. «Влияние музыки на психофизическое состояние человека» (с. 258-263). В указанной статье автором на с.259 в последнем абзаце допущена ошибка в написании фамилии автора кандидата психологических наук Мирошник Ирины Макаровны, которое неверно указывается как «И. Мельник» и «Ирина Мельник». Вместо неверно указанной фамилии следует читать «И. Мирошник» и «Ирина Мирошник».

Вестник Брянского государственного университета

№2 (44) 2020

**Свидетельство о регистрации средства массовой информации
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
ПИ № ФС77-51557 от 26.10.2012**

Подписной индекс «Пресса России»: 40705

Главный редактор журнала: Степченко Т. А.

Адрес учредителя:

ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского»
241036, г. Брянск, Бежицкая, 14.

Адрес редакции и издателя:

РИСО ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского»
241036, г. Брянск, Бежицкая, 20.

Адрес типографии:

241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, 20

Подписано в печать: 25.06.2020.

Дата выхода журнала в свет: 30.06.2020.

Формат 60x84/8. Печать на ризографе. Бумага офсетная.

Усл. п.л. 19,5. Тираж 500 экз. Свободная цена. **16+**